

Г
НИКОЛАЙ
ЛАЗОВ
ИЗБРАННОЕ

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1989

ББК 84Р7

Г52

Составление и научная
подготовка текста

Н. Старшинова и Евг. Евтушенко

Вступительная статья

Евг. Евтушенко

Оформление художника

Ю. Боярского

Г $\frac{4702010202-140}{028(01)-89}$ 44—89

ISBN 5—280—00550—9

© Тексты. Состав. Вступительная статья. Оформление. Издательство «Художественная литература», 1989 г.

СКОМОРОХ И БОГАТЫРЬ

Существует определение «поэт для поэтов». Обычно так называют человека, не снискавшего громкой известности среди широких читательских масс и тем не менее оказавшего влияние на коллег по перу — более известных, чем он сам. Но в этом определении есть логическая неточность. Влияя на коллег, такой поэт через них оказывает влияние и на широкого читателя и, следовательно, уже не является «поэтом для поэтов».

Так называли когда-то Хлебникова. Действительно, в течение долгого времени Хлебников доходил до широкого читателя в основном преломленно — через Маяковского, считавшего его своим учителем и творчески разработавшего открытия «дервиша русской поэзии». Сейчас у Хлебникова все больше и больше прямых читателей и все реже в статьях о нем употребляется эта формула — «поэт для поэтов».

В «поэтах для поэтов» долгое время ходил и Николай Глазков. Кстати, он в юношеские годы декларировал родство своей судьбы с судьбой Хлебникова:

Куда спешим? Чего мы ищем?
Какого мы хотим пожара?
Был Хлебников. Он умер нищим,
Но Председателем Земшара.
Стал я. На Хлебникова очень,
Как говорили мне, похожий:
В делах бессмыслен, в мыслях точен,
Однако не такой хороший.
Пусть я ленивый, неупрямый,
Но все равно согласен с Марксом:
В истории что было драмой,
То может повториться фарсом.

Не проводя никакой аналогии между Глазковым и Хлебниковым, я все же замечу, что некоторые обстоятельства жизни у них были действительно сходны. Глазков еще с довоенных

литинститутских времен был своеобразной знаменитостью, правда, кулуарной,— отчасти по собственному пренебрежению к печатанию, отчасти по другим причинам. К читателю он прорывался опять-таки преломленно — через творчество своих товарищей — Кульчицкого и Луконина, а позднее Слуцкого и Межирова. Не случайно первая книжка стихов Межирова называлась «Дорога далека» — по одноименной строчке Глазкова.

Я сам себе корежил жизнь,
Валяя дурака;
От моря лжи до поля ржи
Дорога далека.

Помню, как однажды во время разговора о силе интонации в становлении личности поэта Луконин вдруг озарился улыбкой, процитировав мне стихотворение Глазкова о футболистах:

Бегут они без друга, без жены...

И действительно — какая чистая, лукавая и в то же время грустная интонация. Так неожиданно и просто мог написать только Глазков.

Когда мне впервые попали в руки стихи этого поэта, я буквально бредил его строчками, сразу запомнившимися наизусть: так покоряюще они входили в душу. В них было то чудо естественности, когда прочтенное тобой немедленно становится частью тебя самого, и уже навсегда.

У молодости на заре
Стихом владели мы искусно,
Поскольку были мы за ре-
волюционное искусство.

Я лез на дерево судьбы
По веткам мыслей и поступков.
Против меня были рабы
Буржуазных предрассудков.

.

Оставить должен был ученье,
Хотя и так его оставил.
Я исключен как исключенье,
Во имя их дурацких правил!

Итак, плохи мои дела,
Была учебы карта бита,
Но Рита у меня была,
Рита, Рита, Рита...

Студенты хуже школьников
Готовились к зачетам,
А мы всю ночь в Сокольниках...
Зачеты нам за чертом?

Зимой метель как мельница,
А летом тишь да гладь.
Конечно, разумеется,
Впрочем, надо полагать...

Какие плавные ритмические и смысловые переливы! Полное отсутствие профессиональной натуги. Написано как бы играючи, с веселым ощущением собственной силы. Иногда читаешь чьи-нибудь стихи и видишь, что они заранее как бы кибернетически вычислены. Но даже если такие стихи говорят о радости, то она не передается читателю, ибо самая оптимистическая информация, переданная роботом, не заменит живую улыбку на лице живого человека.

Или так начинается повесть,
Или небо за тучами синее...
Почему ты такая, то есть
Очень добрая и красивая?

Необыкновенно простые, «миллионжды» повторявшиеся слова, но в каком удивительно обаятельном порядке! Именно обаяние порядка слов, то есть поэтическая интонация, и дарит счастливое ощущение поэтической свободы. Ей-богу же, в таком, например, глазковском четверостишии, написанном во время войны:

Живу в своей квартире
Тем, что пилю дрова.
Арбат, 44,
Квартира 22,—

больше воспетой Пушкиным «тайной свободы», чем в какой-нибудь дурного вкуса высокопарной оде, где автор находится в дохристианском рабстве у слова.

Поэтическая свобода начинается с освобождения от словес. Поэтическая свобода начинается с того, что поэт не вычисляет стихи, а выдыхает их, и его слова — это лишь часть его дыхания. А мы ведь не думаем, изящно мы дышим или нет, а просто дышим, иначе умрем. Но естественность дыхания — это лишь первое условие поэзии. Второе ее условие — естественность мышления, а естественность мышления — это уже мастерство. Только мастерство позволит отлить в звонкую строчку расплавленную хаотическую массу бушующих внутри нас маленьких и больших мыслей.

А счастья нет, есть только мысль,
Которая всему итог,
И если ты поэт, стремись
К зарифмованью сильных строк.

И еще одно из удивительных качеств Глазкова — это, не теряя естественности, в то же время быть властелином хаотичности жизни, бросая на стол времени полиовесные отливки афоризмов: «Тяжела ты, шапка Мономаха, // Без тебя, однако, тяжелей», «Испугались мы не поражения, // А того, что не было борьбы», «Поэзия — сильные руки хромого», «Жил да был один кувшин, // Он хотел достичь вершин, // Но не смог достичь вершин, // Потому что он кувшин». Какое редчайшее сочетание грубоватой маяковской обнаженности интонации и одновременно омархайямовской тонкости! Становится даже странно, что до Глазкова никто не написал этих строк — ведь они, казалось бы, сами напрашиваются на ум. Но это и есть мастерство. Поэт так накрепко вколачивает в наше сознание стихи, что они кажутся выношенными нами лично.

У Глазкова нет придуманного лирического героя — гомункулуса, которого выводят в своих колбах безликие стихотворцы. Его герой — это Николай Иванович Глазков, 19-го года рождения, живший именно на Арбате, 44, кв. 22.

Кто же он такой — этот Николай Иванович Глазков?

Добрый и сильный человек, любящий жизнь, хотя и не умиляющийся ею, не балующий ее сентиментальными излипаниями. Истинно русский человек, в котором есть что-то и от скомороха, и одновременно от хитроумного богатыря Алеши Поповича. Он любит природу и любит людей.

Он разный — иногда придуривающийся, иногда беспощадно к самому себе откровенный. Он может хитро прищурить глаза и рассказать такую вот сказочку:

Решил Господь внезапно, сразу:
Поотниму
У большинства людей по глазу
По одному.

Куда ни глянь, везде циклопы;
Но волей Бога
Кой у кого остались оба
Ока.

Циклопы, вырвавшись из сказок,
Входили в моду,
И стали звать они двуглазок:
«Уроды!»

Двуглазки в меньшинстве остались,
И между ними
Нашлись, которые пытались
Глядеть одним, и

Хоть это было неудобно
Двуглазым массам,
Зато прилично и подобно
Всем одноглазым...

И вдруг скоморошья дудочка превращается в богатырскую палицу:

Мужик велик. Как богатырь былин,
Он идолиц поганых погромил,
И покори́л Сибирь, и взял Берлин,
И написал роман «Война и мир»!

И опять в руке скоморошья дудочка:

Правдиво отразить двадцатый век
Сумел в своих стихах поэт Глазков,
А что он сделал, — сложный человек?..
...Бюро, бюро придумал... пропусков!

К сожалению, для широкого читателя талант Глазкова не был раскрыт в полную мощь.

Дело в том, что вышедшие до сих пор книги Глазкова не соответствуют подлинным масштабам его дарования — слишком много стихов по самым разным причинам оставались за бортом и составлялись глазковские сборники из стихов неглавных. Хотя во всех книгах поэта встречаются кусочки глазковского облика, ни одна из них пока не выражала лицо поэта в целом. Почему так случилось?

Сейчас, когда перечитываешь Глазкова, понимаешь трагическое звучание кинометафоры А. Тарковского, снявшего поэта в роли русского мужика, который пытался взлететь над землей на самодельном воздушном шаре... Вся юношеская поэзия Глазкова была такой гениальной летающей самоделкой, сшитой из лоскутков. С ее помощью он пытался преодолеть притяжение действительности. А действительность была невеселая — в тридцать седьмом году Глазкову исполнилось 18 лет. В отличие от многих своих сверстников он был лишен романтических иллюзий, и его стихи совершенно не совпадали с тем, что печаталось. Прикинувшись блаженным, Глазков, может быть, лишь ценой своего спасительного скоморошества сберег внутреннюю свободу. Блаженным на Руси и во времена Ивана Грозного прощали то, что никому бы не простили. Строчки «Мне говорят, что «Окна ТАСС»//Моих стихов полезнее.//Полезен также унита́з,//Но это не поэзия», как и многое другое, могли бы ему

стоит не меньше десятка лет с небом в крупную клетку. Поэзия Глазкова была восстанием под знаменем насмешки. Восстанием против подавления живого во всем живом: «Эти сволочи Вас заманили//В логово их мелочей.//Вы за меня, ИЛИ//За сволочей?», против цензуры: «Вы, которые не взяли//Кораблей на абордаж,//Но в страницы книг вонзали//Красно-синий карандаш», против бюрократии: «Так бюрократы каменного века//Встречали первый бронзовый топор», против подхалимской героизации мантии тирана, у которой была на самом деле кровавая подкладка: «Чем столетье интересней для историка,//Тем для современника печальней».

Во время войны, несмотря на буквально физическое отвращение к захватчикам, Глазков сумел, как никто из тогдашних поэтов, подняться от конкретной ненависти к конкретной войне до беспристрастного осуждения войн как социально-исторического явления. Это явление Глазков заклеил как кровопролитную «мировую дурь»:

К беде ведет войны дорожка.
Войну, как хочешь, обэкрать,
Она — бессмысленная роскошь,
Дорогостоящая дрянь...

В послевоенные годы поэт продолжает свои размышления так:

Война преждевременно старит сердца
И губит хороших людей,
А встанет убить одного стервеца
В один миллион рублей!

Расцвет творчества Глазкова пришелся, на мой взгляд, на самые тяжелые годы в истории советского государства — поздние тридцатые, сороковые. «Оттепель» была слишком непоследовательна и по-настоящему Глазкова не открыла. Ему дали дорогу как профессиональному стихотворцу, но не как большому поэту. Глазков, привыкший всю жизнь обороняться скоморошеством, легализовался тоже по-скоморошески. Жизнь его раздвоилась. Он продолжал выпускать рукописные книжечки («Самсебяиздат») и параллельно — официальные книжки. Кое-что из Самсебяиздата просачивалось в эти книжки, но случайно и скуповатенько. Некоторые стихи из этих книжек похожи на нарочитое самооглупление. Глазков, стоически вынесший полное непечатание, не выдержал полупечатанья, раздвоения. Качество даже его самсебяиздатовских книжек ухудшилось, перешло на уровень торопливого «капустника»...

Глазков не был обделен высоко ценившими его читателями, — все поэты фронтового поколения знали его на память. Но

круг этих читателей так и остался узким, если не считать отдельных прорывавшихся в фольклор строчек. При жизни Николай Иванович так и не увидел такого издания, как это, где действительно собраны лучшие его стихи. Работа по составлению была адова, ибо у некоторых произведений — по несколько вариантов, а многие строфы и даже «блоки» кочуют из поэмы в поэму. Это объясняется не только желанием Глазкова достигнуть совершенства, но и отчаянными попытками пробить стену, напечатать свои стихи в каком угодно виде, даже жертвуя самыми лучшими строфами и строками.

Заранее хочу предупредить: если подходить к Глазкову с мерками ханжествующего пуританства, то поэт окажется беззащитен. В таком случае и Омара Хайяма пора прекратить печатать, — ведь его поэзию можно назвать «пропагандой алкоголизма», а заодно надо запретить многие стихи Есенина. Но будем ориентироваться на читателя умного, отличающего трагедию от зазывания в трагедию. То, что Глазков пил, было его трагедией, и, иногда вроде бы воспевая застолье, на самом деле он понимал то, как водка разрушает человеческую личность, в том числе и его собственную: «Все было просто и легко, когда плескалась водки масса. От нас то время далеко, как от Земли до Марса». Глазковское донжуанство не настоящее, а показное, мальчишеское. Под этим показным донжуанством скрывалась обиженность женщинами, неуверенность, застенчивость. Маяковский выражал эту застенчивость почти звериным рыком: «Тело твое прошу, как просят христиане — «хлеб наш насущный даждь нам днесь». Не стоит глазковские призывы к женщине — «Надо быть исключительной дурой, // Чтоб такое свершить преступленье // Пред отечественной литературой» — принимать за развязность. Это была его, глазковская, форма той же самой застенчивости. Отношение Глазкова к женщине лучше всего выражено в отчаянном признании-обещании:

Ищи деловитого, дельного,
Не сбившегося с пути;
Такого, как я, неподдельного,
Тебе все равно не найти!

Да и то, что Глазков неустанно называл сам себя «великим», — не зазнайство:

Как великий поэт
Современной эпохи
Я собою воспет,
Хоть дела мои плохи.

В неналаженный быт
Я впадаю как в крайность...
Но хрусталь пусть звенит
За мою гениальность!..

Для Глазкова это было самоспасением, когда все лучшее, написанное им, корчилось под самсебяиздатовскими обложечками, ища выхода к людям, который был перекрыт. Но свою неподдельность Глазков спас. И, возможно, в своем самоопределении, казавшемся даже его друзьям всего-навсего шуткой, он не ошибся.

Юношеские опасения Глазкова оказались напрасными: фарса не получилось, ибо скоморох и богатырь в одном лице — это фигура поистине драматическая...

Да, фильм «Андрей Рублев» начинается с того, как деревенский полусумасшедший-полупророк, наполнив дымом сшитый из кож воздушный шар, прыгает с колокольни, пытаясь взлететь, но земное притяжение неумолимо — и он разбивается. Роль этого летающего мужика сыграл Николай Глазков.

А вот в жизни ему все-таки удалось взлететь в небо истинной поэзии.

Евг. Евтушенко

С ТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

*Прошедшее прошло и миновало,
Оно уж не вернется никогда,
Но для меня не все еще пропало:
Пропали лишь минувшие года.*

1934

* * *

Рекламы города цветут
Движеньем и огнем.
Четыре девушки идут
И думают о нем.

А почему не обо мне,
Чем хуже я его?!
Ничем не хуже, но оне
Не смыслят ничего.

1933

* * *

Есть много в миру баллад
И много в быту болот.
На всех площадях парад,
Все реки проходят вброд.

На всякого Цезаря — Брут,
Во всякой науке Евклид,
И к адской стене припрут
Граниты могильных плит.

1937

* * *

Как из чернильницы вино
И откровенья с наковален,
Я в мире — как никто иной,
И потому оригинален.

Но все ж судьбой неповторимой
Себя напрасно я томил:
Не все пути ведут из Рима,
Но все они приводят в мир.

Что было там? Бесславья копоть,
Непобедимая тоска.
Что верность средствам? Лишь окопы.
А верность целям — то войска.

Довольно жить на почве зыбкой,
Препятствия не сокруша.
Я сознаю свои ошибки,
Что значит — их не совершал.

1937

* * *

Пьяный ушел от зимнего холода,
Пьяный вошел в кафе какое-то,
Словно в июльский день.

Стопка, другая, и третья, и пятая,
Пьяный смеялся, падая,
Задевая людей.

Пьяного выволокли на улицу,
Лежит человек на снегу и простудится
Во имя каких идей?

ПИРАТ

В морской утонувши пучине,
Мог быть достоянием крабов
Иль где-нибудь в знойной пустыне
Рабом разъяренных арабов.

Не раз на съеденье акулы
Его обрекали матросы,
Но он им сворачивал скулы,
Спокойно куря папиросы.

Не раз с берегов Сенегала
Ему угрожали кончиной,—
Он вешал посланца-нахала
На длинном конце парусины.

Он грабил далекие страны.
Под жизни скитальческой склон
Залечивать старые раны
Поехал на родину он.

И смерть восприял на постели
В одну из морозных ночей,
Под северный ропот метели,
Под сдержанный шепот врачей.

1937

* * *

Люди бегут на лыжах,
Желая кому-то добра.
Налет на цинковых крышах
Солнца и серебра.
Так летá пролетали.
Хотелось хорошего мне б!
Но цинком струит планетарий
Изнанку каких-то неб.

Смотрит на город витрина,
Ни холодно ей, ни тепло.
Похоже на паутину
Треснутое стекло.
Загромождено мелочами
Течение большого дня.
Люди не замечают
Ни мелочей, ни меня.

Если добраться до истин,
Ни одна трава не сорняк:
Пусть бесполезны листья —
Значит, польза в корнях!..
Много стихов сочинил я
Про то, как жизнь хороша.
Пальцы мои в чернилах,
Пальцы, а не душа!

1938

ВОРОН

Черный ворон, черный дьявол,
Мистицизму научась,
Прилетел на белый мрамор
В час полночный, черный час.

Я спросил его: — Удастся
Мне в ближайшие года
Где-нибудь найти богатство? —
Он ответил: — Никогда!

Я сказал: — В богатстве мнимом
Сгинет лет моих орда.
Все же буду я любимым? —
Он ответил: — Никогда!

Я сказал: — Пусть в личной жизни
Неудачник я всегда.
Но народы в коммунизме
Сыщут счастье? — Никогда!

И на все мои вопросы,
Где возможны «нет» и «да»,
Отвечал вещатель грозный
Безутешным: — Никогда!

Я спросил: — Какие в Чили
Существуют города? —
Он ответил: — Никогда! —
И его разоблачили.

1938

БЮРОКРАТЫ

Всем смелым начинаньям человека
Они дают отпор:
Так бюрократы каменного века
Встречали первый бронзовый топор.

Им злоба затаенная дана,
С какой они смотрели на
Первого русского летуна,
Когда тот прыгал с колокольни Ивана Великого.

Они иначе не могли смотреть,
Их мысли были мелки и плохи,
Они всю жизнь готовили мне смерть
И не печатали мои стихи.

1938

* * *

Жизнь —
 путевка в Сибирь,
И грехов отпущение,
И морская вода.
Жизнь люблю
 не за быль,
За одно ощущение —
Взгляд, направленный вдаль.

1938

* * *

Книги в сонме лет летевших
Как огни горят.
О крушенье потерпевших
Книги говорят,
Что хотя валы горою
Вились в общий вихрь,
Но центральные герои
Не тонули в них.

1939

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Мой любимый писатель еще не рожден,
Он еще затерялся в веках.
Я учителем сделал его и вождем,
Для меня он Юпитер и Вакх.

И другие еще, но не только они.
Он — еще, и еще, и еще.
Он волнует, но впятеро больше манит,
Как число, потерявшее счет.

Мой любимый писатель — и дьявол, и бог,
И писатель минувших веков.
Он Шекспир, Пастернак, Маяковский и Блок,
Достоевский, Гомер и Глазков.

1939

АНТИСОНЕТ

Опять классический сонет
Навис проблемой для поэта,
И от сонета спасу нет,
И от сонета спасу нету...

Ты за сонет, а я — за нет.
К чему поэзии все это?
Долой сюсюканье сонета!
Бросай сонеты в Лету лет.

Бросай сонеты, не зевай,
Пускай они исчезнут в бездне.
Другие жанры называй
И сочиняй другие песни.

Прими совет —
Забудь сонет.

1939

СТАНСЫ

Явления сужать
Не буду рубежи.
Привыкли люди рассуждать
И не привыкли жить.

Завязли в книжные лиманы
И утонули в иле.
Как много вы прочли романов
И мало как любили!

Я хочу, чтоб все были поэтами,
Потому что поэзия учит,
Потому что это мир
Настоящих и лучших.

1939

* * *

Ночь легла в безжизненных и черных,
Словно стекла выбил дебошир...
Но не ночь, а — как сказал Крученых —
Дыр-Бул-Щил.

Под мостом легли густые тени,
Распластав полозья плоских крыл.
В это время хохотом хотений
Мир химер художника покрыл.

И художник сам тому не верил,
Расточая бисер дуракам,
Но в такие дни обычный веер
Поднимает ураган.

И художник, в море непогоды
Ожидая, миром овладел,
И тогда сверкнули пароходы,
Ночью — пароходы по воде.

1939

* * *

Я чувствую грохоты нашей планеты
В Китае, в Испании, даже в Марокко.
Не хочется быть поэтом,
А хочется быть пророком.

Чудесная истина эта —
Отнюдь не случайная фраза.
Кто званья достоин поэта,
Тот видеть сквозь годы обязан.

Не бойня обманутых наций
Кровавыми буквами крупно
Заглавием книги событий
На грани веков зарябит,—

Напротив, иных ситуаций
В ту книгу войдет совокупность,
Которая будет в зените
Иных исторических битв.

1939

* * *

Осторожно. Окрашено —
И не вешать приказов:
Сумасшествие Гаршино
Залегло, как проказа.

На Помпеи Везувия
Поднимается лава
По местам, где безумие,
Совершенство и слава.

Ветер воется дующий
В паруса несвободы.
Чепуха. Я войду еще
Под победные своды.

1939

* * *

Арабы, арбы, рабы,
Двугорбых верблюдов горбы
Смешались в пустынной тоске
И утонули в песке.

А желтое небо там,
Как желтого цвета раб...
«На базаре что хочешь продам»,—
Говорит арабу араб.

1939

* * *

Река текла в ожесточенье,
Транжируя облаков труды,
Ее поспешное течение —
Скрытый умысел воды.

И не вникая в суть фразера,
Что тратит воду, речь оря,
Вода текла во все озера,
А большей частью — в моря.

Дано ей снова превращаться
И в облака, и в снег пурги;
Но я не буду возвращаться
К тому, что было у реки.

1939

* * *

Покуда карты не раскрыты,
Играй в свои миры.
И у разбитого корыта
Найдешь конец игры.

И, утомленный неборьбой,
Посмотришь на ландшафт,
И станешь пить с самим собой
Стихи на брудершафт.

1939

БАЛЛАДА

Он вошел в распахнутой шубе,
Какой-то сверток держал.
Зуб его не стоял на зубе,
Незнакомец дрожал.

Потом заговорил отрывисто, быстро,
Рукою по лбу провел,—
Из глаз его посыпались искры
И попадали на ковер.

Ковер загорелся, и струйки огня
Потекли по обоям вверх;
Огонь оконные рамы обнял
И высунулся за дверь.

Незнакомец думал: гореть нам, жить ли?
Решил вопрос в пользу «жить».
Вынул из свертка огнетушитель
И начал пожар тушить.

Когда погасли последние вспышки
Затухающих искр,
Незнакомец сказал, что слишком
Пустился на риск.

Потом добавил: — Теперь мне жарко,
Даже почти хорошо...—
Головой поклонился, ногой отшаркал
И незаметно ушел.

1939

* * *

В созвездья линзами двоякими
Труба смотрела Галилея.
В страну, открытую варягами,
Плыла Колумба корабля.

В страну открытую, забытую —
Таков удел любых Америк,
А старый мир стал картой битвою,
Наивной картой Птоломея.

1939

* * *

Эх, раскинулось да Запорожье
У Днепра.
Люди уходили за Поволжье.
Или я не прав?

Наши предки шашками рубали,
Налетая на невольничий базар:
Плохо быть рабами
Всяких там хазар.

И скакали кони по долинам,
По полям.
Только плохо подчиняться мандаринам
И сражаться даром за бояр.

Это в непробудном этом детстве
Я припоминаю, как во сне.
Мир сиял, огромен и естествен,
В жалкой исторической возне.

1939

* * *

А школа мало мне дала:
Там обучали только фразам,
А надо изучать дела
Затем, чтоб развивался разум.

Я был изгой и ротозей,
О чем не сожалел нимало,
Хоть, кроме нескольких друзей,
Среда меня не понимала.

Я был всамделишный изгой,
Не уместающийся в эру,
А в классе целый день доской
Скрипят старательно по мелу.

Мне было многое дано,
Читать я мог бы Вальтер Скотта,
Но пропрошли давным-давно
Мои потерянные годы.

Тогда я был еще дурак,
Но я не знал, учившись в школе,
Что, не куря еще табак,
Нельзя писать стихов о море...

Прошли года навстречу бедам,
Я осознал, что не старьем
Прекрасен мир, что быть поэтом
Гораздо лучше, чем царем.

1940

* * *

Поэта день — как дeнь царя,
Всю жизнь готов трудиться я.
Но каждый раз — тенденция
И всякий раз — традиция.
Ловлю минуту каждую
И волю проявляю.
В стихах, однако, царствую
Я, а не управляю.

1940

* * *

Надо плакать иль смеяться —
На оркестрах полотна
Будут образы сменяться,
Как в трамвае у окна.

Это было лет за триста
До тебя, Луи Люмьер,
И великие артисты
Все могли (кто как умел).

Но судьба не помогала
Всефортуною рукой,
И на бедного Макара
Шишки падали (на кой?).

А теперь, билет потрогав
По цене рубля за три,
Приходи в кинематограф
И смотри.

1940

* * *

Проходя по знойному Арбату,
Я мечтал всегда по мелочам.
И людей бегущую армаду
Я, не изучая, замечал.

Я не знал, куда они спешили,—
Всяк по-всякому спешил пожить,—
Но проверено, как дважды два четыре:
Мне некуда больше спешить.

Все суета сует и всяческая суета.
Я всех люблю. Желаю всем успеха.
Но не влияет на меня среда.
Я все могу, но только мне не к спеху.

1940

ИЗ ЦИКЛА «СХЕМА СМЕХА»

Жила на свете женщина,
Ей было двадцать лет.
Была она уже жена,
А может быть, и нет.

Приехала на «форде»,
Явилась в кабинет,
А муж ее на фронте,
А может быть, и нет.

Разделась и оделась,
Глядит туды-сюды.
Вдруг очень захотелось
Ей прыгнуть с высоты.

Устроен испокону
Веков так белый свет,
Что прыгнула с балкону,
А может быть, и нет.

Так написал банальные
Стихи один поэт,
Должно быть, гениальные,
А может быть, и нет.

1940

* * *

По пароходу дождь идет,
На пароходе здорово!
Мне кажется, что пароход
Дождем относит в сторону.

Позатопила рвы вода
И скачет пеной белою.
А вывод тот, что вывода
Я из воды не делаю.

1940

* * *

Загружая гулкие года,
Громоздятся факты биографии.
Я иду и думаю тогда
О своей подпольной типографии.

Обвиняют. Не хотят учесть,
Что ничем подпольным не владею.
Говорят они, что слухи есть,
А поэтому вредна идея.

Так, к примеру, пусты небеса,
А идея бога в них зачата.
И Глазков чего-то написал,
Но на ясном небе напечатал.

Это все совсем не пустяки:
Облака из типографской сажи.
— Эх, Глазков, забросил бы стихи
Да шаблонной жизнью ихней зажил.

— Я бы рад, да только не могу,
И к тому ж стихи — моя работа,
А вдобавок на своем веку
Не привык бояться идиотов.

Если б типографию имел я
Пошиба тайного,
 побрал чтоб черт его,
На бумаге лучезарней мела
Напечатал очень бы отчетливо:

«Легионы женщин и мужчин,
Жители квартир и общежитий,
У меня ротационных нет машин,
А не верите, так общитесь!»

1940

* * *

Все мы, проработавшие Пушкина,
Знающие признаки делимости на три,
Разбиваем лучшую игрушку,
Чтоб посмотреть, что у нее внутри.

Только я нисколько не такой,
На других нисколько не похожий,
Безусловно самый я плохой,
Потому что самый я хороший.

Я не тот, кто дактиль и анапест
За рубли готовит Октябрю.
Я увижу на знаменах надпись
И услышу надпись: ЛЮ-Я-БЛЮ.

ЛЮ-Я-БЛЮ. Моя любовь разбита.
Это слово тоже разрублю,
Потому что дьявольски избито
Словосочетанье: «Я ЛЮБЛЮ».

Так затасканы Амура стрелы
Да публичнодомная кровать.
Это слово очень устарело,
Но любовям не устаревать.

Пусть любовь сюсюканьем альбомится,
Так любить умеют и кроты.
Скажи мне, кто твоя любовница,
И я скажу тебе, кто ты.

1940

* * *

Не сразу смазал карту будня,
Постигнув краски на плакате;
Вся жизнь моя была беспутней,
Чем путешествие по карте.

Но я сумел коробку спичек
Назвать консервами огня,
А вы слова своих привычек
Не променяли на меня.

* * *

Умирая
Под ураганным огнем,
Стучится в ворота рая
Энский батальон.

— Мы умерли честно и просто.
Нам в рай возноситься пора.—
Но их не пускает апостол,
Они умоляют Петра:
— Попы говорили всегда нам,
Что если умрем на войне,
То в царствии, господом данным,
Мы будем счастливей вдвойне.

А Петр отвечает: — Вот сводка.
Там сказано вóт как.
Убит лишь один,
Кто убит — проходи.

— Мы все здесь убиты, и двери
Ты райские нам распахни.—
А Петр отвечает: — Не верю!
Я выше солдатской брехни.
Наверно, напились в таверне
И лезете к небесам,
А сводка — она достоверней,
Ее генерал подписал.

1940

СЕБЕ

Свои грехи преодолей,
Как Эверест турист,
И ты не протоиерей,
А неофутурист.

А в этом счастье и тоска,
Но так и надо так.
И прогремят стихи пускай
Созвучьями атак.

А фронда — это ерунда.
Да сгинет пусть она.
Иди туда, ведет куда
Тебя твоя страна.

А бога нет, и черта нет,
И жизнь одна дана,
Но если смерть придет, поэт,
То смерть, как жизнь, одна.

1940

В ПЕРЕДЕЛКИНЕ У ПАСТЕРНАКА

ВЕСНОЙ 1941-ГО

Он стал хвалить Шекспира и Толстого,
Как песнопевцев самого простого,
Самого в литературе дельного,
Что не забудется в течение лет.

— В жизни,— он говорил,— лишь одни
понедельники,
А воскресений почти что нет.

Никого не надо эпатировать,
Пишите так, как будто для себя,
И не важно, будут аплодировать
Или от негодованья завопят.

Впрочем, лучше вовсе не писать,
А заниматься более достойными вещами,
А поэзия — не детский сад —
Посему и не хожу на совещанья.

31 мая 1941 г.

* * *

Как рыбы, золотые купола
Плывут туда, где небо синевее,
Из той страны, которая была,
В такую даль, которая новее.

Они плывут, как рыбы из былого,
А мимо них, виденцев старины,
Проходим мы, поэты-рыболовы
И прочие рабочие страны.

1941

* * *

Писатель Андрей Белый
На Черном море бывал,
И очень правильно делал,
Что камешки собирал.

Так, например, Гамлет,
А до него Эдип,
Не собирали камни,
И кто-то из них погиб!

1941

* * *

Ко мне отношение
Невежд
Зависит от ношения
Мной тех или иных одежд;

Но равнодушен я к болванцам
И пребываю оборванцем.

1942

* * *

Все очень просто, хоть и сложно,
Но если слово лишь

нетленно,

То сам себя спрошу: как можно

Писать стихи не ежедневно?

И сам отвечу: жизни жаждой

Слаганье назову.

Но не могу писать день каждый,

Ибо не каждый день живу.

1942

ЛАПОТЬ

Валялся лапоть на дороге,
Как будто пьяный,
И месяц осветил двурогий
Бугры и ямы.

А лапоть — это символ счастья,
А счастье мимо
Проходит, ибо счастье с честью
Несовместимо.

В пространстве, где валялся лапоть,
Бродил с гитарой
НН, любивший девок лапоть,
Развратник старый.

НН любил читать Баркова
И девок лапоть,
И как железная подкова
Валялся лапоть.

И как соломенная крыша,
И листья в осень...
То шел бродяга из Парижа
И лапоть бросил.

Под ним земные были недра,
Он шел из плена.
Бродяга был заклятый недруг
Того НН-а.

Была весна, и пели птички.
НН стал шарить
В карманах, где лежали спички,
Чтоб лапоть жарить.

И вспыхнул лапоть во мраке вечера,
Подобный вольтовой дуге.
Горел тот лапоть и отсвечивал
На всем пространстве вдалеке.

Какой-то придорожный камень
Швырнув ногой,
Бродяга вдруг пошел на пламень,
То есть огонь.

А лапоть, став огня основой,
Сгорел, как Рим.
Тогда схватил бродяга новый
Кленовый клин.

Непостижимо и мгновенно,
Секунды в две,
Ударил клином он НН-а
По голове.

Бить — способ старый, но не новый —
По головам,
И раскололся клин кленовый
Напополам.

Тогда пошел НН в атаку,
На смертный бой,
И начал ударять бродягу
Он головой.

Все в этом мире спор да битва,
Вражда да ложь.
НН зачем-то вынул бритву,
Бродяга — нож.

Они зарезали друг друга,
Ну а потом
Они пожмут друг другу руку
На свете том.

Поскачут также на конях,
Вдвоем, не врозь,
И вместе станут пить коньяк
Небесных звезд.

* * *

Существует четыре пути.
Первый путь — что-нибудь обойти.

Путь второй — отрицание, ибо
Признается негодным что-либо.

Третий путь — на второй не похож он,
В нем предмет признается хорошим.

И четвертый есть путь — настоящий,
Над пространством путей надстоящий:

В нем предмет помещается в мире.
Всех путей существует четыре.

1942

* * *

Двигутся телеги и калеки,
Села невеселые горят.
Между ними протекают реки.
Реки ничего не говорят.

Рекам все равно, кто победитель,
Все равно, какие времена.
Рекам, им хоть вовсе пропадите,—
Реки равнодушнее меня...

ПРО ВОЙНУ

Сорок первого газету прочти
Иль сорок второго.
Жить стало хуже всем почти
Жителям шара земного.

Порядок вещей неприемлем такой.
Земля не для этого вертится.
Пускай начинается за упокой,
За здравие кончится, верится.

1942

* * *

Век двадцатый войной исковеркан.
Осознал с головы до пят его.
В глубину двадцать первого века
Я смотрю с высоты двадцать пятого.

Я смотрю сквозь веков венки,
Не вступивших еще в обращение.
И еще я смотрю сквозь бинокль
Поэтического обобщения.

Вижу город, где нет для ближнего
Никаких наказаний лютых,
И совсем ничего лишнего
Ни в стихах, ни в вещах, ни в людях.

На земле никому не тесно,
Не дерется с народом народ.
Скажут — это неинтересно,
А по-моему, наоборот.

* * *

Немец пытается окружить
Наши под Курском части,
Которым частицу судьбы решить
Выпадает несчастье и счастье.

Немец-мертвец не имеет лица,
Немец страшится сражаться.
Но всех нас схватила рука мертвеца —
Она не решится разжаться.

* * *

Обстреливаются на Невé дома,
Сгорают стихов тома.
Потомкам будет неведомо,
Какие были дома.

Историками прилежными
Забудутся дни войны,
Но люди останутся прежними:
Богатырями Невы.

1942

ПАРОДИЯ НА МИХАИЛА КУЛЬЧИЦКОГО

Если бы кто-нибудь мне сказал:
«Водку не пей — коммунизм начнется»,
Я только бы губы свои покусал,
Я б только подумал: «Мне это зачтется».

И чтобы, как в русское небо,
Французские девушки смотрели ввысь,
Я б не пил, не пил и не пил,
А потом бы не выдержал и выпил за коммунизм!

1942

* * *

Сообщало радио, что Германия
Фронт проигрывает Восточный,
А я не обращал внимания
И зачеркивал слабые строчки.

За невнимание прошу прощения
У бойцов, что дерутся отважно,
Но очень важные сообщения
Заставляют зачеркивать то, что не важно.

* * *

Без поражений нет побед.
Стих плох — в огонь бросай его.
Так неудавшийся поэт
Становится прозаиком.

Плохи рассказы — в печь бросай их,
А сам беги хоть в Лысково.
Становится плохой прозаик
Коллегою Белинского.

Пусть люди пишут — будешь крыть их...
Но и статейка брак дала?!
Не унывай, негодный критик,
А поступай в редакторá!

1942

ПОЭТОДЕНЬ

Видишь слово значее,
Отвергаешь сам его,
Что-то пишешь начерно
И слагаешь заново.

Рифма появляется,
Нечто вроде ролика.
Но не выявляется
Наших дней героика.

Видишь нечто славное,
Как бои на Немане,
Пропускаешь главное:
Не хватает времени.

За головухватишься,
Бестолково тычешься,
Ан проходит два часа,
А потом и три часа.

Так весь день до вечера
Угорелый носишься
И к стихам доверчиво
Очень ты относишься.

Заставляют век, страна
Действовать, как гения.
Только надо экстренно:
Не хватает времени.

Научен ты опытом
В том числе и Пушкина —
Пропадет то пропадом,
Что стихом упущено.

И, ложась в постель свою,
Думаю до полночи:
Мол, если я бездействую,
То действую, как сволочи.

1942

**ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
В САМОМ СЖАТОМ ВИДЕ**

Чуть дремлет недремлющий пламень,
Затихший, но вечный огонь.
Резьбою изрезанный камень
Глядит первобытной строкой.

Объемлет селения пламень.
Но им освещается мгла,
И зодчим отвергнутый камень
Ложится главою угла!

1942

* * *

Хочу одного, хотя я изгой:
Чтоб было всем хорошо;
А мир состоит из несчастий, из горь,
Да и из молекул еще.

Ни на кого не хочу пенять
За в чем-либо невезенье,
Надо понять
ВСЁ —
В этом мое спасенье:

Приказать, рассказать, досказать,
Сбить с замка замок,
Чтоб не мне могли доказать,
А я доказать мог.

1943

* * *

Я не знаю, что я буду
Говорить через минуту
Или в завтрашнее утро.
Понимаю, что не мудро.
Но могу лишь дать ответ:
Нет!

Но я знаю, что со всеми
Будет лет через пятьсот,
Каково Земли спасенье,
Что и как людей спасет,
Каковы к нему преграды
И каков Поэтоград.
Как пройти к Поэтограду,
Рассказать про это рад.

Так ученейший умнейший
Всю жизнь звездам посвятил,
И он знает о дальнейшем
Продвижении светил.
Глубь небесную измерит,
Так какого же рожна
Он не знает, где изменит,
С кем, когда ему жена.

Что угодно можно трогать,
Все атаки отразить,
Ну а самый близкий локоть
Невозможно укусить.

1943

* * *

За неведомым бредущие,
Как поэты, сумасшедшие,
Мы готовы предыдущее
Променять на непришедшее.

Не тужи о нас. Нам весело
И в подвале нищеты;
Неожиданность инверсии
Мы подняли на щиты.

1943

* * *

Кто за меня, кто за него,
Не всё равно, не все равны;
Но на себя на самого
Я посмотрел со стороны.

Мой предок раб. Мой предок скиф.
Он неразборчив был на средства,
И недостатков нет таких,
Чтоб я не получил в наследство.

Как предок, для своих побед
Готов идти на что попало;
Но я, пророк, но я, поэт,
Хочу, чтоб было небывало.

И в то же время надо мне,
Мое чтоб имя стало громким.
И я шатаюсь по стране,
Что между предком и потомком.

1943

* * *

Я знаю это

из

Опыта. Между друзьями
Всякая затаенная мысль
Передается через расстоянье.

Мысль если враждебна,
Ничто глубина
Молчания и расстояния дальность.
И так же друзей разлучает она,
Как будто бы если
они поругались.

1943

ПОЭТ И ДЬЯВОЛ

— Не считаясь с тем, что говорят,
Ты нуждаешься в насущном хлебе.
Хочешь — и не будет звезд на небе.
Дам тебе за это миллиард.

Все откроются перед тобой пути,
И тебя признает вся страна.

— Отойди
От меня, сатана.

1943

* * *

Вначале, когда помышлял лишь о деле
И не вычислял ритм саженный сражений,
В твоей голове пребывали идеи
Простыми рабами твоих ощущений.

Но вскоре идеи тобой овладели,
Ты стал по сравнению с ними ничем.
И начал ломиться в закрытые двери...
Зачем? А черт его знает, зачем!

ДРУГУ

Пусть жизнь трудна,
Пускай бедна,
Счастливей мудреца тупица.
Вода настолько холодна,
Что невозможно утопиться!

Пускай, греша
Из-за гроша,
Ты должен всюду торопиться,
Но жизнь настолько хороша,
Что невозможно утопиться!

1943

* * *

Поэт, ты не можешь добиться издания,
Хотя твой стих и великолепен.
Ты — как церковь, которая лучшее здание,
Но в которой не служат молебен.

Ты имеешь на вещи особенный взгляд
И, как Пушкин, расходишься с чернью.
Ты, как церковь, что сбоеприпасили в склад,
Но не в этом ее назначенье.

1943

* * *

Прежде я пребывал как в раю,
Высоты строчек беря,
А нынче целый день продаю
Ненужные мебели.

Прежде я сидел за столом
И смотрел из окна,
А нынче решил, что это старо —
Стол нужно загнать.

Прежде я ругал совмещан
За мелочность, за пустяки.
А завтра скажу, что в себе совмещал
Продажу вещей и стихи.

1943

* * *

Все происходит по ступеням,
Как жизнь сама.
Я чувствую, что постепенно
Схожу с ума.

И, не включаясь в эпопеи,
Как лампа в ток,
Я всех умнее — и глупее
Среди дорог.

Все мысли тайные на крики
Я променял.
И все написанные книги,—
Все про меня.

Должно быть, тишина немая
Слышней в сто крат.
Я ничего не понимаю,
Как и Сократ.

Пишу стихи про мир подлунный
Который раз?
Но все равно мужик был умный
Екклезиаст.

В реке причудливой, как Янцзы,
Я затону.
Пусть не ругают вольтерьянцы
Мою страну.

1943

ОДНОЙ ИЗ ДВУХ УМНЕЙШИХ

В мире самой хорошей,
Как и всем прочим, льстя,
Можно сказать разве ложь ей?
Нет. Нельзя.

Что-нибудь в этом роде
Писать не имею прав.
Вы никогда не умрете,
Жизнью смерть поправ.

Вам посвящаю песни те,
Что будут снова и снова,
А если умрете — воскреснете,
Даю Вам честное слово.

1943

* * *

Звезд на небе мириады,
И растут над ними травы.
Для чего же в мире яды
И различные отравы?

Хорошо смотреть на волны,
Нарифмовывая строки.
Для чего же в мире войны,
А в домашних битвах — склоки?

Очень долго я думал про
Мир нелепостей и идеалов,
Пока не догадался, что зло и добро
Разность каких-то потенциалов.

1943

* * *

Над томами домов,
Над телами домов
Вверх взлетают шары,
Так как не тяжелы.
Они такие же, как бусы,
Как огурцы и как арбузы,
Как зернышки от кукурузы,
И как пиковые тузы.
Они такие же, как пятна,
Остановившиеся ядра,
Что утром спустятся обратно.
К чему они — весьма понятно:
Они над светлою Москвою,
Которая затемнена,
Как несусветное морское
И в то же время стен стена.

1943

ПРО ГВАРДЕЙЦЕВ

И там и тут
По прутьям проволок колючих
Они пройдут,
Как лучшие из лучших.

Любых высот
Достигнут, если надо,
И в дот и в дзот
Швырнут они гранату!

Чтоб немцы наш народ не покорили,
Они сметут всех немцев, как лавина.
И если будут улицы в Берлине,
Они пройдут по улицам Берлина.

1943

* * *

Пришла пора осенняя,
Покончившая с летом;
Хочу, чтоб вся вселенная
Была моим портретом.

Я не люблю баталии
И не гожусь в варяги.
Найдутся лишь в Италии
Мне равные вояки.

С неумностью эклектика
Впадаю я в эстетство,
Хотя мне диалектика
Была присуща с детства.

Предугадать, что близится,
Даю себе задание
И не могу унизиться
До самооправдания.

1943

* * *

Что-то рыбкается, и ползается,
И решается вечным спором.
Пусть другой кто-нибудь воспользуется,
А бездельник умрет под забором.

Пусть, как прежде, пророк-фантаст —
У разбитого у корыта...
Ну и выпрыгну в «Окна ТАСС»,
Ибо двери мои закрыты!

1943

* * *

Пошел тропой,
Сошел с тропы
И сгинул вдалеке...
У нас с тобой
Растут грибы,
Грибы на потолке.

Они от сырости растут,
Ты их, как я, прости,
Раз тут
Им хорошо расти.

Все те, которые глупы,
Привыкли к плоским залам.
Для них на потолке грибы —
Белиберда и заумь.

Из них любой на стол бы влез,
Чтоб сбить гриб кочергой!
А нам идти не надо в лес:
Природа под рукой.

1943

ПРО БЕЛУЮ ВОРОНУ

Правдою неправды умудренный
Хамельон
Не хочет белой быть вороной
Средь черных ворон.

Не очень умный и ученый,
Не очень смелый;
Он средь ворон совсем не черный,
А только серый.

Ну, а тому, кто открыватель,
Тому, кто первый,
Тому быть надо в черном аде
Вороной белой.

В среде мещан нерастворенный
Пророк Поэтограда,
Я белой остаюсь вороной —
Так мне и надо.

1943—1944

* * *

Все изменяется под небом,
Цепь изменений — божий глас;
И книги по сравненью с хлебом
Подшевели во сто раз.

Своею всякий занят соткой,
Дабы картошка завелась.
А книги по сравненью с водкой
Подшевели в двадцать раз.

Мои стихи хотя как водка,
Но разделили судьбы книг,
Ибо окно они — не фортка,
И много свету через них.

Весь белый свет стихам цена,
Окно стихов не затемнят.
Но нет поэту мецената...
И сам себе ты меценат.

В дурацких хлопотах утонешь.
Времени уходит треть
Минимум на то лишь,
Чтоб с голоду не умереть.

1944

Г. У.

Все творчество мое простое,
И в нем коварных мыслей нет;
Но хорошо, что я построил
Глазковский университет.

Мои стихойные исканья
В нем обязательный предмет,
И мной сработан не из камня
Глазковский университет.

Меня признают — я уверен —
Раньше, чем через двести лет,
И будет лучшей из таверн
Глазковский университет.

Но в наши дни всемирной дури
И героических побед
Вступать я не рекомендую
В Глазковский университет.

1944

ЗАЯВЛЕНИЕ В ЛИТФОНД

**Пользуясь тем, что я не жена писателя,
Муж которой на фронте,
Не считаясь с тем, что я поэт,
Полагая, что обедать не обязательно,
Мне в Литфонде
Не дают талонов на обед.**

**Разве это справедливо?
Нет.
А на базаре купить что-либо
Не хватает монет.**

1944

* * *

Все на свете очень сложно,
Королевна!
Жить со мною невозможно
Ежедневно.

Доля истины и здесь есть,
Королевна!
Приходи дней через десять
Непременно.

Я в словах довольно точен,
Королевна!
Только будь со мною очень
Откровенна.

1944

* * *

Соберутся пять парнишек,
Прочитают двести книжек,
И начнут ребята сдуру
Создавать литературу.

Понапрасну ум мрача,
Изучают Кумача,
Тем не менее, однако,
Изучают Пастернака.

Ничего не понимают,
Как и чем живет страна;
На зато упоминают
Всех поэтов имена.

1944

* * *

Москва послевоенная.
Ее себе представь:
Живут в ней повседневная
И праздничная явь.

Рассветная — занудная
От серой суеты,
Вечерняя — салютная —
Уводит в мир мечты.

1944

* * *

Вечная слава героям
И фронтовое «прости».
Фронт не поможет второй им,
А мог бы им жизнь спасти.

Лучше в Америке климат
И дешевизнее быт;
Но мертвые сраму не имут,
А вы отказались от битв.

Вы поступаете здраво,
Пряча фронты по тылам;
Но в мире есть вечная слава,
Она достается не вам.

1944

* * *

Идет война, неся события
И всё и вся бросая в бездну.
И не забыть ее
Нам даже в царствии небесном.

Потом — потом война закончится,
Сдадутся немцы нам на милость,
А нам, конечно, не захочется,
Чтобы все это повторилось.

РУКИ

Руки разные на белом свете,
И у всех различные названья,
У меня рука — как у медведя,
А у Вас предмет для целованья.

Но своей руки не обменяю
На такую, как у Вас,— красивую.
И своей судьбы не променяю
На такую, как у Вас,— счастливую!

1944

* * *

Быт заел или сам устал
От своих и чужих бед...
И стихи писать перестал
Очень хороший поэт.

Говорю: не писать трудней,
Только я куда-то спешу
И поэтому целых сто дней
Почти ничего не пишу.

— Только времени зря не трать,—
Сам себе все время твержу.
Не хочу себя повторять —
И поэтому не пишу.

Не хожу ни в театр, ни в кино,
Не читаю ни книг, ни брошюр.
Значит, то-то оно и оно —
И поэтому не пишу.

Без стихов моя жизнь петля,
Только надо с ума сойти,
Чтоб, как прежде, писать стихи для
Очень умных, но десяти.

1944

ПОДСОБНЫЙ РАБОЧИЙ

Спать хочу, но мне не спится,
На машине еду в склад.
Денег нет, а с круга спиться
Очень даже был бы рад.

Облака плывут по небу,
Письмена ползут по почте.
Всё равно, куда приеду —
Я подсобный рабочий.

1944

* * *

Могу от женщин одуреть я
И позабросить все дела,
А женщина за все столетья
Ничего не изобрела.

Всему виной один мужчина,
Все делал он, а не она,
И даже швейная машина
Не ею изобретена.

1944

* * *

Тáк работают: утро, день, вечер —
Что едва поспекает Гознак;
Заработав, бросают на ветер,
Не на ветер, а на сквозняк.

И работают вновь, задыхаясь
От вседневных забот и обид,—
Это есть артистический хаос
И неарифметический быт.

1944

В. ХЛЕБНИКОВУ

Работаю на Поэтоград.
Не разливанка — винный берег.
Мой ежемесячный оклад
Лишь 235 копеек.

Смех невозможно запретить.
Засмейтесь, смехачи, засмейтесь:
Чтоб не работать, сам платить
Готов пятьсот копеек в месяц.

Пускай таскаю я мешки
И ничего не получаю,
Пусть неуместны здесь смешки,
Мой стих не сменится печалью.

Мне не хватает на харчи,
Но, чтоб в глупца не превратиться,
Скажу: «Засмейтесь, смехачи!»,
Как «Все-таки она вертится».

1944

* * *

I

Своих стихов не издавая,
Ищу работы отовсюду,
Пилить дрова не уставая
Могу с рассвета до салюта.

Могу к Казанскому вокзалу
Доставить чемоданов пару.
Могу шататься по базару
И загонять там что попало.

В Поэтоград моя дорога,
Меня среда не понимала,
Так что могу я очень много
И в то же время очень мало.

II

Но если путь к иным победам
Я предпочту иным дорогам,
Тогда не буду я поэтом,
Тогда не буду я пророком.

Я обрету людей степенность,
Я принесу немало пользы,
Меня признает современность;
Но обо мне забудут после.

1944

ЭПИТАФИЯ НА САМОГО СЕБЯ

Жил-был поэт. Он был обманут
Несогласившимися с новым.
Но все равно его помянут
Великолепным добрым словом.

Поэты завтрашнего мира!
Грядущих лет!
Остановитесь у могилы,
Которой нет!

1944

* * *

Ветер, поле, я да Русь
В мире небывалом.
Не сдаешься? Не сдаюсь
Никаким шакалам.

А снежинок всех число
Велико, как горе,
Все дороги замело
Снеговое море.

Я смотрю по сторонам,
Месяц — что полено;
Снеговое море нам
Тоже по колено.

1944

* * *

*Другу из Поэтограда*¹

Э. М.

И в этой самой жизни нашей,
В быту лишений и побед,
Ты, милый, самый настоящий
Очаровательный поэт.

Ты пишешь очень много дряни:
Лишь полуфабрикат-руду,
Но ты прекрасен, несмотря ни
На какую ерунду.

В рубцах твоих стихов раненья,
Которые в огне атак.
А те, кто лучше и ровнее,
Писать не выучатся так.

У них стихи круглы и дуты,
Хоть и металл, а не руда,
И никакие институты
Им не помогут никогда.

1945

¹ Эмка Мандель — поэт Наум Коржавин.

* * *

Мы поедem за Мытищи.
Что нам думать и гадать?
Заработаем мы тыщи
И не будем голодать.

Люди любят все, что праздно,
Но достоин труд любви.
Мы работаем прекрасно,
Если платятся рубли.

А металл презренный самый —
Мой любимейший металл..
Подружусь с огромной славой,
Ей всю душу промотал.

Хорошо под гору, в гору,—
Путь зачеркивает нудь.
Счастье гнется, как подкова,
Но не всякому согнуть.

Ну, а мы богатыреем
Чуть не с каждым божьим днем.
Все, что есть,— преодолеем
И подковину согнем.

* * *

Е. В.

Один мечтал о жизни царской,
Другой любил считать ворон.
А мы — как Минин и Пожарский
И как Брокгауз и Ефрон.

Пусть затруднений впереди сто
Миллионов гектоватт,
У нас идейное единство
И, может быть, Поэтоград.

Пойдем навстречу воскресеньям
Мы, а не будням.
Чтоб стать могло увеселеньем
Хоть что-нибудь нам.

Мы мудрецы, и путь наш праведн,
И свят, и солнечн,
И нашим разумом не правит
Всякая сволочь!

И ни тебе (таков твой жребий),
Ни мне не сгинуть.
И разве есть такая мебель,
Чтоб нам не сдвинуть?

1945

* * *

Ал — ру Меж — ву

Мы подрубим сучки,
На которых сидим,
И сожжем свои корабли...
И я буду один, и ты будешь один,
Словно иначе мы не могли.

И уйдем, и не выпьем стаканов до дна,
И покинем праздничный пир,
И ты будешь один, и будет одна
Та, которую кто-то любил.

Я поссорюсь с тобой,
Ты расстанешься с ней,
И настанет такой денек,
Что ты будешь один,
но не станешь сильней
Оттого, что ты одинок.

1945

* * *

А она не добрая, не злая ведь...
Мы по дыму судим о Казбеке.
И не надо на эпоху сваливать
Промахи свои и неуспехи.

У меня чудных стихов не кипа ли?
Только жить мешает сила вражья,—
И у нас нет денег, а в день гибели
Деньги были или нет — не важно.

1945

ЮРКА-ГРАФ

Жил на Арбате Юрка-граф,
Он по анкетным данным
Одной из многих строгих граф
Причислен был к дворянам.

Рождал гражданских битв буран
Анкетные вопросы,
И на потомственных дворян
В те дни смотрели косо.

А Юрка-граф с дошкольных лет
Мог доблестью гордиться,
И славой дедовской согрет
Был Юрий Коновницын!

Когда беда вставала в рост
И становилось хмуро,
Тогда на Бородинский мост
Шел Коновницын Юра!

Там честь была сохранена.
На бронзовой таблице
Среди имен Бородина
Звенело: «Коновницын!»

Отважный русский генерал
Приветливо и громко
В минуты грусти ободрял
Далекого потомка!

Когда фашистский голиаф
Шагал к Москве-столице,
Достойный уваженья граф
Сумел с врагом сразиться.

Герой вошел в число потерь
У энской переправы,
И Коновницыны теперь
Двойной достойны славы!

БАЛЛАДА О ДОНОСОВЕ

Школа. Директорский кабинет.
Отсюда все потекло.
Говорил ученик двенадцати лет:
«Петров раскокал стекло».

Директор решил: «Ко всему привыкну,
Но не потерплю хулиганства!
Потому Петрова из школы выгоню,
А Доносову объявлю благодарность».

Доносов был на хорошем счету,
Газеты почитывал, слушал радио
И всем говорил про свою мечту —
Вступить непременно в партию...

На партийном собрании как-то раз
После очередных вопросов,
Сотрясая собравшихся треском фраз,
Выступал товарищ Доносов:

«Учитывая состоянье момента,
А состоянье такое есть,
Когда нестойкие элементы
Пытаются в партию нашу пролезть.

С Петровым, нам всем хорошо знакомым,
Не стоит якшаться и нянчиться зря:
Он матом секретаря райкома
Ругал, понимаете, — сек-ре-та-ря!»

Петрова не приняли: можно и без
Матерщинников обойтись.
А Доносов ускоренным темпом лез
По служебной лестнице ввысь.

Но в сорок первом скверном году
Доносов решил: «Все пойдет на слом.
А я и у немцев не пропаду
Со своим основным ремеслом!..»

«Позвольте, херр оберст, я слышал сам
И сообщить вам рад,
Что Петров есть партизан,
Взорвал этот самый склад.

Петров не один...»

Да, Петров не один,
Не только уроды в семье!
И места Доносов не находил
На освобожденной земле.

Судьба не заставила долго ждать.
Был весь ход истории неумолимым.
Доносов привык обвинять, осуждать,
А тут он стал подсудимым.

И оправдывался:

«Да, я сотрудничал, что ж,
Для вас же могу стать полезнее.
Про немцев я вам расскажу...»

Капал дождь,
Когда эту тварь повесили.

**НА СМЕРТЬ ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА
ЯХОНТОВА**

В такие дни я разучился плакать,
Не потому, что прекратилось горе;
Но если слезы были бы деньгами,
Я был бы самый бедный человек.

Самоубийца — это не убийца,
А перед этим всё ему казалось,
Что всё не так, что всё несправедливо,
И что он очень-очень одинок.

Наверняка он был серьезно болен,
А все, кроме меня, ему твердили:
— Здоровье как? Владимир Николаич!
Не чувствуете ль плохо Вы себя?

Он чувствовал себя довольно плохо,
А если б чувствовал себя прекрасно,
То и тогда б, наверно, усомнился,
В прекрасном самочувствии своем.

Он верил, что его не понимают,
И огорчался, что летают мухи,
Что звания народного артиста
Народному артисту не дают.

Ему казалось — это и сказалось
На самом окончательном решении,
Когда перспективы исказились
И оставалось броситься в окно.

Он неожиданно исчез из дома,
И день прошел. А я гулял на свадьбе
Тогда, когда решалось уравнение
Его неосмотрительной судьбы.

И вечер ликовал, и ночь исчезла,
И после ночи наступило утро,
А я гулял на продолжение свадьбы,
Когда явился Витя Гончаров

И рассказал мне про исчезновение.
А я сказал, что у меня он не был,
А где он может быть, того не знаю.
А в самом деле, где он может быть?

Я вечером опять туда явился
И вновь увидел Витю Гончарова.
Он мне сказал, что Яхонтов разбился.
На Клементовском дом стоял высокий.

Самоубийство — это не убийство,
А подвиг и великое несчастье.
С шестого этажа он взял и прыгнул
В шесть часов вечера после войны.

Проклятый час и день, и всей вселенной
Нет дела до народного артиста
И до меня, как и до миллионов
Живущих и скончавшихся людей.

Вот также жил Владимир Маяковский,
А Яхонтов, он жизнь его продолжил
И так читал любимого поэта,
Что даже разделил его судьбу...

Великий дар — сказать слова поэта
На уровне их значимого смысла;
Но даром я таким не обладаю,
А он достиг шестого потолка.

Он самый лучший чтец-недекламатор,
А чтец из тех читателей прекрасных,
Ради которых стоит быть поэтом
И сочинять хорошие стихи...

Стихи без рифмы написать труднее,
А эти вот стихи — они без рифмы...

Но горечь преждевременной утраты
Я опасался рифмой исказить.

...Мысль о самоубийстве так нелепа,
А жизнь великолепно хороша...

1945

* * *

Мы любим жизнь со всеми трын-травáми,
Которые увидели воочию.
Хорошим быть — такое дарованье,
Которому способствуют все прочие.

Как мудрецы, мы волосы ворóшим
И всевозможные вопросы ставим.
Бездарный человек не может быть хорошим,
Хотя бы потому, что он бездарен.

Он обыватель в худшем смысле слова,
Всегда слывет за моего врага.
Он крепко ненавидит все, что ново,
На всех пространствах и во все века.

С отвагой безошибочного труса
Он распинал Иисуса на кресте,
Чтобы потом, во имя Иисуса
Сжигать Джордано Бруно на костре.

1945

* * *

Слово лучше компаса в пути,
Словом можно путь предугадать.
Разве можно так: сказать — приду — и не прийти,
Разве можно так: сказать — отдам — и не отдать?

Слово мир особый и иной,
Равнозначный названному им;
Если слово стало болтовней —
Это слово сделалось плохим.

Это слово не нужно стихам,
Это слово — мир, который гнил,
Лучше бы его я не слышал,
Не читал, не знал, не говорил.

1945

* * *

Жизнь во многом была дрянна,
Но минувшее не возвратить...
Нету в мире такого бревна,
Чтобы я не мог своротить.

Мне победа нужна, а не месть,
Все минувшее очевидь.
Разве книга такая есть,
Чтобы я не смог сочинить?

Мне дорога моя дорога,
Не устану по ней бродить.
Нету в мире такого врага,
Чтоб друзья не могли победить.

1945

РЫНОК

Не хочу спотыкаться, и каяться,
И кому-нибудь потакать.
Хорошо, когда люди толкаются,
Если можно людей толкать.

Это дело толковое, знакомое,
Но без денег тоскливая скверь,—
И поэтому рынок самое
Интересное место теперь.

И я с года сорок четвертого
Уваженье к рынку питаю,
Только нет постоянного, твердого,
Оборотного капитала.

Быть, конечно, могло бы иначе,
Жизнь тогда бы была иная;
Но я не воротила рыночный,
А поэт, и стихи сочиняю.

1945

САШЕ МЕЖИРОВУ

...Ты любишь свое столетие,
Живи и стихи пиши;
Но только поверь в бессмертие
Моей и твоей души.

Настала эпоха итога,
А мы с тобою друзья;
У нас лишь одна дорога,
И нам разойтись нельзя.

Дорога, она неделима;
Поэзии путь возлюбя,
Пройти мы не можем мимо,
Мимо самих себя.

По небу летают рыбы,
На солнце бывают пятна;
Поэты дружить могли бы,
Но мнительны невероятно.

И если в такие-то числа
Ты ко мне не придешь,
Мне лезут в голову мысли,
Что ты меня предаешь.

И с горя пилю дрова я,
И не понимаю того,
Что ты, меня предавая,
Себя предаешь самого.

1945

* * *

Поэтоград убьет поэзию.

А. Межиров

Смейся надо мною или плачь,
Счастье счастьем, тоска тоской.
Почему ты такой трепач?
Почему я такой изгой?

Если б мне половину того,
Что ты так справедливо достиг,
Я бы не унывал давно,
А печатал толковый стих.

А тебе б — половину того,
Что я всю свою жизнь имел,
Ты бы тоже был очень доволен
И являл бы для всех пример.

Но не надо сердиться и дуться,
Ибо правда прекрасней, чем лесть.
Половины, они не сойдутся
Ни в загробном мире, ни здесь.

Я считаю, что ты меня мельче
И поэтому любишь размах,
Ты считаешь, что противоречье —
Это ветер в стихах-парусах.

Без него и стихов не будет,
Как и следователей без воров.
Скажем, если мужик рыбу удит,
Быть ничтожным должен улов.

Ну, а если река что надо
И улов будет очень хорош,
То эпоха не виновата,
И поэзии ни на грош.

Не сердись на меня безрассудно
И с моим утверждением смирись,
Я нарочно довел до абсурда
Твою подгениальную мысль.

1945

* * *

Зал рукоплескал
И схватывал стихов слова,—
Владимир Яхонтов читал
Владимира Маяковского.

Никто не ждал победы бреда...
Нелепо радовать толпу
Стихами лучшего поэта
И разделить его судьбу.

Несправедливо и нелепо
Шагает смерть, одна и та ж...
Нет! Не хочу бросаться в небо,
Забравшись на шестой этаж!

Когда с мечтой хорошею
Печально я порву,
Уйдет далёко в прошлое
Все то, чем я живу.

Живу, стихов не издавая,
Зато поэзию творю.
Не важно, как я поступаю,
А важно, что я говорю.

Что говорю, тем обладаю,
А издаваться не спешу.
Не важно, что я там болтаю,
А важно то, что я пишу.

Пишу, что станет жизнь иная
Поэтоградской наяву.
Не важно, что я сочиняю,
А важно то, как я живу.

Глупцы вели со мной беседы,
Совсем не то вообразя...
Должны существовать все беды,
Чтоб познавались все друзья.

В искусстве ценят древность либо
Безоговорочное новое.
Всё, что друзья сказать могли бы,
Я беспощадно зарифмовываю.

Друзья со мной проводят время,
Как будто им и делать нечего.
Для них слагаю я поэмы
Так гениально и доверчиво.

Но и мои друзья не верят,
Что я великий гуманист...
А хорошо, что ветер веет,
И хорошо, что зелен лист.

Что солнцем, а не только печкой
Бывает человек согрет,
Что иногда поэт беспечный
Встречает радостный рассвет.

Настанет день, не станет ночи,
Настанет ночь, не станет дня.
Так жизнь становится короче
Для всех людей и для меня.

Но проживу чем больше дней я,
Тем лучше зазвенит строка.
Так жизнь становится длиннее
И глубже, так же как река!

Пусть и поэтам будет весело
В дни испытаний и побед.
Поэты — это не профессия,
А нация грядущих лет!

* * *

Куда спешим? Чего мы ищем?
Какого мы хотим пожара?
Был Хлебников. Он умер нищим,
Но Председателем Земшара.
Стал я. На Хлебникова очень,
Как говорили мне, похожий:
В делах бессмыслен, в мыслях точен,
Однако не такой хороший.
Пусть я ленивый, неупрямый,
Но все равно согласен с Марксом:
В истории что было драмой,
То может повториться фарсом.

1945

9-е МАЯ

Ракеты чудной красоты
Пронизывали высь.
И в небе были их следы
Такие же, как мысль.

Мне как поэту изменя,
Из рук бежит перо,
А в небе пишет за меня
Стихи Информбюро.

9 мая 1945 г.

С. Н.

Мысли не к ночи ли
Что они значили?
Мы с тобой кончили
Раньше, чем начали.

Пусть она страшная
И бесполезная,
Все-таки славная
Штука поэзия.

1946

* * *

Я утверждаю, что мы не те,
Которых не миллионы,
На небывалой своей высоте
Очень традиционны.

Что из того, что день наш черен,
Не привыкать к бедам.
Наши предки Чацкий, Печорин,
Рудин, Базаров, Бендер.

1946

* * *

Надоело Робинзоном
Жить на острове стихов.
Я завидую боксерам!
Что с того, что я Глазков?

Так сказать, за коим лешим
Побеждает в боксе тот,
Кто является сильнейшим,
А в стихах — наоборот?

1946

* * *

На Тишинском океане
Без руля и без кают
Тихо плавают в тумане
И чего-то продают.
Продает стальную бритву
Благороднейший старик,
Потому что он поллитру
Хочет выпить на троих.

1946

* * *

Иные люди очень любят пиво,
Другие жажду утоляют чаем.
Но разве так они трудолюбивы,
Как я, кого они зовут лентяем?

Я их трудолюбивее раз во сто,
Всех пьющих пиво или молоко,
И трудолюбье — основное свойство
Характера и склада моего!

1946

* * *

Где они, на каких планетах —
Разливанные реки вина?
В нашем царстве поэтов нёт их,
Значит, тактика неверна.

Я достаточно сделал для после,
Для потом, для веков, славы для;
Но хочу ощутительной пользы
От меня не признавшего дня.

И считаю, что лучше гораздо,
Принимая сует суету,
Под диктовку писать государства,
Чем, как я, диктовать в пустоту.

Мне писать надоело в ящик
И твердить, что я гений и скиф,
Для читателей настоящих,
Для редакторов никаких.

Безошибочно ошибаться
И стихов своих не издавать...
Надоело не есть, а питаться,
И не жить, а существовать.

1947

* * *

Выскивая разное,
От мухи до слона,
До и от,
От четных до нечетных,
Стою, поэт Глазков,
Перед вывеской:

Красная
Чайхана —
Оплот
Почетных
Стариков.

Что за черт?
И чем я не старик?
Течет
Арык.

Везет
Ишак
Шашлык
В кишлак.

Смотрел арык
И ел шашлык,
Сосал насвой
И — сам не свой...

1947

* * *

Это нас учили в институтах.
Мы поэты поперек и вдоль.
Разбираемся в науках трудных,
Кроме деньгологии одной.

Очевидно, это не так важно,—
Я к такому выводу приду.
Ибо, если рассуждать отважно,
Каждый получает по труду.

Дураки — это лентяи мысли,
А лентяи — мысли дураки.
И над ихним бытом понависли
Недостигнутые потолки.

1947

* * *

От ерунды зависит многое —
И, верный милым пустякам,
Готов валяться я у ног ее
Из-за любви к ее ногам.

Она, единственная самая,—
Душе живительный бальзам,
Лишь на нее глядят глаза мои
Из-за любви к ее глазам.

1947

* * *

Пусть с вашей точки зрения
Все это извращения —
Но мир в момент творения
Был создан из вращения.

Вращались точки мнимые,
Что не имеют плотности,
Потом вращались линии,
Потом вращались плоскости.

Вращалась вся Вселенная,
Был бесконечный радиус.
Всё для увеселения,
Всё, что живое, — радуйся!

А ежели в наш век не те
Я изложил учения,
Возьмите опровергните
Пяти минут в течение.

1947

* * *

Я не люблю, когда слова цветисты
И строчки перманентно завиты,
И облака плывут, как аметисты,—
Все это лишь бумажные цветы.

Не тот поэт, пронырлив кто и ловок
И норовит продать скорее стих,
Но точности простых формулировок
По формулам природы не постиг.

1948

* * *

Это так устроено всевышним,
Что два мира в мире я имею.
У меня сегодня в мире книжном
Варварская ночь Варфоломея.

С факелами рыщут изуверы,
Диким криком оглашая тьму,
Люди умирают из-за веры
И живут в страницах потому.

Смерть и смерть, и слава гугенотам —
Повествуют ветхие слова.
А в реальном мире счастлив кто там?
Кто своей любимой обладал?

Будет счастье биться за идею,
Будет счастье пировать с любимой.
Счастье — это выдумка злодея
И закон судьбы неколебимый.

Счастье устарело. Поновее
Будет вероятность и расчет.
Ни в какое счастье я не верю,
Потому меня к нему влечет.

И к тебе влечет. А ты такая,
Что, наверно, не поймешь любви.
В нашем мире — истина нагая,
В книжном мире — в море корабли.

И любовь... Я сам не верю фразам,
В эту ночь все было трын-трава.
В книжном мире находился разум,
А в реальном — жалкие слова

О любви, где обладанье чудно
Всем, что есть от пальцев до волос.
Сговориться, вроде бы, нетрудно,
Только вот мечтанье не сбылось...

И от пораженья стало горько,
Как от бесполезного труда.
Я тебе не нравился нисколько
И себе не нравился тогда.

А потом писал стихи, черкая,
Ибо мне не нравились они.
Ты была хорошая такая.
Между нами протянулись дни,

Как забор. Но ты ему не рада
И забор забвению предашь.
Девочка, ты не корабль пирата,
Чтобы брать тебя на абордаж,

Доставляя этим неприятность
Мне, тебе и призраку любви.
Между нами вера — вероятность,
В книжном мире — в море корабли.

И любовь, какой на свете нету...
Просто перепутались пути,
Просто в биографию поэта,
Если хочешь, можешь ты войти.

* * *

Могу ли отделаться легким испугом,
Могу ли писателем зваться,
Когда считал человека другом,
А он оказался мерзавцем.

Инженер души или инженер пера,
Очевидно, не знал, что творится, я —
Психология где у меня была
И божественная интуиция?

Значит, в алгебру снова втесался просчет.
Нет и еще раз нет.
Просто не так прост черт
И не так остроумен поэт.

Земля не необитаемый остров.
Ошибался и впредь ошибаться буду.
Даже бог наш среди апостолов
Разглядеть не сумел Иуду.

1948

САШЕ МЕЖИРОВУ

Тебе надоело со мною возиться;
От слов моих в мыслях твоих угар;
Как чеховский тот агроном возницу,
Так я тебя напугал.

А если писал стихи — про природу,
Вино и любовь — бесполезные...
И ты убежал от меня в болото,
А я застрял на телеге поэзии.

Что ты в болоте, а я на телеге,
Ни мне, ни тебе не легче;
Мы просто разные человеки
По мыслям, по жизни, по речи.

А годы шли незаметно почти,
Хорошие годы, и я
Лежал на телеге или на печи,
Как тот богатырь Илья.

Он тридцать три года эдак лежал,
День не отличая от дня,
И мне, разумеется, очень жаль
Не его, а меня.

Четыре года осталось лежать,
Подмяв одеяло под бок;
Но мне надоело так долго ждать...
Сейчас я способен на подвиг.

Я на поэтический подвиг готов,
И ты мне можешь помочь
В преодолении этих годов,
Упрямых, как зимняя ночь.

* * *

Молодость прошла. Угомонись.
Это очень много — двадцать девять.
Ты не прав, великий гуманист,
Что хотел искусство переделать.

Что хотел иметь сто сорок жен,
Что хотел глушить вино ночами,
Ты не прав, а только окружен
Всякими такими трепачами.

1948

* * *

Жизнь моя для стихов исток,
Я могу подвести итог:
Написал пятьдесят тысяч строк,
Зачеркнул сорок пять тысяч строк.

Это значит, что все плохое,
Все ошибки и все грехи,
Оставляя меня в покое,
Убивали мои стихи.

Это значит, что все хорошее,
Превзойдя поэтический хлам,
С лицемерьем сражаясь и с ложью,
Даровало бессмертье стихам!

1948

БЕЛИНСКИЙ

Растет на тротуарах лебеда.
Лик белокаменной Москвы спокоен:
Вокруг пасутся тучные стада,
Слетают стаи галок с колоколен.

Спешат студенты в университет,
Люд разночинный и мелкопоместный...
Один недоучившийся студент
Живет на чердаке в каморке тесной.

Как землю новую, он открывает стих,
Не посчитавшись с мнением эрудитов.
Пред Пушкиным ничтожен Бенедиктов
И Кукольник нисколько не велик.

Не всякий, кто сегодня знаменит,
И завтра сохранит свою известность.
Не всякая печатная словесность,
Как колокол во времени, звенит!

1948

ДОЖДЬ 16-ГО АВГУСТА

От дождя асфальт из черного стал белым,
Дождь хлестал, струился и стучал
По спервоначалу оробелым,
Ко всему привычным москвичам.

Началось такое половодье,
Что достигло глубины колес.
Может быть, во всем водопроводе
Столько бы воды не набралось.

Шел троллейбус, образуя волны,
Эти волны тоже не пустяк,
И дождем, наверно, недовольны
Милиционеры на постах.

Сразу в подворотнях и подвалах
Стало тесно от промокших толп.
Был такой волшебный беспорядок
И очаровательный потоп.

С крыш с

р
ы
в
а
л
и
с

ь водопады, струйки,
Дождь резвился, как никто иной;

Это к нам протягивает руки,
Пальцы растопыря, водяной.

И бегут без цели по панели
Через мимолетные струи
Те, что всех моложе и умнее,—
Может быть, читатели мои.

1948

* * *

Для меня каждый день последний,
Каждый день — это первый день,
А для Вас каждый день — это средний,
Заурядный и серый день.

Чтоб задуманное исполнить,
Не хватает мне дней моих,
Ну а Вы, чтобы дни заполнить,
Ерундой заполняете их.

Я отважный и доблестный витязь,
Полководец своих стихов;
Ну а Вы — Вы меня боитесь,
И меня, и моих стихов.

Если даже и есть у Вас юность,
Вы стремитесь ее погубить.
Я при всех недостатках люблю Вас,
Потому что умею любить.

Вы пойти мне навстречу могли бы,
Я бы смог Вас воспеть как поэт.
Только Вы не полюбите, ибо
Дарованья любви у Вас нет!

1949

ВСТУПЛЕНИЕ В ПОЭМУ

Темнотою и светом объята
В ночь июля столица Родины.
От Таганки и до Арбата
Расстояние было пройдено.

Очевидно, очередная
В личной жизни ошибка сделана.
Ветер выл, смеясь и рыдая,
Или время было потеряно,

Или так начинается повесть,
Или небо за тучами синее...
Почему ты такая, то есть
Очень добрая и красивая?

Почему под дождем я мокну,
Проходя по пустынным улицам,
В час, когда беспросветным окнам
Непрестанно приходится хмуриться?

Никого нет со мною рядом
На пустынном мосту Москва-реки,
Где чуть слышно ругаются матом
Электрические фонарики.

Не имею ста тысяч пускай я,
Но к чему эти самые ребусы?
Почему я тебя не ласкаю
В час, когда не идут троллейбусы?

Москворецкие тихие воды
Закljučают какую-то заповедь...
Все равно ничего не поймешь ты
Из того, что, наверно, нельзя понять.

Это я изнываю от жажды,
В чем нисколько меня не неволишь ты.
О любви говорили не дважды
И не трижды, а миллионожды!

Мне нужна от тебя не жертва,
А сама ты, хоть замуж выданная.
Если жизнь у меня бессюжетна,
Я стихами сюжета не выдумую!

Эта мысль, хоть других не новее,—
Непреложная самая истина,
Ибо если не станешь моею,
То поэма не будет написана,
А останется только вступление...

Надо быть исключительной дурой,
Чтоб такое свершить преступление
Пред отечественной литературой!

1949

ВОЛШЕБНИК

Человек, достойный вполне
Аплодисментов всех,
Пришел в ресторан и пошел по стене
Вверх.

Потом прошелся несколько раз
По потолку, не падая вниз,—
И люди, великому чуду дивясь,
Научно его объяснить не брались.

А впрочем, резво о гравитации
Заговорили два знатока,
Когда человек, достойный овации,
Спустился по стене с потолка.

Сидела женщина у окна,
В обычное платье одета,—
И к ней он направился, ибо она
Его вдохновила на это!

1949

ПИСЬМО ЗНАКОМКЕ

Я с тобою рассуждаю честно.
Ты слаба, слепа и недоверчива,
А влюбляешься неинтересно,
Исключительно от делать нечего.

Если б ты была из первозданных,
Странных, славных и очаровательных!
У тебя же не хватает данных —
Ни бульварных, ни очковтирательных.

Если б ты была из незаметных,
Постоянных, ласковых, внимательных!
У тебя же, к сожалению, нет их —
Этих самых качеств привлекательных.

Васильки растут во ржи-пшенице,
Может быть, красивые, но сорные.
Если, скажем, на тебе жениться, —
Обрастешь скандалами и ссорами.

Ничего не понимая в счастье,
Ты своим несчастьем ужасаешься;
Где-то, ни в богеме, ни в мещанстве,
А в какой-то пустоте вращаешься.

В тридцать лет (немалый это возраст)
Не имеешь ни к чему призвания;
И дымят, как отсырелый хворост,
Тусклые твои переживания.

И от жизни у тебя усталость.
Ты спасенья ищешь от усталости,
Ибо в жизни у тебя осталось
Ощущенье неизбежной старости.

Милая, а где она — награда
За твои утраты и лишения?
Чтобы отдохнуть, работать надо,
А иного нынче нет спасения.

ЛЮБИМАЯ ИГРА

Евгению Ильину

Я с детства не любил лото
И в нем не принимал участия.
Я не любил его за то,
Что вся игра велась на счастье.

Свое удачное число
Другой вытягивал, как милость,
Я не хотел, чтоб мне везло,
А ратовал за справедливость.

Я с детства в шахматы играл,
Был благородным делом занят.
И я на то не уповал,
Что мой противник прозеваает.

И не испытывал тоски,
Когда сдаваться приходилось:
На клетках шахматной доски
Немыслима несправедливость!

* * *

На земле исчезнут расы,
Госграницы и вражда,
И построят из пластмассы
В эти годы города.

В ход пойдет предметов масса,
Всякий хлам ненужный весь,
Потому что есть пластмасса —
Органическая смесь!

* * *

Чтоб улыбалось счастье
Подковою-дугой,
Намерен я встречаться
С одною и с другой.

Одна нужна для тела,
Другая — для души.
А если мыслить смело,
То обе хороши!

* * *

Иногда я шут
Сущий,
Когда пишу,
Что мне не присуще.

На безрыбье ибо
Мы рыбу удим,
И в итоге рыбы —
Ни себе ни людям.

На луне никому
Не жнется, не сеется,
Ни мне, ни ему,
Ни уму, ни сердцу.

Но брожу, гляжу
На дома, трамваи,
Каждый день пишу
И не унываю.

* * *

Сергею Наровчатову

Ибо наши стихи никогда не умрут,
Наши жизни пройдут, удлинясь.
И тархунного цвета небес изумруд
Существует, должно быть, для нас.

И во чкалики чкалики опрокинь,
А без этого нам нельзя.
Если даже все люди будут враги,
Как поэты мы будем друзья.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ПОЭЗИЯ

Поэзия начинается с нового года,
С традиционного поворота
Солнца на лето, зимы на мороз,
Со смеха поэта или со слез.
С восхода, а если надо, с заката:
Поэзия разнообразьем богата!

Поэзия начинается с ледохода,
С первого парохода
И с Дон-Кихота,
Которому почему-то охота
Залезать в холодную воду.

Поэзия начинается с новизны,
Когда сочиняются сны весны.
Поэзия начинается со всего
И не пугается ничего.

* * *

Светает. Наступает день. Я
Ложусь в постель, заснуть дабы;
Взметает дым, как привиденье,
В соседнем доме из трубы.

Он словно дым от папиросы,
Но только издали видней;
Поэзия идет от прозы,
Но возвышается над ней.

* * *

— Есть на этом свете счастье?—
Я спросил, и мне в ответ
Филин ночью, утром ястреб
Сообщили: — Счастья нет!

— Счастья в мире много очень,
И для счастья мы живем! —
Соловей поведал ночью,
Ласточка сказала днем!

* * *

Сапер ошибается только раз.
Поэты или артисты
(Имею в виду только высший класс!)
Три раза, раз тридцать и триста.

Ущерба-убытка от этого нет,
Поскольку они не кассиры.
Бывает и так: ошибется поэт,
И дремлет в ошибке сила!

* * *

Как следует писать стихи?
Есть много правил неплохих
И много дельных указаний
По поводу стихописаний.
Однако чтоб поэтом быть,
Все это надо позабыть:
В стихах лишь тот себя прославил,
Кто не придерживался правил!

ЦЕРЕРА

(Гипотеза)

Жила разумная планета
В былые времена,
И у людей планеты этой
Была одна луна.

Они луною любовались
И голубой волной,
И парни в девушек влюблялись
Под ясною луной.

Так жили и с луной дружили
Планеты той сыны —
И зря использовать решили
Энергию луны.

— Зачем нужна победа бреда? —
Спросил один поэт.—
Погибнуть может вся планета
Через сто тысяч лет!

Однако заглушила свора
Его негромкий глас:
— Сто тысяч лет пройдут нескоро,
Нужна дыханию мотора
Энергия сейчас!

Сто тысяч лет прошли, однако,
Как танки по шоссе,
И зло немедленного блага
Почувствовали все.

Сбылось предчувствие поэта
Луна упала на планету,
Отправясь в мир иной...

И ничего не уцелело,
А впрочем, вертится Церера,
Сравнимая с луной.

* * *

Все зависит от ерунды,
Может быть, от цвета чернил.
Позабросив иные труды,
Я стихам себя подчинил.

Но не я подчинил себя,
А стихи подчинили себе.
Такова у меня судьба —
Доверяюсь во всем судьбе.

Так какой-нибудь дикий народ
Силой силы, мечом и огнем
Всю страну у другого берет,
А потом растворяется в нем.

* * *

Где минус и где плюс?
В чем суть? Что путь?
Возьму и утоплюсь...
Когда-нибудь.

Неимоверен груз
Моих потерь.
Возьму и утоплюсь...
Но не теперь!

* * *

Тот молодец, кто понимает
Стихи поэтов небывалых.
Мои стихи напоминают
Коллекцию почтовых марок.

Они, однако, отражают
Борьбу двадцатого и Чудного,
Но, к сожаленью, не решают
Исход борьбы, как я хочу того.

Тот не поймет Поэтограда,
Кто не владеет расстояниями,
Тому всегда победы ада
Казаться будут постоянными.

Но времена Екклезиаста
Отменены, хоть был он гением,
А кто годов не видит за сто,
Не обладает и мгновением.

ПРО КОРОВУ

Жила корова
В хлеву.
Дров не колола,
Ела траву.

Идти пришлось селом ей,
Нигде травинки. Лишь
Желтеющей соломой
Покрыто много крыш.

Старушка у окошка
Читала книжку Фетову.
О том, что крыше крышка,
Старушка и не ведала.

Плохая штука старость,
А Фет слабей, чем Сю.
Корова крышу стала есть,
И съела крышу всю.

* * *

Оптимистический мой стих —
Не нравственный ДОКЛАД,
Но я ее мечту постиг —
Урвать его ОКЛАД.
А он, как ненормальный псих,
В ней видит ценный КЛАД
И думает в объятьях сих
Найти семейный ЛАД.
Смешно, но, может быть, у них
Рай будет, а не АД!

* * *

Не только мы бывали дураками,
Махали после драки кулаками.
Французы тоже мыслили убого:
Не признавали своего Ван Гога!
Японцы упустили Хокусая,
А после тоже ногти покусали!

Но и у нас преобладали хамы,
В недобрый час они взрывали храмы!

ЗА ЧИСТОТУ ЯЗЫКА

1. АВОСЬКА

Она с народом весело живет
И грустно с бюрократом-недоумкой:
Народ ее авоською зовет
А бюрократ — хозяйственной сумкой!

2. КУЛИЧ

*В булочных и гастрономах продаются куличи,
которые почему-то именуется весенними и славянскими кексами.*

Почему должны мы, москвичи,
Следовать словечкам англосакским:
Называть свои же куличи
Кексами, весенним и славянским?

Почему-то русский наш кулич
Изгоняется из обихода...
Разве запрещал его Ильич
В Октябре семнадцатого года?

НЕПРАВДА И НЕПРАВДА

Про создающих переводы
«Халтур, халтур!» — кричат невежды.
А у поэтов в наши годы
Лишь огорченья и надежды...
Что мы живем, как птичьи стаи,
Стихи мгновенно создавая,
И моментально издавая, —
Неправда и неправда!

Нет безалаберного пьянства!
Нет беспричинного буянства,
Нет никакого хулиганства,
Что так приписывают нам!
Нет бытового разложения
И нет гнилого окруженья,
А есть взаимоуваженье
И есть еще любовь к стихам!

* * *

Чингисхан, Батый, Аттила —
Гении, которые
Не употребляли мыла
И вошли в историю.

Им не подражайте, дети,
Ни в быту, ни в творчестве,
Ежедневно на рассвете
Умывайтесь дочиста.

* * *

Все лучшее из всех земных даров,
Какие существуют на Земшаре,
Мне обещали: кубометры дров,
И девочек хороших обещали.

Мне обещали эти трепачи
И фантастические гонорары,
И что против поэзии мечи
Перекуются скоро на орала.

Я обо всем размыслил по ночам
И оценил все эти разговоры:
Проклятье вам, ничтожным трепачам,
За то, что вы мошенники и воры.

Проклятье вам, шакалы, а не львы,
Самодовольные дегенераты,
За то, что у меня украли вы
Все то, что обещали мне когда-то.

Проклятье вашим радужным мечтам
И миру, что не был, а назывался —
За то, что я всего б добился сам,
Когда бы не надеялся на вас я.

* * *

В моей башке какой-то рой вопросовый,
Должно быть, надоевший мне и вам.
А где-то там чугунный или бронзовый
Первопечатник Федоров Иван.

Там люди бегают, подошвами стучат они,
Так ибо у людей заведено.
И веруют они в книгопечатанье,
Которое не изобретено!

ПАМЯТИ МИШИ КУЛЬЧИЦКОГО

В мир иной отворились двери те,
Где кончается слово «вперед»...
Умер Кульчицкий, а мне не верится:
По-моему, пляшет он и поет.

Умер Кульчицкий, мечтавший в столетях
Остаться навеки и жить века.
Умер Кульчицкий, а в энциклопедиях
Нету такого на букву «К».

А он писал стихи о России,
С которой рифмуется неба синь;
Его по достоинству оценили
Лишь женщины, временно жившие с ним.

А он отличался безумной жадной
К жизни, к стихам, любил и вино,
И женщин, любимую каждую,
Называл для чего-то своей женой.

А он до того, как понюхать пороху,
Предвидел, предчувствовал грохоты битв,
Стихами сминал немецкую проволоку,
Колочую, как готический шрифт.

Приехал в Москву прямо с юга жаркого,
А детство провел в украинских краях,
И мама писала ему из Харькова:
«Не пей с Глазковым коньяк!»

* * *

Не упомнишь всего, что было
В институте МГПИ.
Шли за Орден Почетного Штопора
Поэтические бои.

Много прожитых и пережитых
Было дней, шестидневок, минут,
Издавался «Творческий Зшиток»,
Разлагающий Пединститут.

И всякий стих правдивый мой
Преследовался как крамола,
И Нина Б. за связь со мной
Исключена из комсомола.

В самой Москве белдня среди
Оболтусы шумной бражки
Антиглазковские статьи
Печатали в многотиражке.

Мелькало много всяких лиц.
Под страхом исключения скоро
От всех ошибок отреклись
Последователи Глазкова...

* * *

И плотнику, и штукатуру
Хвала и честь на стройках мира,
А я творю литературу,
Как подобает ювелиру.

Стихи слагаю уникально,
Взяв первозданность за основу,
И, повторяя твердость камня,
Приобретаю точность слова.

ИНВАЛИД

Что из того, что нормы-правила есть?
Мне мир златые горы дать
Не захотел. Мне не понравилось
И надоело голодать.

Как какой-нибудь подлипала
Обиваю пороги кин:
— Рассыпные, Кубань, на три пара,—
Вот примерно я стал каким.

1944—1945

БОЛЬШЕВИК

Памяти отца

Рожденный, чтобы сказку сделать былью,
Он с голоду и тифа не зачах.
Деникинцы его не погубили,
Не уничтожил адмирал Колчак.
Он твердости учился у железа,
Он выполнял заветы Ильича.
Погиб не от кулацкого обреза,
Погиб не от кинжала басмача.
И не от пули он погиб фашистской,
Бойцов отважных за собой ведя...

Законы беззакония Вышинский
Высасывал из пальца у вождя.
И бушевали низменные страсти,
А большевик тоскливо сознавал,
Что арестован именем той власти,
Которую он сам и создавал!

Ну, а потом его судила тройка
Чекистов недзержинской чистоты.
Он не признал вины и умер стойко
В бессмысленном бараке Воркуты.

* * *

Из ста шаманов лишь один шаман
Гипнотизер, и лекарь, и актер.
Он одарен, свободен и хитер —
И без обманов у него обман.

Все остальные в ранге шарлатанов
Обманщики доверчивых профанов.
Исполненные спеси и жеманства,
Они компрометируют шаманство!

Из ста поэтов лишь один пиит
Без трафаретов мыслит и творит —
И, вероятно, через сотню лет
Из ста один останется поэт.

* * *

Знает кто про город Бендер-Шах?
Городов подобного масштаба
Столько, сколько звезд на небесах,
Но все помнят Бендера Остапа.

Город, центр промышленный, культурный,
Может меньше означать порой,
Чем простой герой — литературный
И не положительный герой.

* * *

Есть преданье: Иуда повесился
На осине, на горькой осине,—
И дрожит мелкой дрожью невесело
Лист осины по этой причине.

Полагали так божие странники,
Но в садах Иорданской долины,
По проверенным данным ботаники,
Не росло ни единой осины.

А у нас острова есть Лосиные,
И леса, и болота покуда
Чрезвычайно богаты осинами,
Но не вешается Иуда!

* * *

Жизнь моя — непрерывный путь.
Я постиг, что на этом пути
Никого нельзя обмануть,
Ничего нельзя обойти.

Много трудностей впереди.
Жизнь свою стихам подчиня,
Я запутался на пути,
Ты запуталась больше, чем я.

Не приходится выбирать,
Если есть где-нибудь просвет.
Ты всего гениальная блядь,
Я всего гениальный поэт.

И, наверное, потому,
Мы любовники и друзья.
Я в стихах своих потону,
Ты погибнешь; но так нельзя!

* * *

Я, бедняга,— как лев —
Действую наверняка.
Ты, одна из моих королев,
Тоже войдешь в века.

Через пять или шесть веков
Грядущий ученый нахал
Объявит, будто писатель Глазков
На свете не существовал.

— Стихов не писал Глазков-человек,—
Заявит ученый тот.
Но кто-нибудь из его коллег
Докажет наоборот.

Такому я руку пожать готов,
Такого мы признаем,
И станут спорить 700 городов
О месторожденье моем.

Но ты, современница, не поймешь
Величья грядущих побед.
Сей стих для тебя — это даже не ложь,
А обыкновенный бред.

Но все исчезает в ступенях веков —
Обычаи, нравы и быт,—
И только поэт,
Повелитель стихов,
Вовеки не будет забыт.

НЕБЫВАЛИЗМ МЕНЯ

МАНИФЕСТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Вне времени и притяжения
Легла души моей Сахара
От беззастенчивости гения
До гениальности нахала.

Мне нужен век. Он не настал еще,
В который я войду героем;
Но перед временем состаришься,
Как и Тифлис перед Курою.

Я мир люблю. Но я плюю на мир
Со всеми буднями и снами.
Мой юный образ вечно юными
Пускай возносится, как знамя.

Знамена, впрочем, тоже старятся —
И остаются небылицы.
Но человек, как я, — останется:
Он молодец — и не боится.

Мне нужен мир второй,
Огромный, как нелепость,
А первый мир маячит, не маня.

Долой его, долой:
В нем люди ждут троллейбус,
А во втором — меня.

МАНИФЕСТЫ

1

Я забыть постараюсь те сны,
Где сюжет — скачки, по горам как.

Но, товарищи, мне тесны
Очертания всяческих рамок.

Я велик, и не на ходулях,
Мой разум и вера не шáтки.
Я покину трамвай на ходу,
И не просто, а с задней площадки.

Мне ль удариться стоит в запой?
И — растак твоего ферзя!..
И полезу через забор,
Если лазить туда нельзя.

И не все превращается в дым,
И не всякий желает быть графом.
Ну и буду срывать цветы,
Не платя садовникам штрафа!

А коль трезвон надоел патефона,
И на сердце тоска полегла,
Нет приятнее музыки звона
Разбиваемого стекла.

2

Если гений мой бьет впустую,
Это значит: я буду после,
А покуда только бастую
На заводе жизненной пользы.

С тарабарщины этой не тронусь я
В путь далекий,
Пыль клубится конусом
Вдоль дороги.

Ветру больше делать нечего.
Будто Брут,
Ветер воет воинственно вечером,
Люди врут.

Ну а мы, поэты, что мы делать будем?
Призывать напрасно свет к ответу?
Пыль пускать в глаза, как ветер людям?
Строить ветряные мельницы, как люди ветру?

Их глаза отливают закатами,
Игроки обступили кругом.
Чтоб играть открытыми картами,
Надо сильным быть игроком.

Поэты — боги, пусть каждый знает,
Даже лбы, которые медны:
Во-первых, потому что поэты жаждут,
Во-вторых, потому что бессмертны.

Поэты жаждут чести и славы:
И того, и другого достойны.
Поэты не литературные завывы,—
Они воины.

Поэты знают, за что им биться,
Не чертите поэтам границ пунктир,
Не ломайте спицы у колесницы,
Летящей по творческому пути.

* * *

Холуи и подхалимы
Самые тщеславные
Рушили неумоимо
Церкви православные.

Холуи, конечно, цепки,
Но бывают странности:
Подхалимы сгинут, церкви
На века останутся!

ПРО ЧЕРЕП

Возводился корпус № 8.
И лопаты ударялись оземь.
И от ветров
Подымалась пыль.

Наконец на глубине 2,5 метров
Обнаружен череп был.

Может, он убит винтовкой ТОЗ;
Но не умер он, а только замер.
Пусть лежит. Как говорил Христос,
Мертвые себя хоронят сами.

* * *

Не признан я бездарными такими,
Которые боятся как огня
Непризнанных. Им нужно только имя,
Но именно имени нет у меня.

Но все равно. Способен я на то,
И ты поймешь, в газетах роясь,
Все это вышеупомянуто...
За что боролись?

Не хочу я здоровой советской мистики,
Одного хочу лишь:
Чтоб в сегодняшний день мои стихи
На эпитафии разошлись.

Я равняться, как и все, по средним
Не имею никаких охот.
Как достойный капитан, последним
Я покину футуризма пароход.

* * *

Я потерпел под небом крах,
Хоть было небо темно-синее...
Я побежден. Мне плохо, как
Итальянцам в Абиссинии.

Я молодец, что мир постиг,
И сам себе я шар земной,—
И даже тот меня простит,
Кто недоволен мной.

* * *

В отряд наш явилась девушка Н.
Зовут ее Лена.
Она попадать не желает в плен,
И море ей по колено.

Но я возразил ей, что в море глубоко
И ей по колено не море, а юбка.
Она сказала, что эта обыденность
Ей надоела. Она обиделась.

1942

Ю-88

Он в чужое небо лазил,
Ибо власть ему дана
Разрушать на радость расы
Неповинные дома.

Хоть летал часами долгими,
В облаках скрываясь ватных,
Но на подступах к гор. Горькому
Протаранен был стервятник.

Долетался и доюркался,
Получил свое возмездье —
И лежат осколки «юнкерса»
На завидном видном месте.

Возле памятника Чкалову,
Чтобы пальцами стучали
Все — от старого до малого —
По осколкам горьковчане.

Это чтоб ребята малые,
Металлические части
От стервятника отламывая,
Испытывали счастье.

* * *

Корабли ушли на базы,
Небосвод синел...
Жили-были папуасы
И миссионер.

Он рассказывал им сказки
Про духовный быт,
А они, закрывши глазки,
Поглощали спирт.

Но один из них однажды,
Думая про рок,
Заявил ему: — О наш ты
Пастырь и пророк!

Отпусти нас в Апеннины,
Где священный Рим,
Под напевы пианины
Мы его узрим...

* * *

В мелких и грязных делах
здорово руки умыть,
Смело взглянуть в жизни
слащавую муть.
К черту уйти навсегда
да при этом иметь
Только лишь веру в себя
да черного хлеба ломоть,
В поле открытом его
пополам разломить
Здорово !

1612—1812—2012 ?

Поляками Москва была оставлена,
И двести лет должно было пройти,
Чтоб армия бежала Бонапартина
По самому обратному пути!

Есть в этих цифрах что-то предсказанное,
А потому имею я в виду,
Что, может быть, случится то же самое
В 2012 году!

* * *

Диалектический контакт
Явленья сущности и сущности явлений,
Действительность, ты — проходящий акт
В трагедии эпох и поколений.

И это повторяющийся факт,
Которому нельзя не покоряться.
Хоть факт упрям, но мы живем в антракт,
Где происходит смена декораций.

В такие дни стихи срывают с губ,
Зажатые в какой-то жуткой сумме:
Во-первых, тот, кто безнадежно глуп,
И во-вторых, кто дьявольски безумен!

НЕБЫВАЛИЗМ МЕНЯ

Мне ночь дарует мрак,
Сверлит сознание рок.
Да здравствует дурак,
Проникнувший в мирок.

А я совсем не то,
И песнь моя не та.
Я гений и знаток,
Но действую не так.

* * *

«Самиздат» — придумал это слово
Я еще в сороковом году.
Время предвоенное сурово:
Не щадились яблони в цвету.
Те события со стихами сверив,
Я не одного себя виню:
Яблони нарком финансов Зверев
Погубил налогом на корню.

Вырубались уголки глухие,
И сады российских деревень,
И стихов дремотную стихию.
Сокрушали все, кому не лень.
Именно тогда я, очень странный,
Поступил почти как психопат:
Вместо публикаций и изданий
Выдумал ненужный Самиздат.

Не сдаваться было трудновато,
Издаваться было тяжело —
Слово то, которое крылато,
Мировую славу обрело.
Самиздат без всякого подвоха
Действовал отважно, как солдат...
А сегодня мы живем неплохо
И кончается мой Самиздат!

* * *

Она не хотела сказать мне: «Ты скиф», —
А может быть, только боялась.
Иной бы весь день изнывал от тоски.
Иной приходил бы в ярость.
Однако я самый иной из иных.
Однако я строю паяца.
Однако могу, но не все из-за них...
Однако — не надо бояться.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

(Подражание Пьеру Беранже)

Стоял в Гренобле холод ярый,
Как полагается зимой.
Поклонник Вакха запоздалый
Не мог найти пути домой.
Стремился он домой, к постели,
К своей жене, согреться чтоб...
Бандиты пьяного раздели
И голым бросили в сугроб.

А наутро он опохмелялся,
Подымая заздравный бокал,
И людской доброте умилялся,
И свирепых бандитов ругал.

Фиалки зацвели в апреле,
В реке сияли стаи звезд,
Когда поклонник Вакха пере-
Бирался через Чертов мост!
На оптимиста хулиганы
В ту ночь напали неспроста
И прямо к морю-океану
Швырнули с Чертова моста!

А на утро он опохмелялся,
Подымая заздравный бокал,
И людской доброте умилялся,
Хулиганов коварных ругал.

Великолепна ночь июля,
Вокруг огни и тишина,
На небе города, ликуя,
Смеялась пьяная луна.

Поклонник Вакха до рассвета
Природой любоваться мог,
Но королевская карета
Его, беднягу, сбила с ног.

А наутро он опохмелялся,
Подымая заздравный бокал,
И людской доброте умилялся,
А владельца кареты ругал.

Роняет листья лес багряный,
Сверкают звезды в вышине.
В такую ночь все тот же пьяный
Вернулся к собственной жене.
Ну, а она собирает вещи,
Опустошенная до дна,
И говорит ему зловеще:
— Тебе я больше не жена!

А наутро он опохмелялся,
Подымая заздравный бокал,
И людской доброте умилялся,
И супругу свою обнимал!

* * *

Акмеист Николай Гумилев,
Вероятно, не наш идеолог.
Паладин экзотичных краев,
До сих пор редкий гость книжных полок.

Монархистом он был, говорят,
Да и конквистадором при этом,
Допускаю любой вариант —
Оставался прекрасным поэтом.

Не мешает сегодня издать
Все стихи, не лишенные смысла,
А приходится слышать опять:
Как бы где-то чего не вышло!

Испугался зимой комаров
Из немыслящей серии критик,
Но такой, как у нас Гумилев,
Был в Британской империи Киплинг!

Воин, рыцарь и конквистадор,
Он стихи сочинял в том же стиле,
Не вступая с поэзией в спор,
Англичане его сохранили!

За огромный талант и за труд,
Как романтика и романиста,
Любят Киплинга, ценят и чтут
На Британской земле коммунисты.

А вот люди Советской земли,
Уважая чеканное слово,
Опрометчиво не сберегли
Своего Гумилева родного!

Его следует переиздать
Тиражом тысяч в двести иль триста,
Чтобы мог царскосельски блистать,
Петергофски фонтанно искриться.

* * *

Не уйдет Глазков из плена
Им написанных стихов;
И себе не взрежет вены,
Потому что он Глазков.

Не уйдет Глазков из плена —
Я услышал разговор,
Но такого нет полена,
Чтобы я не расколол.

Был сто раз не прав пускай я.
За хорошие стихи
Сам себе я отпускаю
Все прошедшие грехи.

И еще свободу действий
Самому себе дарю,
Но того, что было в детстве,
Никогда не повторяю.

* * *

Я очень много понимаю,
Ибо рожден небывалистом,
Только 13-го мая
Не кончу жизнь самоубийством.
Луна уставилась на лужу,
А города берутся с бою.

Я трижды договор нарушу,
Поскольку он с самим собою.

* * *

Очень трудно верить в рай и ад страстей,
И совсем не выскочишь из прозы ведь.
В этом мире слишком мало радостей,
Чтоб оставшиеся не использовать.

Тебе не надо стихов читать
И водку не надо пить.
Ты дура и перестраховщица,
И глупо тебя любить.

С тобой про любовь говорить нечто вроде
Того, что говорить про дождь
И о всякой другой погоде,
Но ты все равно придешь ко мне, придешь,
И я тебе буду очень рад.

* * *

Ни на кого не похож,
Ибо родился поэтом.
Скажут глупцы: — Ну и что ж!
Где же гражданственность в этом?

Я, никого не дублируя,
Скучной не делаюсь тенью.
Слово поведаю миру я,
Равное изобретенью!

* * *

Азбука теней
Тоже не без А.
Тени простыней
Вхожи в небеса.

Тени по стене —
Вроде обезьян.
Азбука теней
Тоже не без Я.

В азбуке теней,
Как в миру вещей,
Плავает тюлень,
В частности, вообще ль?

Азбуки такой
Нет, как таковой!
Мне она на кой?
Заслоню рукой!

Но из-под руки,
Где еще темней,
Скачут старики
Азбуки теней!

* * *

Жил да был
Искатель клада —
Человек
Такого склада,
Что работал
Парень милый
До упаду,
Как умел.
Если б только
Рыл могилы,
Был бы он
Миллионер.

* * *

Обнаружили воровку,
Что похитила веревку,
Уголовный кодекс в силе,
На суде ее спросили:

«Отвечай ты нам, воровка,
Для чего тебе веревка?»
И ответила девица:
«Я хотела удавиться».

* * *

Один взлетел превыше облак,
Другой ушел на север жить...
Я думал, что придумать подвиг
Трудней, чем подвиг совершить.

Но всюду степь и всюду тундра,
И мне понятно что к чему:
Совет хороший дать не трудно,
Труднее следовать ему!

ПРО ВОДЯНОГО

— *Водяной!* — вскрикнула она.

С растрепанными волосами
И с синяками под глазами,
В одежде в самой во дрянной,
Я, в самом деле, водяной.

В одеянья водяные
Сам собою облачен,
На деянья на иные
Я судьбою обречен.

Меня охают и оглупят
Игрушкой сплетни заводной,
И девочки меня не любят
За то, что есть я водяной.

А за что меня любить-то,
Если я люблю людей,
Если, кроме лабиринта,
Не сыскал иных путей?

А путь повторный — путь напрасный.
Ищу, как будто вót иной.
Я счастлив тем, что я несчастный
И сухопутный водяной.

ПОЧЕМУ НАСТУПАЕТ ВЕСНА?

Почему наступает весна
И просторы ручьями залиты?
Потому что весна, она
Не зависит от волокиты!

Ну, а если б ее приход
Мог зависеть от бюрократа?..
Полагаю, что в этот год
Людям стало бы страшновато.

— Снег,— изрек бы он,— не истек,
И устроим мы обсуждение,
Прежде чем установим срок
Снеготаянья и потепленья.

В силу вышестоящих причин
Пусть вода никакая не льется
До того, как мы в план включим
Все лучи исходящего солнца.

И бранили бы люди тогда
Затянувшийся холод проклятый...

Но бежит по канавкам вода,
Ибо таянье снега и льда
Не зависит от бюрократа!

* * *

Чья душа настолько измельчала,
Что отдаст меня за огурец?
Где оно, великое начало,
Положившее всему конец?

От всего немного отведав,
Я смотрю на все издалека.
По путям вопросов и ответов
Очень быстрая езда легка.

По путям ответов без вопросов
Очень быстрая езда трудна —
И торчу, непризнанный философ,
В океане Истины, у дна.

* * *

У меня, должно быть, в душе нищета —
Не хочу ни старья, ни модерн.
Вижу книги — я книги еще не читал,
Книги я только смотрел.

Я и умный, и глупый, в то время как вы
Очень умные люди — и только.
Я от вас убежал на поля трын-травы.
Что толку?

* * *

Не ведая брода,
Не зная реки,
Не суйся в болото,
Как все дураки.

О многом не ведай,
Но праведным будь.
Победой, победой
Закончится путь!

Люблю все на свете
За то, что поэт —
И солнце, что светит,
И тучи, что нет.

Спасибо, планета,
За холод и зной.
Победа, победа,
Победа за мной!

* * *

Должны мы все свой пай нести,
Зовет на то Расея нас,
Но, кроме гениальности,
Присуца нам рассеянность.

Стихов слагаю томики,
И строчка в память врезана;
А между тем на домике
Торчит себе железина.

Неведомая даль ясна,
Иду, беды не ведая,
И в тот же миг ударился
Железину об эту я.

Виском хватился правым,
Должно быть, оглушительно.
Хотя мы мелко плаваем,
Но действуем решительно.

* * *

Он всю жизнь бессмертьем бредил,
Ненавидел смерть,
Более всего на свете
Опасался умереть.
Мысли многие набатны
И зовут на бой.
А мысль о смерти неприятна,
Как зубная боль.
Мысль о смерти угнетала,
Как никто иной.
И вот, чтобы ее не стало,
Покончил он с собой.

* * *

Пусть будет эта повесть
Написана всерьез
О людях тех, чья совесть
Чиста, как Дед Мороз.

Один из них пропойца,
По пьянству богатырь,
И светит ярче солнца
Его душе бутылъ.

Чтоб водка вместо чая
Струилась как река,
Он пропил все, включая
И друга, и врага.

И в день веселый мая
Привел меня туда:
Одна стена прямая,
Другая — как дуга.

От края и до края
Примерно два шага.
И комната такая
Не очень велика.

Однако очень славно,
Не ведая забот,
Там девочка Светлана
Безвыездно живет.

Она провоевала
Число иных годов
И видела немало
Людей и городов.

По Западной Европе
Поездила она.
Хранятся в гардеробе
Медали, ордена...

Я это понимаю,
Хоть сам не бил врага...
Одна стена прямая,
Другая — как дуга.

И свет не льется яркий,
Окно затемнено.
Под Триумфальной аркой
Запрятано оно.

И лампочка мигает
Всего в пятнадцать свеч,
Но это не мешает
Веселью наших встреч.

Мы курим, дым вздымая
Почти до потолка.
Одна стена прямая,
Другая — как дуга.

1950

* * *

Голосистый петух —
Звонко горлышко —
Кличет курочек двух
На два зернышка.

А плохой петух — тот,
Как придурочек,
Сам клюет, не зовет
Милых курочек.

ПОЭТ И РОЯЛЬ

Говорил рояль поэту:
— Я нисколько не шучу.
Над твоим стихом победу
Одержать всегда могу.

Это я тремя ногами
Все поэмы растопчу,
Черно-белыми зубами
Над тобой захохочу!..

Отвечал поэт роялю
В тот решительный момент:
— Сам тебя я презираю,
Бестолковый инструмент!

И в лишенной смысла бездне
Ты, рояль, давно бы сгнил,
Если б текста глупой песни
Я тебе не сочинил!

1950

МОЯ ЖЕНА

Не две дороги светлого стекла,
Не две дороги и не две реки...
Здесь женщина любимая легла,
Раскинув ноги Волги и Оки.
Запрокинув руки рукавов
И золото своих песчаных кос,
Она лежит на ложе берегов
И равнодушно смотрит на откос.

Кто знает, что она моя жена?
Я для нее не пожалею строф,
Хотя не я дарил ей кружева
Великолепно связанных мостов.
Она моя жена, а я поэт...
Сто тысяч раз изменит мне она,—
Ни ревности, ни ненависти нет:
Бери ее, она моя жена!

Она тебя утопит ни за грош:
Есть у нее на это глубина,
Но, если ты действительно хорош,
Возьми ее,— она моя жена.
Возьми ее, одень ее в гранит,
Труды и камни на нее затрать...
Она такая, что не устоит
И даст тебе все то, что сможет дать!

1950—1951

ПОСЛАНИЕ МИШЕ ЛУКОНИНУ

Луконин Миша! Ты теперь
Как депутат почти,
И я пишу письмо тебе,
А ты его прочти.

С чего бы мне его начать?
Начну с того хотя б,
Что можешь и не отвечать
Мне ямбами на ямб.

Но ты поэт и я поэт,
Мы, зная толк в стихах,
Друг друга знаем больше лет,
Чем пальцев на руках.

Избрали мы давным-давно
Поэтов ремесло,
А было что перед войной,
То былью поросло.

Ты побывал в огне, в воде
И в медных трубах, но
Кульчицкий где, Майоров где
Сегодня пьют вино?

Для них остановились дни
И солнца луч угас,
Но если есть тот свет, они
Что думают про нас?

Они поэзию творят
В неведомой стране.
Они сегодня говорят,
Наверно, обо мне.

Что я остался в стороне
От жизненных побед...
Нет! Нужен я своей стране
Как гений и поэт!

Сегодня мной почти забыт
Наплыв былых забот.
Вчера я был как следопыт,
А нынче как завод...

И я поэт, и я таков,
Что выполню свой долг:
Я сам рабочий у станков
И сам себе профорг.

Встает рассвет. Я вижу дом.
Течет из дома дым.
И я, поэт, пишу о том,
Что буду молодым...

Не молодым поэтом, нет,
Поскольку в наши дни
Понятье «молодой поэт»
Ругательству сродни.

Мол, если молодой, то он
Валяет дурака,
И как поэт не завершен,
И не поэт пока.

Нет! Просто мир побьет войну
В безбрежности земной,
Тогда я молодость верну,
Утраченную мной!

Пусть я тебя не изумил
И цели не достиг;
Но, как стихи стоят за мир,
Так станет мир за стих!

1951

ПРИМИТИВ

Москва. Декабрь. Пятьдесят первый год.
Двадцатый, а не двадцать первый век.
Я друг своих удач и враг невзгод
И очень примитивный человек.

А за окном обыкновенный снег.
Его бы мог сравнить я с серебром.
Зачем? Я примитивный человек,
Который платит за добро добром.

Который понимает, что зимой
Снег популярен — потому воспет.
А я предпочитаю летний зной:
И вешних яблонь белоснежный цвет.

Мне счастье улыбалось иногда,
Однако редко; чаще не везло,
Но я не обижался на года,
А возлюбил поэта ремесло.

Чтоб так же, как деревья и трава,
Стихи поэта были хороши,
Умело надо подбирать слова,
А не кичиться сложностью души.

Я по примеру всех простых людей,
Предпочитаю счастье без борьбы!
Увижу реку — искупаюсь в ней,
Увижу лес — пойду собирать грибы.

Представится мне случай — буду пьян,
А не представится — останусь трезв,
И женщины находят в том изъян
И думают: а в чем тут интерес?

Но ежели об интересе речь,
Я примитивность выявлю опять:
— С хорошей бабой интересно лечь,
А не игру в любовь переживать.

Я к сложным отношеньям не привык,
Одна особа, кончившая вуз,
Сказала мне, что я простой мужик.
Да, это так, и этим я горжусь.

Мужик велик. Как богатырь былин,
Он идолиц поганых погромил,
И покорил Сибирь, и взял Берлин,
И написал роман «Война и мир»!

Правдиво отразить двадцатый век
Сумел в своих стихах поэт Глазков,
А что он сделал,— сложный человек?..
Бюро, бюро придумал... пропусков!

УТОМЛЕНИЕ

Бездействовать — бездарно и нелепо,
Когда вокруг занятий миллион.
Я чувствую себя великолепно
Только тогда, когда я утомлен.

Быть может, оттого, что я писатель,
А больше в жизни стать никем не смог,
Мне хорошо, когда сумею за день
Перевести сто или двести строк.

Тогда я ощущаю утомленье
И радует меня мой светлый путь,
А если был весь день отмечен ленью,
Я почему-то не могу заснуть.

Нет никакой отрады от безделья!
Что праздность нам на радость, люди врут.
Ночь провести с любимой на постели
Приятно, потому что это труд!

1951

В ЗАЩИТУ МИРА

Нам опять угрожает война,
О ней, о проклятой, пиши:
Война — это подвиги и ордена,
Война — это голод и вши!..

Война преждевременно старит сердца
И губит хороших людей,
А встанет убить одного стервеца
В один миллион рублей!

1952

* * *

Что ни год, идет вперед
Бесконечно долгий путь тот:
Все, что будет, все пройдет,
Что пройдет, того не будет.

Все сметут, сведут на нет
Годы, бурные, как воды,
И останется поэт —
Вечный раб своей свободы!..

1952

* * *

Я сбиваюсь с пути
И лечу с высоты:
Меня можешь спасти
Только ты.

Вижу странную ночь,
Царство злой темноты,
И мне можешь помочь
Только ты.

1953

* * *

Царь-пушка — милая игрушка.
Своим величием горда,
Как благородная старушка —
Талантлива и молода.

Артиллерийская подружка,
Она не едет никуда.
И, словно кружка на пирушке,
Не устареет никогда.

Ее для ахов и для охов
Отлил прекрасный мастер Чохов,
Она не бредила войной.

Стреляла. Всякое бывало.
Но никого не убивала,
За это ей почет двойной!

* * *

Оглушенный грохотами всеми,
Отрешенный от полезных дел,
Я неостроумно тратил время
И не знал того, что я хотел.

И вступал в бессмысленные споры,
Ну, а жизнь моя была бедна.
Я хотел иметь золотые горы
И озера, полные вина.

И мои желанья не сбывались,
Всех почти лишился я друзей...
И мои знакомые боялись
Связывать свою судьбу с моей...

По издательствам отважно тычась,
Я сдавал свои работы в срок.
С именем Глазкова много тысяч
Появилось стихотворных строк.

И меня признали... Что же дальше?
Люди недовольны, как и встарь.
Стали говорить: — Глазков проданся:
Он теперь ремесленник, кустарь...

И, понятно, не живет без денег:
Переводит, пишет на заказ...
Да, ремесленник, а не бездельник,
Работяга, а не лоботряс!

Как сапожник или токарь занят:
Где искусство, там и ремесло!..
Многие, чего хотят, не знают,
Я не увеличу их число!

* * *

Я знаю, жизнь чудесно хороша,
Особенно в часы большого пира.
И хорошо, что молодость прошла,
И хорошо, что старость наступила.

Я стал ценить мирок простых вещей:
В своих глазах я, возвышаясь, падаю,
Но дров охапка для меня важней,
Чем сыгранная шахматная партия.

* * *

Ты, как в окно,
В грядущее глядишь —
И все равно
Мужчину победишь.

А он, стерпя
Сто двадцать пять обид,
Потом тебя
Спокойно победит.

Однако вы
Перехитрите в быте —
И не как львы,
Как кошки победите.

Потом на нас
Потомки поглядят
И сложат сказ
О том, как победят...

Я снова жду
С тобой желанной встречи,
Но слова «побежду»
Нет в русской речи!

1954

ПРАВДА

Я поэт. Творю четверостишья
Много лет.
Может, я других святей и чище?
Вовсе нет!

Просто знаю, если не вкрадется
В душу ложь,
То тогда без всякой позолотцы
Стих хорош.

А проникнет если лицемерье
В глубь стиха,
Знаю, будет и в павлиньих перьях
Чепуха.

Повести, рассказы, басни, песни
Выйдут в свет...
Ничего они не значат, если
Правды нет!

1954

ПРО ЧЕРТЕЙ

В чертей хоть верьте, хоть не верьте,
Но я скажу вам не шутя:
Мне начали являться черти
От многодневного питья.
Они являлись мне ночами
Из тьмы безграмотных веков
И с подоконника кричали:
— Глазков, Глазков, Глазков, Глазков!

Те черти вовсе обнаглели
И сразу после пьянваря
Расположились на постели,
Мне ничего не говоря.
Они в количестве немалом
Обрушивались на кровать,
Барахтались под одеялом
И, так сказать, мешали спать.

Нечистый этот шум, однако,
Меня нисколько ни смущал:
Я пил живительную влагу,
Когда потребность ощущал.
Что черти мелкие поэтам?
Их не должны пугаться мы!..
Но как-то раз перед рассветом
Ко мне явился сам князь тьмы.

Он, серый, словно весь из дыма,
Стал дуть что было адских сил —
И я весомо, грубо, зримо
Смертельный холод ощутил...
С тех пор... Да сгинет сила злая!
Я самому себе не враг:
И водку не употребляю,
А лишь по праздникам коньяк.

* * *

Скажи, сказать какие я еще
Могу тебе слова?
Одна любовь всеисцеляющая,
Все остальное трын-трава.

Который раз за то, что спутница,
Скажу тебе, любя:
Пусть будет путь
и будет путаница,
Но я люблю тебя.

1954

* * *

Говорят, что под старость
Жизнь, как осень, прекрасна.
Если так, то связалась
Ты со мной не напрасно!..

Чтобы стать моей милой
И моей ненаглядной,
Ты отважно вступила
В мир, тебе непонятный.

Женщина, спутница, друг,
Ты сомневаешься в счастье...
Ведая горечь разлук,
Знаешь, что радость не часто...

Пусть не налажен наш быт,
Бедствия преодолимы!..
Так не копи же обид:
Мной ты, как прежде, любима!

1954

ДОЖДЬ

И. М. Л.

Струился дождь неутомимый
По головам и крышам,
Когда я с женщиной любимой
Из дома вышел.

Дождь лился и стекал по стеклам,
Куда ему угодно;
Но женщина под ливнем мокла
Довольно неохотно.

И я сказал:
— Дождь! Не иди!
Ты видишь: я иду!
С любимой я, а не один,
Имей ее в виду!

Поэта дождь послушался
И капать перестал,
Лишь ручейки да лужицы
Омыли тротуар.

Тогда любимая, смеясь,
Спросила вдруг:
— Какая связь
Между дождем и словом? —
И я хотел ответить ей,
Что я, поэт, сильнеем дождей...
Но дождь закапал снова.

1954

ЗА НОВОЕ СЧАСТЬЕ!

На столе много разной закуски и хлеба,
Апельсинов, пирожных, конфет и вина...
Если б мог я взлететь в тридевятое небо
И отправиться в прошлые времена!..

Я б туда захватил этот стол новогодний,
Превосходно накрытый богатой едой.
Я б из многих годов выбрал самый голодный:
Из столетья двадцатого — сорок второй.

Я созвал бы друзей самых лучших и милых,
На себе испытавших тяжелые дни.
Я продуктами этими всех угостил их,
Так что были бы мною довольны они.

В нашей власти, друзья, сдвинуть горы
и скалы,
Только старому горю не сможем помочь...
Так за новое счастье подыдем бокалы
В эту радостную новогоднюю ночь!

1955

ЗА МОЮ ГЕНИАЛЬНОСТЬ!..

Мне простите, друзья,
Эту милую странность,
Но не выпить нельзя
За мою гениальность!..

Не хвалю я себя,
Просто сам в себя верю:
Откровенность любя,
Не терплю лицемерья.

Нынче этот порок
Уподобился язве.
Говорю как пророк —
Не согласны вы разве?

А грядущая даль
Для меня что реальность.
Опрокинем хрусталь
За мою гениальность!..

Согласиться я рад
Даже с первого раза,
Что историю творят
Не герои, а массы.

Но в искусстве царит
До сих пор необычность,
И искусство творит
Гениальная личность.

Как великий поэт
Современной эпохи
Я собою воспет,
Хоть дела мои плохи.

В неналаженный быт
Я впадаю как в крайность...
Но хрусталь пусть звенит
За мою гениальность!..

1955

* * *

Идет весна, сияет солнце,
Цветут цветы, растет трава.
А Инна мне не отдается,
И в этом Инна не права.

И возникает поневоле
Вопрос, поставленный всерьез,
Такой мучительный вопрос —
Чему ее учили в школе?

— Немедленное благо — лучшее,—
Сказал великий Чингисхан.
А Инна понапрасну мучает
Того, кто страстью обуян.

Я молодец, не лезу в нытики,
А верю в светлые пути.
И Инна под влиянием критики
Должна навстречу мне пойти.

1955

* * *

Пусть другой, беспутный и распутный,
В вечном волокитстве век влачит
И ту женщину, что недоступней,
Больше уважает, любит, чтит.

Для него та женщина царица,
Ей простится грубость, глупость, ложь.
Он на ней жениться согласится,
А потом не ставит ни во грош...

Я поэт, люблю вино и солнце
На всемирной ярмарке невест.
Женщина, что долго не дается,
Мне довольно скоро надоест.

Только та, готовая отдаться,
Будет мне близка и дорога...
Я поэт, и не люблю редакций,
Где со мной валяют дурака.

Потому что очень мне досадно
Тратить время на такой журнал,
Где тупой ответ литконсультанта
Заменяет светлый гонорар.

1955

КОРОЛЕВЕ УТРЕННИХ ЛУЧЕЙ

Испытав сто двадцать пять обид,
Я иду сквозь тьму к великой Нови.
Сильный враг меня не победит,
Слабый друг меня не остановит!

Королева утренних лучей
Улыбается во тьме ночей!

Я не очень правильно иду:
Мной еще не найдена дорога.
И в литературе, и в быту
Мелочей досадных очень много...

Королева утренних лучей
Выше этих нудных мелочей!

Я люблю людей и шар земной,
Никакой такой не жажду бури;
Но победа все-таки за мной,
Как в быту, так и в литературе!

Королева утренних лучей
Постигает смысл моих речей!

1955

ПО ПОВОДУ ЗАВИСТИ

Если издалека ты
Видишь убогие хаты,
Окна их в час заката
Кажутся золотыми.

Но не считай, что хаты
Из серебра и злата:
Хаты совсем не богаты,
Не обольщайся ими.

Мелочи будничной жизни
Издали живописны.
Жены чужие тоже
Издали очень пригожи.

Думаешь: мне б такую
Умницу и всезнайку,
Милую, молодую
Спутницу и хозяйку.

А разузнаешь подробно,
Сколько с ней связано тягот,
Не пожелаешь с подобной
Соединиться и на год!

1955

ТАПОЧКИ

Иные славят новые штиблеты,
Другие — сапоги и башмаки.
Я славлю тапочки — простую обувь лета:
Они легки, но также и крепки.

Иные любят скверы и бульвары,
Другие бродят где-нибудь еще,
А я в лесу и у реки бываю,
И в тапочках мне летом хорошо.

Иные очень уважают моду,
Не отстают от нового денька,
А я люблю не моду, а природу,
Великолепную во все века!

Иные любят щеголять в обновах,—
Не следую их суете пустой.
Бродить удобно в тапочках дешевых,
А можно босиком, как Лев Толстой!..

Итак, ценя лесов сосновых запах,
И речку, и зеленую траву,
Однажды летом в тапках этих самых
Направился я в ресторан «Москву».

Швейцар остановил меня у входа:
— Вам в тапочках нельзя!
— А почему?
— Здесь много иностранного народа!
— Ну что ж! Тогда я тапочки сниму.

И босиком пошел я по ступеням,
Ну а швейцара отстранил слегка.
Тогда швейцар, старик весьма степенный,
Взмолился: — Не губите старика!..

Идите, ради бога, в чем хотите,
Но только не входите босиком!.. —
Я тапочки надел как победитель
И позабыл о пустяке таком.

Но вспомнил вновь. Ведь если
разобраться,
То мы народ сознательный вполне.
Я подражать не должен иностранцам, —
Они пусть лучше подражают мне!

1955

ПРО ОБЕЗЬЯН

Есть в Сухуми питомник, где живут обезьяны:
Капуцины, макаки и павианы...

А про то, как живет
Обезьяний народ,
Рассказал мне товарищ экскурсовод.

Например, павиан-самец
Молодец
И общественных предрассудков лишен,
Покоритель сердец
И примерный отец,
Он
Имеет двадцать шесть жен.

Они его любят
И так голубят,
Что он ходит в мантии голубой.
Если б нас так любили,
Мы бы счастливы были,
И не только с любимой, но даже с любой!

Человек — царь природы — преграды берет;
Но не все воздержанье считают изъясном.
Я хочу, чтоб в любви мы шагнули вперед
К обезьянам!

1955

ПАУК И ОРЕЛ

Паук приносит людям благо:
Он истребляет вредных мух.
Люблю тебя, мой друг. Однако
Не говорю, что ты паук!

Стервятник, птиц уничтожая,
Приносит людям много зла.
Но, похвалить тебя желая,
Я почему-то утверждаю,
Что ты походишь на орла!

1955

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Пятнадцать лет, как началась война,
И десять лет, как кончилась она.
Мы никогда ее не забываем,
Припоминаем эти времена.

Те люди, совесть у кого чиста,
В атаку шли за Родину, за Ста...
Нет! Люди воевали за Россию,
Речь о другом была для них пуста.

Россия не слепа и не слаба,
И это не пустая похвальба!..
Суворовская сила победила!..
Но до сих пор не кончена борьба!..

Вопрос весьма серьезный — кто кого?
Мрак одолеет нас иль мы его?
Внушительной решительной победы
Я не достиг еще при статус-кво.

В литературе все совсем не так,
Литература — это не пустяк!..
Я все еще стою под Сталинградом,
А мне необходимо взять рейхстаг!

1956

* * *

И. М. Л.

Раннее утро. Москва тиха.
Птички: чирик-чирик!
Странно и мудро слова стиха
Я подбирать привык.

Женщина рядом. Ее люблю.
Часики бьют: тик-так!
Я почему-то не сплю, а пью,
Пью с любимой коньяк.

Пью за нее, за стихи, за рассвет
И за счастье, которого нет!
Нет его. А почему?

Счастье, оно приходит потом,
А может, счастье не в счастье самом,
А в стремленьи к нему?

1957

ПРО ПОЖАРЫ

Говорил пожар пожару:
— Мы подружимся, пожалуй!.. —
И пожару пожар
Руку красную пожал:
— Очень яркие мы оба,
Ты хорош и я хорош.
Мы с тобой друзья до гроба,
Нас водой не разольешь!
Мир дивится нашей силе
И отваге удалой!..

Но разлили и залили
Их той самую водой.

1957

МРАМОРНАЯ ДОСКА

Возможно, будет речь моя резка.
Есть в Доме литераторов доска.
Из мрамора добротного она,
И золотом на ней сверкают гордо
Писателей советских имена,
На фронте павших в боевые годы.

Одних любил, других любить не мог,
Но жизнь солдат важней хороших строк.
Я чту всех тех, кого сожгла гроза,
Всех тех, кто пал за Родину геройски,
Но эту, нагло лгущую в глаза,
Не уважаю мраморную доску!

Не вижу я на ней своих друзей,
Хороших и талантливых людей.
Кульчицкий Миша, Женя Поляков,
И Паша Коган, и Майоров Коля
На мраморе остаться для веков.
Не удостоились!.. Не заслужили, что ли?

Не пали, что ли, в боевые дни?
Иль, может, их не вдохновляла муза?
Нет, муза вдохновляла, но они
Погибли все не членами Союза.

Пусть даже проявили героизм,
Инструкций нету, чтоб их слава длилась —
И административный кретинизм
Свершил еще одну несправедливость!

РАЗГОВОР С ЧЕРТОМ

Вошел незнакомец, хвостат и рогат:

— Я видеть хочу стихотворца.

— Садитесь, пожалуйста... Очень не рад! —
Сказал поэт незнакомцу.

— А я очень рад и про наши дела

Скажу откровенно и смело:

Нам надо быть выше добра или зла!..

— А с кем я имею дело?

— С чертом. А что? Я ведь вхож на Парнас!

Поэзия штука такая...

В стихи иногда вы пускаете нас!

— В стихи иногда допускаю.

— Так вот тем лучше!.. Вы русский поэт,

Известный не всем, но нам.

Деньгами располагаете? Нет?

— Нет, и займы не дам!

— Помилуйте!.. Я не прошу займы!..

Напротив, душой сокрушаемся мы,

На ваше безденежье глядя!..

Как черту, прекрасно известно мне,

Что ваших стихов почти что и нет в печати!

А вы бы могли совершить турне

И там подработать кстати.

Вас интересует туристский маршрут

Ну, скажем, вокруг Европы?

На это вам денежки черти дадут

С одним условием, чтобы...

— Душу?

— Да нет!.. Руку на сердце положи,
Скажу вам, хе-хе, хи-хи,
Что нужна мне ваша душа,
Как некоторым газетам стихи!
Души мне не надо, а нужно нам,
Чтобы вы ду-ду-ду — и остались там!

Чувствую, что не хотите. А зря!..
Уехать совсем несложно..
И все, чего здесь напечатать нельзя,
Там напечатать можно!

Напрасно вы так дорожите Москвой,
Ду-ду — и не надо обратно!..
Вы там издадите все!

— Для кого?
Для нескольких эмигрантов?

Я вас огорчу, господин черт:
Меня не прельщает такой почет;
В Москве я к читателю ближе!..

Мне лучше, вдыхая Отечества дым,
В России поэтом быть рядовым,
Чем первым поэтом в Париже!

1958

ЗИМНЕЕ УТРО

**Мне бы спать и спать, но просыпаюсь:
Череда забот сильней зевот.
Зимнего рассвета белый парус
По утрам в поход меня зовет.**

**Мне вставать не хочется с постели,
Мне бы спать и спать, но даль светла:
Ждут меня удачи и потери,
Ждут меня великие дела!**

1958

* * *

Не знаю сам, к чему все клонится,
Но я тоскую в эти дни.
Приди ко мне, мою бессонницу,
Как ты сумеешь, разгони.

Приди ко мне, простая женщина,
Зачем зову, не знаю сам.
Мне счастье не было завещано,
И я тебе его не дам.

1959

* * *

Пройдут не скоро горе и болезнь,
Их претерпеть, быть может, лучше порознь.
Там, где вчера шумел могучий лес,
Сегодня только молодая поросль.

Нет чащи, чтоб укрыться от тоски,
Нет листьев, чтобы жить под их навесом.

Не заменяют леса черенки,
Хотя растут и снова станут лесом!

1959

* * *

Земля просторна, и на ней не тесно,
Когда вокруг медовая трава.
Неповторимо, сказочно чудесна
Сияющая церковь Покрова.

Великолепно выбрали ей место,
Чтоб отражалась в старице Нерли,
И очень хорошо, что по соседству
С ней новых корпусов не возвели!

1960

СИЛА СТИХА

Если в чем виноват, то исправлюсь,
Но скажу, что, как всякий поэт,
Я одним безусловно понравлюсь,
А другим, вероятно, нет.

Все эпохи и страны объеду,
Вспомню сотни стихов и поэм...
Разве были такие поэты,
Те, которые нравились всем?!

Нет таких! Но считать нам не нужно,
Что поэзия мира плоха:
Лишь читательским равнодушьем
Измеряется сила стиха!

1960

В ЗАЩИТУ КВАСА

**Хочу сказать, что русский хлебный квас
Великолепно утоляет жажду.
И этим квас прекрасен без прикрас,
И с этим согласиться может каждый.**

**На опаленном поле потрудись —
Узнаешь, как испить кваску приятно!..
И почему ура-патриотизм
Квасным зовется, просто непонятно!**

1961

* * *

Люблю тебя, когда весна,
Которой рад весьма.
Люблю тебя и золотой
Июльской порой.

Люблю тебя, когда идет
Осенний нудный дождь
И наступает холод тот,
Который нехорош.

Люблю тебя, когда зима,
Которой не люблю:
Деревья мерзнут и дома,
И ветер, что сошел с ума,
Мне воеет: «У-лю-лю!»

Но видит вешняя трава
Весеннюю зарю —
И ласковые все слова
Тебе я говорю!

1961

* * *

Я очень одинок,
А ты ушла:
Шагнула за порог,
Забыв дела.
Не сосчитать дорог,
Им нет числа.
Спроси у своих ног,
Зачем ушла?

1962

* * *

Писать про дружбу и вражду
Мне надоело.
Вдвоем с тобою ду-ду-ду —
Другое дело.

Уехать было б в самый раз
Хоть в понедельник,
Но, к сожалению, у нас
Сейчас нет денег.

Ждать гонорара мне не год:
Он будет вскоре,
Но нудный дождь тогда пойдет
На Черном море.

И на вокзал я не пойду
И не поеду;
А лучше было б — ду-ду-ду —
Туда, где лето!

1962

* * *

И. М. Л.

Поехать надо нам на лоно
Природы,
Чтоб посмотрела ты влюбленно
На воды,
На берега, где дремлют травы,
Деревья,
Они достойны чести, славы,
Доверья!

1962

* * *

На ветках крохотных берез
Сверкал пушистый иней.
Сорокаградусный мороз
Стоял над речкой синей.
И цвета синего стекла
Вода, зимы не зная,
Неутомимая текла,
Текла не замерзая.

Казалось, что сошла с ума
Вся водная природа.
Стояла финская зима
Сорокового года.
Бил пулемет. Вода — не лед,
Река была преградой.
Но вот один отважный вброд
На пулемет — с гранатой!

А снег белел, и ветер выл
Над ледяной горою
И ничего не говорил
О подвиге героя.
Неугомонная вода
Текла, не умолкая,
Не понимая, что звезда
Восходит золотая!..

1961

О ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЛИЯНИЯХ

*И. Френкелю — автору песни
«Давай закурим!»*

Илюша Френкель, фронтовой поэт,
Однажды мне сказал: — Давай закурим! —
И я курил все двадцать девять лет!
А мы тут о влияниях толкуем,
Напрасно называем имена!..

Есенин, Маяковский, Северянин
И Блок не оказали на меня
Столь долгого и вредного влиянья!

1963

ЮБИЛЕЙНОЕ

Ярославу Смелякову

Вы помните, мы пили водку
За наши славные дела,
За мысль, за рифму, за находку —
Все это молодость была!..

Теперь мы ощущаем прелесть
В доступных звездах коньяков.
И это зрелость. Это зрелость!
За зрелость выпьем, Смеляков!

О полстолетье говорят,
Что этот юбилей не редок.
Но Вам не просто пятьдесят:
Вам нынче десять пятилеток!

Все эти пятилетки вновь
Сегодня я припоминаю
И чту

ту
строгую любовь,
Хотя моя любовь иная...

16 января 1963 г.

* * *

Был Лермонтов поэт великий,
Но кто его при жизни знал?..
И под торжественные крики
Он не входил в Колонный зал.

Ему не снилось то величье
В сиянье славы и побед,
Которым обладает ныне
Один большой лермонтовед!

1965

* * *

Что такое моя биография?
Километры и годы — простор ее.
Это будет тогда география,
География и история.

По признанию и по сути я
Летописец и путешественник.
Вспоминаются реки Якутии
И события века, естественно.

У меня, как в судьбе поколения,
Пораженья и сдвиги победные.
И открытия, и откровения,
И богатства Отчизны несметные.

Ну а ежели насчет денег как?
Их нехватка — явление знакомое.
Это будет тогда арифметика,
Не скажу, что политэкономия!..

Все стремления и размышления
Устремляю в правдивые строфы я.
Хороши ли мои устремления?..
Это будет тогда философия.

1965

НЮРГУСУН

Б. В. Чернову

Весна в Оймяконе.
Прекрасен и юн
На солнечном склоне
Цветок нюргусун.

С сугробами рядом
Растет... Ну и что ж!
Ему очень рады,
А чем он хорош?

Ведь этот весенний
Цветок невелик, —
У многих растений
Заманчивей лик.

Причудливей ирис,
Роскошней сирень...
Но вовремя вырос
Подснежник в свой день.

И выше сравнений
Цветок-первоцвет:
В весенней вселенной
Прекраснее нет!

1966

НОВГОРОДСКАЯ ГРАМОТА

«Аз тебе хоцю!» — писал писалом
На берёсте грамотный мужик.
Был, наверно, откровенным малым
И в любви желанного достиг.

Так непринужденно, откровенно
И нелицемерно хорошо
На берёсте до него, наверно,
Милой не писал еще никто!

Это удивительно похвально,
Что сумел он грамоту постичь
И сказать так просто, гениально,
Чтоб в любви желанного достичь:

— Аз тебе хоцю!.. —

Здесь взлет отваги,
Честное влечение души...

Мой коллега-лирик, на бумаге
Попытайся лучше напиши!

1966

* * *

Что творили, не ведали сами,
Но любой был на подвиг готев.
Древний храм сокрушали домами
Комсомольцы тридцатых годов.
Разрушая свирепо и строго
Красоту неизученных лет,
Горделиво порочили бога
(Того бога, которого нет).
А свои трудовые мозоли
И струящийся каплями пот
Почитали наивно как зори
Небывалых доселе высот.

Не желая таранить упрямо
Неповинных старинных церквей,
Реставрируют древние храмы
Комсомольцы сегодняшних дней.
Воздвигают упавшие стены,
Золотят купола и кресты,
Чтоб сияло свежо и отменно
Все величье былой красоты.
Это не отступление народа:
Стали много культурней, умней
Комсомольцев тридцатого года
Комсомольцы сегодняшних дней.

1966

* * *

Рассчитывая на успех,
Желая отразить эпоху,
Поэт сложил стихи для всех,
Жена прочла, сказала: — Плохо!

Тогда одной своей жене
Поэт сложил стихи другие.
И оказалось: всей стране
Потребны именно такие!

1966

СУД ВРЕМЕНИ

Хватит спорить вам на тему:
Кто поэт, кто не поэт?
На вопрос ответит время,
Подождите сотню лет!

Время скажет очень точно:
Гений кто и кто талант,
Кто правдив и кто беспочвен,
Кто позер и спекулянт.

Ну, а если не хотите
Целый век ответа ждать,
В глубину времен взгляните
Лет всего на двадцать пять.

И сейчас вам станет ясно,
Кто действительно был смел,
Кто не признан был напрасно,
Кто при жизни устарел.

1966

БУДЕТЛЯНЕ

Памяти А. Е. Крученых

На сегодняшнем экране
Торжествует не старье:
Футуристы-будетляне
Дело сделали свое.

Раздавался голос зычный
Их продукции или книг,
Чтобы речью стал привычной
Революции язык.

Стал прошедшим их футурум,
Ибо времечко течет,
Но умельцам-балагурам
Честь, и слава, и почет!..

Первым был отважный витязь,
Распахнувший двери в мир;
Математик и провидец
Гениальный Велимир.

И оставил Маяковский
Свой неповторимый след.
Это был великий, броский
И трагический поэт.

И, взыскательный художник,
Третий их наставник, друг,
Соучастник дней тревожных,—
Третьим был Давид Бурлюк.

А четвертым был Крученых
Елисеич Алексей —
Архитектор слов точеных
И шагающий музей!..

И на том, незнамом свете
Нынче встретились они,
Как двадцатого столетья
Неугасшие огни.

Вместе с ними там Асеев,
Их товарищ Пастернак...
Будетлянская Расея
О своих скорбит сынах.

1968

ГИБЕЛЬ ЧЕРСКОГО

Величаво влечет Колыма
В край, который незнам и неведом,
Но к ней в гости заходит зима
Даже летом!..
Снег, который в июне пойдет,
Отличается злобою зверской...
Для чего свой безумный поход
Продолжает чахоточный Черский?

Разве мало тяжелых невзгод
На себе испытал и проверил?
Для чего ему только вперед
И зачем ему только на север?
Возвратиться теперь в самый раз —
Так советуют добрые люди.
Если он повернет свой баркас,
Мир ученый его не осудит.

Гибель Черского ждет впереди,
Доконают героя недуги...
Все равно он намерен идти
Лишь на север во имя науки!..
На могилу ложатся снега
В диком царстве мороза и снега,
Но века будет жить и века
Человек, не проживший полвека!

1968

ГИМН КЛОУНУ

Я поэт или клоун?
Я серьезен иль нет?
Посмотреть если в корень,
Клоун тоже поэт.

Он силен и спокоен,
И серьезномышлен —
Потому он и клоун,
Потому и смешон.

Трудно в мире подлунном
Брать быка за рога.
Надо быть очень умным,
Чтоб сыграть дурака.

И, освоив страницы
Со счастливым концом,
Так легко притвориться
Дураку мудрецом!

1968

* * *

Поэт пути не выбирает,—
Диктуют путь ему года.
Стихи живут, и умирают,
И оживают иногда.

Забиться может знаменитый
Из уважаемых коллег,
И может стать поэт забытый
Незабываемым вовек.

Случиться может так и эдак
И неизвестно потому:
Кому смеяться напоследок
И не до шуточек кому.

1969

КУРОРТНЫЙ ГОРОД

Курортный город — старая актриса,
Играющая юную красавицу.
Ее талант в дни летние открылся,
Игрой природы зритель восхищается.

Он рукоплещет солнцу,
Морю с пляжем,
Ему милы магнолии и розы.
Он уезжает с сожаленьем, скажем,
Лишь потому, что не дождался осени.

Но местный житель — не приезжий зритель,
Его застанет здесь пора осенняя,
Когда исчезнет ясный блеск в зените
И отцветут роскошные растения.

Все выглядит в курорте по-другому,
Не слышно оживленного веселия.
Роль юной сыграна. Актриса дома,
Морщинистая, старая и серая!

60-е годы

СВАДЕБНЫЙ ТОСТ

Первые люди, которые жили в пещерах,
Часто женились и свадьбы справляли охотно.
Можно об этом прочесть в популярных брошюрах,
Благо издательства их выдают ежегодно.

Ратные люди Ассирии и Вавилона
Тоже женились, ища после битв утешенья.
Чувственны были зело обнаженные жены
В памятный день вавилонского столпотворенья.

В Древнем Египте жрецы одобряли все это,
Благословляла женитьбы богиня Изида.
Лики мужей сохранились в фаюмских портретах,
Мумии жен и мужей возлежали века в пирамидах.

Древние греки на свадьбах резвились как дети,
Мудро сказал Гесиод относительно брачного ложа:
— Лучше хорошей жены ничего не бывает на свете,
Но ничего не бывает ужасней жены нехорошей.

Гордые римляне тоже любили жениться,
Кубки на свадьбах сияли у них золотые.
Брачные шествия, факелы и колесницы
Средневековая переняла Византия.

Наша Москва — современного мира столица,
Надо, чтоб вечная жизнь лучезарно сверкала.
Русские люди прекрасно умеют жениться, —
За новобрачных, друзья, благородно поднимем
бокалы!

60-е годы

ПОЧЕМУ Я ОТКАЗАЛСЯ ОТ САМОЛЕТА

Не из скаредности-корысти
Отказался я от скорости:
В поезде, на пароходе
Денег столько же уходит,
Сколько и на самолете.

Но поехал я на поезде
И поплыл на пароходе.
Отказался я от скорости
Из любви к родной природе.

Видел красоту Сибири,
Видел Лены берега.
А на «ТУ» или на «Иле»
Что б увидел? Облака!

Не заметил бы богатства
Той земли, что так прекрасна.
Нам, поэтам, верхоглядство
Очень противопоказано!

60-е годы

ПОСЛЕДНИЙ ЗИМНИЙ

Последние ступеньки лестниц
Для грузчика трудней, чем старт,
И самый тяжкий зимний месяц —
Не сумрачный декабрь, а март.

Мне возразят: — Март — месяц вешний,
В нем пробуждение луча!.. —
Я соглашусь: — Оно конечно,
Но только не для москвича.

Не отшумели все метели
Спят под сугробами ручьи,
И до Москвы не долетели
Еще картавые грачи.

Не так прозрачна, как морозна
Небесная голубизна,
И если говорить серьезно,
То не пришла еще весна!..

Влача последний зимний месяц,
Я непростительно устал.
Последние ступеньки лестниц
Для грузчика трудней, чем старт.

60-е годы

* * *

В искусстве скучновато без течений,
Однообразно серое болото,
Люблю размах и столкновенье мнений,
Однако в центре быть должна работа.
Дойдет до дела, труд хорош и тихий,
Его не заменить пустой шумихой.

Авангардистов нынче многовато,
Лавина их выходит на дорогу.
Есть среди них толковые ребята,
Которых, к сожалению, немного.
Случайно этих сил объединенье,
Естественного нет у них отбора —
Есть к славе поголовное стремленье,
Восторженных профанов умиленье,
Уменье, неуменье и умора.

* * *

Сумасшедшие гении
Сочиняли стихи или прозу,
Выдавали новейшие мнения
По любому вопросу.
Но новейшие мнения —
Не сильнейшие мнения,
Сумасшедшие гении
Не имели значения...

Я и сам из таких:
Без особого смысла.
Ничего не достиг,
Ничего не добился.
Подружился с сомнением,
Несомненно, печальным,
Чтобы сделаться гением
Совершенно нормальным!

1970

ФУТУРИСТЫ

Поэты-футуристы,
Артисты-скандалисты,
Мечтавшие о будущем хорошем,
Стиха эквилибристы,
В грядущее туристы —
Все в прошлом, все в прошлом.

Не алость-небывалость,
А старость и усталость
Их захлестнула пошло.
А что у них осталось?
Все, что у них осталось,—
Все в прошлом, все в прошлом.

И только строк железки —
Отвертки и стамески,
И гвозди, что забиты,
Не забыты.
И только строк железки
Внушительны и вески,
Как те метеориты,
Как все метеориты!

1970

ФЛОРИСТЫ

Зачем художники-флористы
Отвергли тюбики и кисти,
А взяли на вооруженье
Цветы, и стебельки, и листья?
Анютины, к примеру, глазки,
Листы берез, что пожелтели,
Слабей, чем масляные краски,
И уступают акварели.

Однако дело тут не в цвете
И не в оттенках золотистых,
А в том, что пятьдесят столетий
Не ведали таких флористов!
А в том, что только в наши годы,
С машинами и гаражами,
Оторванные от природы,
По ней скучают горожане.

Леса, поля и огороды
Нас вдохновляют по соседству,
И хороши самой природы
Изобразительные средства!..
Не моды выкриком форсистым
Явилась эта веха века —
И я художникам-флористам
Желаю счастья и успеха!

1970

ДОЛГОЖИТЕЛИ

Тете Наде Глазковой

Люди те, что долго жили,—
Это воины во времени,
Вражью силу сокрушили
И в сражениях проверены.
На переднем самом крае
В Дагестане иль в Осетии
Борются, не умирая,
Защищая долголетие.

Женщины или мужчины
Превзошли себя по возрасту.
Волноваться нет причины,
Если живо это воинство.
Заболел — тебе бесстрашье
Неизменно будет свойственно,
Если жив еще из старших
Хоть один твой близкий родственник.

На опасном самом берегу
Мы о смерти не подумали,
Если старшие коллеги
До сих пор еще не умерли.
Не побиты злою мглою,
Защищают долголетие
Долгожители — герои
Жизни-битвы, не трагедии!

70-е годы

* * *

В ручейке не купаюсь — ба́луюсь:
По колено его купель.
Говорят, что в нем водится хариус
И форель.

Мне не верить — нет основания,
Но в прозрачной его воде
Рыбок этого милого звания
Я не замечаю нигде.

Вероятно, все рыбки выловлены,
И грустят по ним берега.
А возможно, еще не выявлены:
Мимикрия их сберегла!

Серебрится струя между камушками
Сколько весен — потерян счет,
И становятся девушки бабушками,
А ручей все течет и течет.

И водица его поколенная
Чрезвычайно светла и мила,
И сливается с вечным мгновенное
В живописном селенье Ташла.

1970

ГОЛОЛЕДИЦА

Сияет Большая Медведица,
Полярная светит звезда...
В России у нас гололедица —
Я думаю, что ото льда!..

Пути и дороги заснежены,
Я сам не по травке иду
И вижу, как милые женщины
Проходят по скользкому льду.

И каждая сто двадцать пятая
На льду поскользнется впотьмах
И молвит, торжественно падая,
Тревожное «ох» или «ах»!..

Прохожий! Кто ты, я не спрашиваю,
По снегу и льду не беги,
А, женщину видя упавшую,
Ей на ноги встать помоги!

1971

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Осмысливая ратные дела,
Меняя на кольчугу рясу схимника,
За все века Россия не дала
Ни одного великого алхимика.
Была страна богата иль нища,
Но Новгород Великий или Вологда,
Каменьев философских не ища,
Все золотое делали из золота.

Осмысливая ратные дела,
Готовясь сокрушить любого врага,
За все века Россия не дала
Ни одного великого астролога.
Когда враги навязывали бой,
Тогда, терпя невзгоды и лишения,
По звездам не знакомая с судьбой,
Решала Русь свою судьбу в сражении.

Так жил и мыслил наш простой народ...
Когда степная вражья кавалерия
Против него готовила поход,
Он знал, что не поможет легковерие.
А здравый смысл был чрезвычайно прост
И рассуждал, поглаживая бороду:
Не прочитать судьбы по книге звезд,
Но в трудный час — булат надежней золота!

1971

УМОМЕТР

Припоминаю. Был я молод.
И недостаточно смышлен:
Изобрести хотел умометр,
Который был изобретен.

Я думал про несовершенный
Прибор для измеренья дум,
А телефон обыкновенный
Прекрасно измеряет ум!..

Многоречивость не похвальна,
И, очевидно, потому
Обратно пропорциональны
Минуты болтовни
Уму!

1971

ВОДОПАД КИВАЧ

Он то и дело гонит бревна,
Их многотонно перебрав,
Остервенело и любовно
Осуществляет лесосплав.

Он со времен палеолита
Бежит по этим скалам вскачь,
Неистовый и знаменитый
Волшебный водопад Кивач.

Так, низвергаясь ошалело,
Он по душевной простоте
Наполовину служит делу,
Наполовину — красоте.

Так и поэт, который смело
Своей доверился мечте,
Наполовину служит делу,
Наполовину — красоте.

Так и поэт, веселый автор,
Слова чеканя и граня,
Творит свои стихи для завтра
И для сегодняшнего дня.

1971

СВЯЩЕННЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Я не вижу в этом суеверья,
В том, что есть священные деревья,
В том, что окружают их оградами,
В том, что награждают их наградами:
Лоскуточком, разноцветной лентой
Иль разменной медною монетой.

Я не вижу в этом суеверья,—
Хороши священные деревья:
Отличаются завидным ростом,
Атлетическим телосложением,
Красотою или благородством
И лица необщим выраженьем.

Очень хорошо, что их не рубят,
Очень хорошо, что их не губят,
Потому что уважают, любят,
Украшают, всячески голубят.

Я не вижу в этом суеверья,
В том, что есть священные деревья,
Так священны дивная природа
И святая собственность народа!

1972

ЛАНДЫШИ

Ландыши — фарфоровые чашечки —
Хороши в лесу,
Где поют приветливые пташечки,
Пчелы пьют росу.

Веет ароматами от ландышей
В зной перед грозой,
И гордятся ландыши взаправдашной
Красотой лесной.

Ну, а ежели поставить в вазочку
Ландышей букет,
На ночь вам они лесную сказочку
Не расскажут, нет!

А когда вольется пробуждение
В утренний прибой,
Вы почувствуете от растения
Головную боль.

Словно накануне вы какого-то
Выпили ерша...

Любит лес дремучий, а не комнату
Ландыша душа!

1972

ОЛЁКМИНСКАЯ УХА

Олёкма — чистота прозрачных вод,
Где рыбка завсегда плывет, живет.

Олёкма — высота таежных скал,
На водопой сюда изюбр скакал.

Олёкма — плес и резвая струя,
Сто тридцать верст — ни одного жилья.

Олёкма. Вот раздолье рыбакам,
Таким, как Петр, Егор и Африкан.

Им надо сеть тянуть, а я могу
Разжечь костер на сонном берегу.

Собрал я сор, бересту и плавник —
Взыграл костер, велик и огнелик.

Костер, светлей гори и полыхай,—
Кипит в ведре рыбацкая уха.

Знаток ухи, хлебать ее берусь:
В ней с привкусом тайги Олёкмы вкус!

1972

ПЕСНЯ ТРУБАЧА

(Из кинофильма «Романс о влюбленных»)

Пришло извещение о смерти,
о смерти,
о смерти,
Не верьте, сначала проверьте,
проверьте,
проверьте!

Известие это не то, нет,
не то, нет,
не то, нет!
Морская пехота не тонет,
не тонет,
не тонет!

Пропал твой товарищ.
Ты знаешь!
Скорбишь и страдаешь.
А может быть, зря унываешь?
А может быть, жив твой товарищ?

Печальное слово не то, нет,
не то, нет,
не то, нет!
Морская пехота не тонет,
не тонет,
не тонет!

Погиб твой любимый,
любимый,
любимый,

Для счастья необходимый.
А может быть, слух это мнимый?

А может, все это не то, нет:
Любимого не хоронят!..
Морская пехота не тонет,
 не тонет,
 не тонет!

1973

ПЕСНЯ РАЗЛУКИ

(Из кинофильма «Романс о влюбленных»)

Печальной будет эта песня
О том, как птицы прилетали,
А в них охотники стреляли
И убивали птиц небесных.

А птицы падали на землю
И умирали в час печали,
А в них охотники стреляли
Для развлечения и веселья.

А птицы знали-понимали,
Что означает каждый выстрел,
Но неизменно прилетали
К родной тайге у речки быстрой.

И не могли не возвратиться
К родимой северной округе,
И песню горестной разлуки
Весной веселой пели птицы.

А в них охотники стреляли
И попадали в птиц, не целясь.
И песню скорби и печали
Весной веселой птицы пели.

1973

ДОБРОТА

За добротой побрел в леса,
Туда, где благодущны воды,
Радушны лиственные своды,
Разумны птичьи голоса.

Хранила доброта свой след
На всех деревьях, листьях, травах,
На ручейковых переправах
И на легендах давних лет.

Не для тщеславной чепухи,
Не ради позы или жеста
Она должна войти в стихи
И сообщить им совершенство!

1974

ХОХЛОМА

Ольге Павловне Лушиной

Стоит студеная зима,
Снежинки крутит буйный ветер,
А солнечная Хохлома
Напоминает нам о лете.
Грустят деревья и дома,
Невесел минусовый градус,
Но сохраняет Хохлома
В рюмашках, в ложках, в плошках
Радость!

Ладья. Цветущий хвост — корма,
Нос — петушиная головка.
Плывет по лету Хохлома,
Расписанная очень ловко.

Бочонок солнечен весьма,
На нем цветы и земляника —
Семеновская Хохлома
Вся золотисто-краснолика.

В тарелочках — не полутьма,
Не сумрак в вазах и солонках,—
Напоминает Хохлома
Родную, милую сторонку,
Где рощи словно терема,
Где резвый Керженец струится...

Как солнце в небе, Хохлома
Ясна, чиста и круглолица!

1974

* * *

У нас так любят переименовывать
Скоропостижно и неосторожно...
Но старое название от нового
Здесь отличить, пожалуй, невозможно...

Святые горы — Пушкинские горы!..
Холмы, равнины, и леса густые,
И голубая Сорочь, и озера,
Коль Пушкинские, то вдвойне Святые!

1975

* * *

Пушкин, как никто, умел смеяться,
Обличать, скорбеть и ликовать.
Пушкин права не имел стреляться:
Собственную жизнью рисковать!

У поэта правды и свободы
Каждая волшебная строка
Для него звучала только годы,
А для нас она звучит века!

1975

РОМАН-КОШ

**Есть в Крыму вершина Роман-Кош,
На нее ведут дороги-петли.
Крым объездишь, выше не найдешь,—
Только популярнее Ай-Петри.**

**И поэт у нас не тот хорош,
Кто на самом деле самый лучший:
Малопопулярный Роман-Кош
Вспоминаю я на всякий случай.**

1977

КОМПЬЮТЕР

Когда-нибудь сумеет ЭВМ
Стать актуальным автором поэм,—
Случится это в недалеком будущем.
А люди изменяются в наш век,
Не потому ль среди своих коллег
Встречаю я компьютеров, компьютершей?

Один из них лишен великих дум,
Ему важней аплодисментов шум,
Переходящий иногда в овацию,
А истину охотно он предаст,
Как неудобный, тягостный балласт,
Мешающий словесной спекуляции.

Достаточно пронырлив и хитер,
Стихи читает лучше, чем актер,
И обладает электронной памятью.
В аудиторию любую вхож.
Потребуется — будет он хорош
Литературно-конъюнктурной праведью.

А надо, так прилежной левизной
Взмахнет, как белоснежной белизной,
Над обывательски-мещанской серостью,
Чтоб обыватель, мещанин, пижон
Был восхищен, а также поражен
Его новейшей вольтерьянской смелостью.

Он популярен, как кинозвезда,
И не сойдет с зенитного поста,
Своею популярностью орудуя.
Душа пуста и совесть не чиста,
Но загримировался под Христа,
И не заметят — может стать Иудой.

Такая у него бушует прыть,
Желает он казаться, а не быть,
И справедливым, даже добрым кажется.
Но потекут потоки вешних вод,
И мода на его снега пройдет,
Другая мода лучшею окажется.

А кто его заменит? Вот вопрос!
Не краснощекий древний Дед Мороз,
Не черноглазый волосатый юноша,
Не поэтесса стареньких богем,
А новенькой системы ЭВМ —
Полупроводниковая компьютерша.

Не оборвется вечной моды нить,
И стихотворцев многих заменить
Сумеет электронная красавица.
Кому-то слыть при этом в знатоках,
Быть в дураках, а в будущих веках
Поэзия поэзией останется!

1977

* *

Коснусь серьезного вопроса
И никого не оскорблю:
Я не люблю стихов. А прозу?
А прозу тоже не люблю.

У нас и горцы, и поморцы,
От Балтики до Командор
Зовут поэтом стихотворца,
Артистом числится актер.

Осмысленного нет порядку,
Порядочного смысла тут:
Так бабушку-официантку
Пропойцы девушкой зовут.

Поэт, достойный славы, чести,
Бывает часто не в чести,
А он, действительно, гроссмейстер,—
Способен истину спасти.

И в дни, когда трещат морозы,
И в дни, когда звенит листва,
Я не люблю стихов и прозы,
В которых нету мастерства!

1977

* * *

Все беды причиняют вред,
Конечно, лучше жить без бед,
Но не всегда, а иногда
Бывает польза от вреда.

Все беды отрицать нельзя:
В них познаются все друзья!
А в дни сплошных удач и благ
Не знаешь сам, кто друг, кто враг!

1978

* * *

Колосья подкосило колесо,
И стало колоскам нехорошо.
Но ночью отдохнули колоски
И утром, встав, не ведали тоски.

Как эти злаки, в добрый час утра
Надеюсь так же бодро встать с одра
И побежать куда-нибудь туда,
Где солнышко, деревья и вода!

1978

* * *

— Кем больше быть хочу,— спросили
Меня товарищи-коллеги,—
Талантливым поэтом или
Хорошим человеком?

— Хорошим человеком больше
Желаю быть,— я им ответил.
Я три десятилетия после
Старался быть и тем, и этим.

До объективности дорос,
Итоги подвести осталось:
Поэтом стать мне удалось,
Быть человеком — удавалось!

1978

* * *

Жить и жить прелестней и полезней,
Чем лекарства смерти принимать,
После продолжительной болезни
Жить и жить мне хочется опять.

Живописны яблони и вишни,
И, беспомощно ложась в постель,
Жить и жить хочу во имя жизни:
Жизнь — не средство, это самоцель!

Увяданье, замерзанье грустно,
Радостно цветение цветка.
Жизнь — это искусство для искусства,
Смело устремленное в века!

1979

* * *

О счастье не могло быть речи,
Когда, чтоб не страдать в плену,
Народ страны взвалил на плечи
Отечественную войну.

Чтоб кумачовые знамена
Зашелестели веселей,
Погибло двадцать миллионов
Отважных наших сыновей.

Однако позабыв все беды
И грусть четырехлетней тьмы,
День исторической Победы
Как счастье ощущаем мы!

1979

ФИЛЬМ «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ»

Шагали тевтоны
Дорогой врагов —
Вступали стотонно
В поверженный Псков.
Предатель Твердила
Их в город впустил —
Резвились верзилы
У свежих могил.
На поприще веском
Наш князь Александр
По прозвищу Невский
Крушил их фасад.
С умением русским
Тот рыцарский сброд
На озере Чудском
Отправил под лед!
Мне дни боевые
Познать суждено,
Когда я впервые
Снимался в кино.
Когда с дерзновенным
Сражался врагом
В году довоенном,
В том тридцать восьмом.
Вращался пропеллер,
Вздымая метель,
И вихри пропели:
«Мы те ли, мы те ль?
Из пыла и мела
Мы веем слегка,
А вьюга имела
Снега да снега!..»
Мне меч мой из древа
Надежно служил —

Направо, налево
Ландскнехтов крушил.
Разил их, взгляните,
Как будто зимой,
А солнце в зените
Струило свой зной.
Проворно и ловко
Фанерой гремя,
Массовка массовку
Теснила, грома.
Простой и высокий —
Не нужен мне грим, —
Я в русской массовке
Служил рядовым.
Привязан к телеге
Твердила-злодей.
Кричали коллеги:
— Предателя бей! —
Удары не слабли,
Долбали всерьез —
И капали капли
Действительных слез.
Ни в чем не повинный
Страдал наш актер.
— Полсотни накину! —
Сказал режиссер.
Тот вспомнил, рыдая,
Жену и детей
И снова удары
Сносил, как злодей!
Себя на экране
Найти я не смог,
Когда поле брани
Смотрел как знаток.
Себя было сложно
Узнать со спины...
Все сделал, что можно:
Спасал честь страны.

* * *

Желаю стать таким опять,
Каким я был лет в двадцать пять,
Когда сложил немного строк,
Но бегать мог и прыгать мог.

Мечтаю, впрочем, я о чем?
Я не был лучшим силачом:
С простуд чихал, от стужи дрог,
Но драться мог, бороться мог.

Себя счастливым не считал.
Чего желал? О чем мечтал?
Мечтал, что буду я велик,
Желал издать десятки книг.

О чем мечтал, того достиг,
И с опозданием постиг,
Что я неправильно мечтал
И потому устал и стар.

Творю печатную строку,
Но бегать, прыгать не могу
И стать желаю, как балда,
Таким, каким я был тогда!

1979

ТУТАНХАМОНА ВИДЕЛ Я В ГРОБУ

Е. В. Стаднику

Как редкостная птица марабу
И как жуки степные — скарабеи,
Он был людей сегодняшних глупее —
Тутанхамона видел я в гробу!

Позабывая важную борьбу,
Он утолял тщеславие пустое:
Хлестал придворных плетью золотою —
Тутанхамона видел я в гробу!

С печатью величавости на лбу
Он золота имел посмертно много,
Но выглядел напыщенно, убого —
Тутанхамона видел я в гробу!

Мои друзья, знакомые, коллеги,
Живущие в двадцатом бурном веке,
Зря не пеняйте на свою судьбу —
Тутанхамона видел я в гробу!

Наш век свою имеет похвальбу,
Свои золотиносные распадки,
И благородней наших дней порядки —
Тутанхамона видел я в гробу!

ЕМЕЛЯ

(Из детских воспоминаний)

Снега растаяли в апреле,
На север отступили валенки,—
Бедняк воинственный Емеля
Торчал на солнечной завалинке.
Шел мужичок — у мужичка
Емеля клянчил табачка,
Сворачивал себе сигарку,
Емеле времени не жалко.

Вещал: — От праведных трудов
Не будет каменных домов.—
Емеле возражали бабы:
— А ты б у собственной избы
Давно прогнившие столбы
Сменил на новые хотя бы!

— Сменить столбы давно бы мог,
Кабы всурьез не занемог,—
Ответствовал Емеля.—
Ксплотатор на моем хребте
Поездил вволю в годы те,
Хожу я еле-еле!

— Емелюшка, подумай прежде,
Чем говорить одно и то ж.
Кто на тебе захочет ездить?
Ты никуда не довезешь!

— Не довезу. А был когда-то
Резвее резвого коня!
С того ослаб, что тот ксплотатор
Все соки выжал из меня!

— Нет! — возразила тетя Поля.—
С тобою я училась в школе,
Эксплуататор ни при чем.
Всегда ты отличался ленью,
Не знал таблицу умноженья,
Единой книжки не прочел!

— Да, к чтению не имел влеченья,
Тогда мне было не до чтения,
Учился я на медный грош,
Не знал совсем обеспеченья,
Жил без пирожных, без печенья,
Бывало, хлеб один жуешь!

— И мы, Емеля-пустомеля,
Не больше твоего имели,
Кутить не ездили в Москву!
— Тогда подайте мне краюшку,
Да молочка налейте кружку,
Да кружку хлебного кваску!

Вот так и жил Емеля праздно,
Кто знает, может быть, напрасно,
Хлеб клянчил, квас и самосад.
Зимой, в году двадцать девятом,
В своем домишке небогатом
Емеля помер, говорят.

АМУЛЕТ

Пил сынок. Жена сказала мужу:
— С алкашами дружен наш Митюша,
Но душою милый мальчик чист.
Знаю я, что против пьянства греки
До н. э., еще в четвертом веке,
Амулет носили — аметист.

Согласился муж: — Конечно, надо
Продолжать традиции Эллады,
Уважать Афины и Милет.
Камень фиолетовый прелестен,
Купим парню с аметистом перстень...
Только он пропьет твой амулет!

70-е годы

* * *

*Светлой памяти А. В. Парфенова,
автора повести «Шаги батальона»*

Шаги батальона от боя до боя
Гремят как чеканная медь,
И неугомонно любую судьбою
Вершит окаянная смерть.
Нелепая смерть... Но не так уж нелепо
Погибнуть в тяжелом бою
За чистое поле, за ясное небо,
За крайнюю хату свою!

Совсем не нелепо рвануться в атаку.
Когда подступают враги,
Когда по пригорку, когда по оврагу
Гремят батальона шаги.

Уходят в былое
Шаги батальонов.
Прощаюсь с тобою,
Сашуня Парфенов!
Не в курской траншее —
В районной больнице
Погибнуть страшнее,
Чем с недругом биться!

70-е годы

КОЛЬЦА ЗИМ

Стужа кленов и берез коснется —
Плохо им!
Возникают годовые кольца,
Кольца зим.

Мы зимой о тройках, колокольцах
Говорим,
Но и у людей бывают кольца:
Кольца зим.

Пусть анатом изучает череп,
Челюсть, лоб —
И увидит эти кольца через
Микроскоп.

Пусть и химик изучает кости
И по ним
Установит отложений кольца,
Кольца зим.

70-е годы

ЮВЕЛИРУ

Исканья — не рукоплесканья
Сегодня ждут тебя.
Учиться должен ты у камня,
У красок сентября.
У леса, сада, огорода,
У перьев петуха,
У безошибочной природы,
У точного стиха!

Нас редко посещает счастье —
Большое торжество.
Но драгоценный камень часто —
Живое существо.
Сердцебиенье и дыханье
Кристалл в себе сберег.
Как и у дерева, у камня
Есть вдоль и поперек!

Сто сорок навыков имея,
Их временно забудь:
Двухцветный оникс для камней
Укажет верный путь.
Стать мастером разумным скоро —
Твоя святая цель!
Не ведал доброго мотора
Бедняга Пирготель! ¹

Любого камушка сиянье
Использовать изволь:
Актер способный в состоянье
Сыграть любую роль!
И песню сочинит, и басню

¹ Придворный ювелир Александра Македонского.

Действительный поэт —
И не накладывай напрасно
Сам на себя запрет!

Природа камешков бездонна,
Ярчайший этот мир —
И нет плохого халцедона,
Есть тусклый ювелир!

Законы всех искусств едины,
Специфика строга:
Чти камень в роли господина,
Металл — его слуга!

70-е годы

ЧЕХОВСКИЙ ДОМИК

На берегу Садового кольца
Стоит уютный двухэтажный домик,
К нему подходим, и уже с крыльца
Он нас с Антоном Павлычем знакомит.

Здесь доктор Чехов принимал больных,
Писатель Чехов сочинял страницы —
И гражданин великий их двоих
Соединил, чтоб правде утвердиться.

Достиг он зрелых творческих вершин
И помнил молодости идеалы...
Когда собрался я на Сахалин,
То в домик Чехова зашел сначала.

70-е годы

ТУРЕЦКАЯ САБЛЯ

Сильные направили мечи
Против слабых, обнаживших сабли,—
Дрогнули в сраженьи силачи:
Быстро утомились и ослабли.
Саблю изобрел простой кузнец —
Человек, расчетливо практичный,
Понимал он: рыцарям конец,
Станет конница демократичной!

Покорялись туркам-слабакам
Силачи, увенчанные лаврами:
Юнаки отважные Балкан,
Грозные арабы вместе с маврами.
Европейцы — тож не дураки,
Очевидцы рыцарской трагедии
Переняли легкие клинки,
Но ушло на это два столетия!

А Стамбулом правящий султан,
Говорят учебники истории,
Захватить успел десятки стран
Солнечного Средиземноморья.
Русь могучей сделалась потом,
Славилась суворовцами храбрыми,
Учинила Турции разгром,
Но разила турок их же саблями!

70-е годы

ИВАН ГОЛИКОВ

Иконописец Голиков,
Освоив ремесло,
Российских алкоголиков
Пополнить мог число.

Мог позабыться смолоду
Законно и зазря,
Но всколыхнули золото
Знамена Октября!

Красу изделий павловских,
Ростовскую финифть
И суть исканий палехских
Сумели обновить!

Он осознал, что родственны
Шкатулки палешан
И флорентийской росписи,
И краскам парижан.

И вольные соцветия —
В них голиковский вихрь —
Пополнили созвездие
Шедевров мировых!

70-е годы

* * *

Геологи брели пустынной тундрой,
В термометрах позамерзала ртуть.
Читатель мне подскажет рифму «трудный»,
Я соглашусь: у них нелегкий путь.

Геологи найти пытались чудо:
Когда оно проступит в холода,
То отступает нудная простуда...
И хлынула термальная вода!

Геологи прекрасно искупались
И отдохнули от земных тревог:
Вокруг свирепо бушевала ярость,
А им достался райский уголок.

Геологи резвились, словно в бане,
На берегу причудливой реки,
Ну а потом решили, как крестьяне:
На этом месте будут парники!

70-е годы

* * *

Не очень трудно обмануть
Жену,

друзей,

весь свет.

Обманный путь,

что санный путь,

Оставит легкий след.

Его, наверно, заметет

Пороша

или

быт —

И не заметит,

не найдет

Прохожий следопыт.

Обманщик свой продолжит путь,

Нисколько не скорбя.

Совсем не трудно обмануть

И самого себя.

Прольется над обманом дождь

Иль вешняя вода —

И сам навеки не найдешь

Забывтого следа.

И сам начнешь

искать тот след,

Но в том-то и беда,

Поймешь: чего-то в жизни нет,

Исчезло навсегда!

70-е годы

* * *

Жил критик. Он смеялся, плакал
И был от правды недалек,
Как начинающий оракул
И успевающий пророк.
Входил он в книжную обитель,
Как Одиссей иль Гильгамеш.
Не как вторитель, как творитель
Ценил творительный падеж.
Не принимая словоблудья
И всем осточертевших схем,
Он, как взыскательные судьи,
Мог любоваться кем и чем.
А нынче странно опустился
И вкус утратил и размах —
И никакого нету смысла
В его затасканных словах!

70-е годы

* * *

У меня такое мненье,
И, наверно, се ля ви:
Лирика есть объясненье
В поэтической любви.

Но несовершенство мира
Губит чувства и рубли.
Есть поэтому сатира:
Объясненье в нелюбви.

70-е годы

ИРОНИЧЕСКАЯ ЛИРИКА

Если гениальным и великим
Буду признан я официально,
Обо мне тогда напишут книги,
Станет мне отраднo и печальнo.

Почему отраднo? Вероятнo,
Ясно всем, и объяснять не стоит.
Почему печальнo? Непонятнo.
Объясненье самое простoe:

Хорошо издать стихотворенья,
Повести, рассказы, репортажи...
Но ведь издадут и заявленья,
Письма, дневники, записки даже!

Все, что я скажу, объявят важнoм,
Для печати самым неотложнoм —
И в огромнoм хаосе тиражнoм
Совместят великое с ничтожнoм!

70-е годы

* * *

Не надо глупости бояться,
Она безвредная пока.
Есть мудрость в глупости паяца,
Веселость — в шутке дурака.

Такая глупость не обманет
Того, кто разумом богат,
И гениальный Пиросмани
Был величаво-глуповат.

Но мудрость ложная схоласта
Навязчива, как пыль степей,—
Она противнее гораздо,
И вредоносней, и глупей!

Не истина — победа в споре
Фальшивой мудрости нужна.
А глупость служит ей опорой —
И только потому вредна!

70-е годы

* * *

Да здравствуют мои читатели,
Они умны и справедливы:
На словоблудье не растратили
Души прекрасные порывы.

Им не нужны пустые хлопоты,
Не станут грызть медуз в «Пекине».
Как воробьев большого опыта,
Не проведешь их на мякине!

Принципиально не воинствуют,
Не слышно их в житейском хоре,
Но незатасканная истина
Для них важней победы в споре!

Они уже не телезрители:
Приятней им библиотека.
Они мыслители и жители
Не только нынешнего века!

70-е годы

* * *

Стихи — не ноги футболиста,
Не первоклассника тетрадь —
Стихов читать не надо быстро:
Их надо медленно читать.

Стихи не всякий разумеет,
Их проглотить не торопись.
Бывает, что стихи имеют
Еще второй и третий смысл!

70-е годы

* * *

Н. Старшинову

Быть снисходительным решил я
Ко всяким благам.
Сужу о друге по вершинам,
Не по оврагам.

Когда меня ты забываешь,
В том горя нету,
А у меня когда бываешь,
Я помню это.

1979

Это последнее стихотворение, написанное поэтом за три дня до кончины.

Позмы

Стихазия

Поэтград

I

У молодости на заре
Стихом владели мы искусно,
Поскольку были мы за ре-
волюционное искусство.

Я лез на дерево судьбы
По веткам мыслей и поступков.
Против меня были рабы
Буржуазных предрассудков.

От их учебы и возни
Уйти, найти свое ученье...
Вот так небывализм возник,
Литературное течение.

А счастья нет, есть только мысль,
Которая всему итог.
И если ты поэт, стремись
К зарифмованью сильных строк.

И вероятно, что тогда
Я сильных строк сложил немало;
Но педагогская среда
Моих стихов не понимала.

Оставить должен был ученье,
Хотя и так его оставил.
Я исключен как исключенье
Во имя их дурацких правил!

Итак, плохи мои дела,
Была учебы карта бита.
Но Рита у меня была,
Рита, Рита, Рита...

Студенты хуже школьников
Готовились к зачетам,
А мы всю ночь в Сокольниках...
Зачеты нам за чертом!

Зимой метель как мельница,
А летом тишь да гладь.
Конечно, разумеется,
Впрочем, надо полагать...

Все было просто и легко,
Когда плескалась водки масса.
От нас то время далеко,
Как от Земли до Марса.

В то время не был домовой
Прописан в книге домовой,
Сидел в трубе он дымовой
И слушал ветра вой...

Я сочинил стихи о том,
Что день готовит мне вчерашний.
Потом уединился в дом,
Каменный и трехэтажный.

Его ломать не надо при
Реконструкции столицы.
Хоть этажей в нем только три,—
Но шесть, когда в глазах двоится.

Безынститутье как пробел,
И должен отыгаться я...
Тогда Асеев, как Флобер,
Мне дал рекомендацию.

Литературный институт!
Его не посещаю разве я?..
А годы бурные идут,
Огромные, как Азия.

Сразится Азия со всеми
Под предводительством Москвы,
И в день весенний и осенний
Войска пойдут через мосты.

Я почему-то в это верю:
Настанут лучшие года.
Шумят зеленые деревья,
Течет студеная вода.

Вода срывается с вершин
И устремляется в кувшин.
В Поэтограде так же вот
Работает винопровод!

* * *

Хотя играл огнями город, но
Ночь темна, снег бел и светел.
Она спросила: — Вам не холодно?—
Была зима. Шатался ветер.

Была зима. Я поднял ворот, но
Мог бы спрятаться за доски.
Она сказала:— Вам не холодно?—
А было холодно чертовски.

* * *

В силу установленных привычек
Я играю сыгранную роль:
Прометей — изобретатель спичек,
А отнюдь не спичечный король.

Прометей — не генерал, а гений...
Но к фортунам и иным дарам
По дороге признанной и древней
Мы идем, взбираясь по горам.

Даже если есть стезя иная,
О фортунных и иных дарах
То и дело нам напоминает
Кошелек, набитый как дурак!

У него в руках искусства залежь,
Радость жизни, вечная весна...

А восторжествует новизна лишь,
Неосознанная новизна!

Славен, кто выламывает двери
И сквозь них врывается в миры,
Кто силен, умен и откровенен,
Любит труд, искусство и пиры.

А не тот, кто жизнь ведет монаха,
У кого одна и та же лень...

Тяжела ты, шапка Мономаха,
Без тебя, однако, тяжелей!

Повседневно-будничная праздность
Невозможным сделала успех.
В результате появилась разность
Всех МОГЛИ и УПУСТИЛИ всех.

И тогда, упрямы, как решенье,
Может быть, самих себя рабы,
Испугались мы не пораженья,
А того, что не было борьбы!

* * *

Пусть ошибочно это открытие,
Сообщаю новую весть.
На творителей и вторителей
Мир разделен весь.

И творители проторяют
Неизведанные пути,
А вторители повторяют,
Ибо надо куда-то идти...

* * *

С женщиной какой-нибудь такой,
Очень замечательно хорошей,
Хорошо, обняв ее рукой,
Целу ночь лежать на ложе.

Звездами заерзается высь,
И, постигнув неба откровенье,
Ты воскликнешь: — О, остановись! —
Но не остановится мгновенье!

* * *

Когда я шел и думал: ИЛИ — ИЛИ,
Глухонемые шли со мною рядом,
Глухонемые шли и говорили,
А я не знал, я рад или не рад им.

Один из них читал стихи руками,
А два других руками их ругали;
Но, как глухонемой глухонемых,
Я не способен был услышать их.

Вот так вокруг бушует жизнь иная,
А может быть, не жизнь, а болтовня,
И я, поэт Глазков, не принимаю
Людей, не принимающих меня.

Пусть пламя опирается на уголь
И старый отменяется режим,
Они всегда бряцают лженаукой,
Ну а искусство ненавистно им!

* * *

Мудрецы и поэты чудят и чудили.
Чудотворцы они, как на них ни смотри.
И, не ставя во грош дважды два — четыре.
Приближаются к формуле: дважды два — три.

Но таких человек немного в мире,
Большинству их заумных идей не понять.
Большинство, переоценивая дважды два — четыре.
Приближаются к формуле: дважды два — пять!

* * *

Ночь Евья,
Ночь Адамья.
Кочевья
Не отдам я.

Табун
Пасем.
Табу
На всем!

* * *

Люди едут, бегут авто,
И не знаю я, почему
Все, что делаю я, не то:
И не то, и не путь к тому.

Если карты, то будут биты,
Если шахматы — будет мат.
Пусть к победам пути закрыты,
Я нисколько не виноват!

* * *

Путь-дорога
Без итога
Хвалится длиной.
Скоро вечер,
Он не вечен,
Ибо под луной.

Или прямо, или криво,
Или наугад
Все пути ведут не к Риму,
А в Поэтоград!

Эти все события, которые
Летописи хартии хранят,
Во любом учебнике истории
Те найдут, которые хотят.

У поэтов есть своя история,
Началась она у тополей,
Где простой пастух, свирель настроя,
Воспевал идиллию полей.

Он не знал, что за работу плату
Всякий должен получать мастак,
Что противники матриархата
Говорили: «Мать твою растак...»

Что друг друга невзлюбили люди
И вооружились до зубов,
Что огромная эпоха будет
Эрою свободных и рабов.

Но уже прошла эпоха эта,
Тот певец древнее, чем Гомер,
Мыслят современные поэты
Образами радужных химер.

* * *

Я хороший, против правды не попрете,
И фортуна будет за меня,
Ибо очень долго была против,
А должно все в мире заменяться.

Хочу, чтоб людям повезло,
Чтоб гиря горя мало весила,
Чтоб стукнуть лодкой о весло —
И людям стало сразу весело.

Вижу город я, где нет для ближнего
Никаких таких лишений лютых
И совсем ничего лишнего
Ни в вещах, ни в словах, ни в людях.

Там весь мир пополам не расколот
И поэты не знают преград.
Вы не верите в этот город,
Вы не верите в Поэтоград.

Вы наденете платье цвета
Черного бутылочного стекла,
И пойдете на край света,
И себе не найдете угла.

Все Вам будет враждебно и чуждо,
Потому что Вы их умней,
Где нет мысли, не может быть чувства,
Бросьте их и отдайтесь мне.

Эти сволочи Вас заманили
В логово их мелочей.
Вы за меня ИЛИ
За сволочей?

Приходите ко мне. Занавесим окно
(для рифмы) шторой.

И будем пить
За такую дружбу, меж нами которой
Нет и не может быть.

За такую дружбу, где тайны нет,
Чтобы было нам хорошо...
Славлю время, которое настанет,
А не то, какое прошло.

Что прошло, исчезает,
О грядущем моля.
Лучше тема чужая,
Чем тема моя.

Оттого, что вначале
Я ее потерял,
Буду спать с ней ночами
В полусне бытия.

Сплю. Во сне залезаю на крышу.
Как Суворов, иду вперед.
А когда просыпаюсь, то слышу:
Какой-то дурак «Катюшу» поет.

Ударяю дурня кирпичом,
— Он мой противник,— говорю я ей.—
Пронзи меня мосфильмовским мечом
Иль будь моей!

Я Николай Чудотворец,
Император страниц,
Хочу не кому-нибудь вторить,
А истину установить.

* * *

И к высотам любым пойдя,
Чтоб спуститься к любым глубинам,
Я бродил по любым путям,
А любил бродить по любимым.

Любил и синь, и ширь, и глубь морей,
Любил скрещение рапир,
И в жизни не было моей
Всего того, что я любил.

Тогда любовь моя пропала,
Как в синем море корабли.
Прекрасно сказано у Павла
По поводу такой любви.

— Если пророк, и верой своею
Передвинуть горы сумею,
А любви не имею,
То я ничто.

* * *

Прихожу я к монахам,
Говорю как поэт:
Вы, ничтожные, как Монако,
Знайте, что бога нет.

А потом прихожу к атеистам,
Говорю как пророк:
Там, на небе мгlistом,
Есть господь бог.

* * *

Не я живу в великом времени,
А времена в моих строках,
И тем не менее
Я оставался в дураках.

Что мне ждать еще? Успеха ли?
Мне не до смеха ли?
Ехали
Ухари
Морею-сушею.
Эхо ли?
Ухо ли?
Слышало?
Слушаю.

На небо просишься,
Страх в лице. Спрячь его.
Выдумай прозвище
Самого зрячего.

Что ж ты надеешься?
Что ж тебе хочется?
Выдумай день еще.
Ночь придет. Кончится.

* * *

С чудным именем Глазкова
Я родился в пьянваре,
Нету месяца такого
Ни в каком календаре.

* * *

Раскрывает — ну и пусты! —
Пропасть пасть;
Но поэту там, где Русь,
Не пропасть.

Там, где Волга и Москва
В бездне, — в ней,
Где берутся нарасхват
Песни дней.

Где огромный трудный путь
Каменист,
Но придешь когда-нибудь
В коммунизм.

Но придешь, и это факт,
Только здесь,
А заклятый всякий враг
Всюду есть.

Он под грохотом побед
Выбрал тишь,
Только ты его, поэт,
Победишь.

Победишь ты или нет,—
Подождем,
А пока что ты, поэт,
Побежден.

Побежден самый хороший поэт,—
Я поэт этот,
Я свернул с колеи побед,
По которым к победам едут.

Горло сдавили какие-то пальцы
В тот или этот год;
Но пускай народ ошибается,—
Все равно прекрасен народ.

Он взмахнет богатырской палицей,
А тобой, поэт, не воспет;
Но пускай поэт ошибается,—
Все равно прекрасен поэт.

Пусть поэзию довели
До сведенья на нет враги ее,
А велик ли поэт? Да, велик,
У него ошибки великие.

В наши дни ошибаться боятся,
Но писатели не кассиры;
Не мешайте им ошибаться,
Потому что в ошибках сила.

И не слушайте всякую бездарь,
А читайте мои стихи.

Перед вами работы бездна,
Фарисеи и простаки.

Вы, которые не взяли
Кораблей на абордаж,
Но в страницы книг вонзали
Красно-синий карандаш.

Созерцатели и судьи,
Люди славы и культуры,
Бросьте это и рисуйте
На меня карикатуры.

Я, как вы, не мыслю здраво
И не значусь статус-кво...
Перед вами слава, слава,
Но посмотрим, кто кого?

Слава — шкура барабана,
Каждый колоти в нее,
А история покажет,
Кто дегенеративнее!

* * *

Ибо мир, захлебнувшись уставами,
Словно лыжник, слетающий с лыж...
Истину глаголят уста мои,—
Имеющий уши, услышь!

Произойдет такая битва,
Когда решится ИЛИ — ИЛИ...
Потом война была убита
И труп ее валялся в мире.

Поминай войну как звали,
И столетий через семь,
Если б люди воевали,
Их бы не было совсем.

Будет что через столько лет,
Бог весть,
Но сегодня на вкус и на цвет
Товарищи есть.

Мы увидим алмазы небес,
Бриллианты высот,
Но сегодня силен бес,
Людьми, что вениками, трясет.

Не только сегодня, но и вчера
Почти что все было бездарно отстало;
Хоть новую эру страна начала,
Но новая эра еще не настала.

На складах картофель сгнивал и зерно,
Пречерствый сухарь голодающий грыз,
И не было хлеба, картофеля, но
Я все равно любил коммунизм.

На собраньях старательно переливали из
Пустого в пустое. Вопросы ставились
На повестку дня. Комсомольцы старились,
А я все равно любил коммунизм.

В искусстве безвкусыю платили дань,
Повылезло много бездарных подлиз.
Меня не печатали. Печатали дрянь.
Но я все равно любил коммунизм.

За что не печатали? Чему был так рад?
Что заметил вдали?
Коммунизм, по-моему,— Поэтоград,
Где все люди богатыри.

Там откровенность необыкновенная —
Взаимопонимания основа.
На уровне такого Откровения,
Которое осмысливает слово.

Простое слово фактов и имен,
Неподчиненных логике грошей.
В такой стране у времени времен
Ни заключенных нет, ни сторожей.

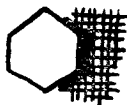
* * *

Дома домов столицами столиц
Превращены в развалины развалин,

Чтоб крики криков раздались
Воззваньями воззваний.

Огни огней знаменами знамен
Стихи стихов зажгли в моей душе,
Чтоб я стоял у времени времен
На самом стоэтажном этаже.

1940—1941

Фантастические годы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Был легковерен и юн я.
Сбило меня с путей
22 июня,
Очень недобрый день.

Жизнь захлебнулась в событиях.
Общих для всей страны,
И никогда не забыть их,
Первых минут войны.

2

Никто не мог сказать заранее,
Что потечет назло векам
История страны Германии
От штурмеров к штурмовикам.

Остервенелые убийцы
Несут пожарища и виселицы;
Но люди будут веселиться —
И в этом высшая бессмыслица!

Вьюга. Смерть. Снега от крови ржавы.
Ночь. Пурга. Не видно звезд-свечей.
Вот она, Советская держава,
Недоступная для сволочей.

Хотя ругаться и не надо,
Но все прощается в бою.
Кидая в танк свою гранату,
Боец сказал:— Растанк твою!

На суше, в воздухе и на море,
Где корабли идут ко дну,
Ведет великая страна моя
Отечественную войну.

Моей России дан недаром
Громить врага священный дар,
И сокрушительным ударом
Она ответит на удар.

Может быть, он того и не хочет,
Может быть, он к тому не готов,
Но мне кажется, что обязательно кончит
Самоубийством Гитлер Адольф.

Гитлер убьет самого себя,
Явятся дни ины,
Станет девятое сентября
Последней датой войны!

3

Господи! Вступи за Советы,
Сохрани страну от высших рас,
Потому что все твои заветы
Нарушает Гитлер чаще нас.

Оглуши фашистов нашей глушью,
А мелькнула чтобы новизна,
Порази врагов таким оружием,
Враг которого еще не знал!

4

РАЗГОВОР БОЙЦА С БОГОРОДИЦЕЙ

— Непорочная дева,
Ты меня награди,
Чтоб за правое дело
Орден был на груди!

— Орденами не в силе
Грудь украсить твою,
Но спасенье России
Я тебе подарю!

Народ моего поколения
 Охвачен великой войной,
 И море ему по колено,
 Болото ему с головой.

Невзгоды над ним повисли,
 И не улыбалась заря,
 А лучшие чувства и мысли
 Сегодня теряются зря.

Огромное счастье далеко,
 И мне не дается оно.
 Моя удалая дорога
 Меня привела в районо.

Живу в деревне, и в глуши,
 И в ссылке, и в изгнании,
 И той деревне не нужны
 Мои стихи и знания,

Которых путь не очень ровен:
 Не приведет меня в рай он.
 Я, как покойник, замурован
 В черным-Чернухинский район.

А ты иди среди пожарищ
 В неотвоеванную даль.
 Мой современник и товарищ,
 Иди и Запад побеждай!

И в воду, и в огóнь иди,
 Чтоб не кончался путь,
 Чтобы в спасенном городе
 Сказать чего-нибудь.

Он был в огне и в холоде,
 Но в результате битв
 В освобожденном городе
 Товарищ говорит:

— Мы будем в Полтаве и в Крыму,
Под Киевом будем мы биться.
Чуден Днепр, когда по нему
Плывут убитые фрицы!

И жить будем, и гулять будем
На земле, что временно немцу отданá,
А смерть придет...
Да не придет она!

7

Тем, кто пройдет леса и горы,
Конечно, будет веселей,
А я неполной средней школы
Стал педагогом во селе.

Самому себе ни к чему отвечать,
Отвечаю, ответить чтобы,
Никого не хочу ничему поучать,
Никакой не хочу учебы.

И в селе ничего не хочу изменять.
Все равно ничего не получится,
Ибо умный научится и без меня,
А дурак ничему не научится.

1941

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Пусть ложная скромность сказать не велит,
Мы все говорить вольны.
Я не был на фронте, но я инвалид
Отечественной войны.

Печальнее мне не придумать итога...
Что толку, что стал я умней?
За эти три года моя дорога
В тупик зашла и на мель.

Но мель не мель, и тупик не тупик,
И есть для меня места,
И голову не разmozжу о бык
Какого-нибудь моста.

И сколько бы ни было всех тех ран,
Дороги мои верны...
Я не был на фронте, но я ветеран
Отечественной войны!

2

Что было, то было, а было эдак:
В столицу Москва езда.
Медленнее, чем мне надо, едут
Товарные поезда.

А впереди по пути леса, и
Леса, и опять... снега.
Я на тамбуре замерзаю,
Пропадает моя нога.

Без сна и без отдыха несколько дней я...
Была бы лучше весна...
А на полустанках еще холоднее
Без отдыха и без сна.

И бесполезно на что-нибудь злиться:
Тому труднее, кто гонит немца;
Однако лишь в том вагоне счастливы,
В котором печка имеется...

В котором начальник дымит дым-дымой,
Ему говорят:— Хлеба, водки не надо ли?
Только пусти нас, отец родимый! —
А отец посылает к той самой матери...

Начальник вообще воплощенная честность:
Кто-то вынимает бумажник потрепанный:
— Не желаешь ли денег, родимый отец наш?—
А отец и бумажник к матери

Однако к теплу неизведанный путь есть.
Я все что угодно готов упростить.
— За пятьдесят анекдотов пустишь?—
И мне отвечают: — Придется пустить!

И поезд сразу прибавил ходу,
И снега для меня что трава.
От анекдота и к анекдоту
Веду я свои слова.

Приехал — в метро устремился с вокзала,
Оттуда в заброшенный дом.
Когда я приехал, Москва мне сказала:
— Ты мог бы приехать потом!..

3

У меня квартира умерла,
Запылились комнаты и кресла...
Появились если бы дрова,
Моментально бы она воскресла.

Можно жить в квартире хорошо,
Но, конечно, не сейчас, а после:
Я стихи пишу карандашом,
А чернила взяли да замерзли.

Можно забыть на вокзале зал
И тысячи прочих комнат;
Но квартиру, в которой замерзал,
На экваторе приятно вспомнить.

На экваторе, под небом иным,
Через много лет, а пока
Я курю, и в небо уходит дым,
Потому что нет потолка!

Когда я потерпел аварию
И испытал все беды,
То филантропы мне давали...
Хорошие... советы.

Но в апреле, когда начал таять снег,
Когда дни наступили весенние,
Отыскался на свете один человек,
Помогавший мне больше, чем все они!

Этот друг ежедневно мне жизнь спасал,
Никакой не прося награды;
Но и этот товарищ, который я сам,
Не сумел мне помочь, как мне надо!

Почему до сих пор сам себе я спецкор,
Но как автор не принят строною?
Может быть, потому, что ненужным стал спор,
Не законченный перед войною.

Война все искусства в архив позапрятала;
Но стихи, они от строки до строки
Существуют помимо воли автора,
А может быть, даже и вопреки!

4

Ощущаю мир во всем величии,
Обобщаю даже пустяки.
Как поэты, полон безразличия
Ко всему тому, что не стихи.

Лез всю жизнь в богатыри да в гении,
Небывалые стихи творя.
Я без бочки Диогена диогеннее:
Сам себя нашел без фонаря.

Знаю: души всех людей в ушибах,
Не хватает хлеба и вина.
Даже я отрекся от ошибок —
Вот какие нынче времена.

Знаю я, что ничего нет должного...
Что стихи? В стихах одни слова.
Мне бы кисть великого художника:
Карточки тогда бы рисовал.

Продовольственные или хлебные,
Р — 4 или литер Б.
Мысли удивительно нелепые
Так и лезут в голову ко мне.

Я на мир взираю из-под столика,
Век двадцатый — век необычайный.
Чем столетье интересней для историка,
Тем для современника печальней!

А вот и чайник закипел,
 Эмалированный, сиреневый,
 И он отвлек меня от дел,
 И он напомнил мне сирены вой.

Все это было, было, было:
 Во тьме ночей необычайных
 Сирена выла, выла, выла...
 И не напоминала чайник!

Знаю я, что скоро корни
 Пустит вглубь олива мира.
 Смотрят люди с колокольни,
 Той, которая квартира.

Хороши пути окольные,
 Да по ним идти три года.
 Смотрят люди с колокольни,
 Той, которая работа.

Впрочем, люди беспокойны:
 Не у всех ума палата.
 Смотрят люди с колокольни,
 Той, которая зарплата.

Я в комнате смотрю на раму
 И потемневшее стекло.
 Вдруг возникает панорама.
 И ослепительно светло.

Пусть холодно и ветер дует,
 Столица Родины Москва
 Салютует
 Доблестным войскам.

Раздаются могучие залпы,
 Воздавая героям хвалу.
 Если фронт устремился на Запад,
 Не беда, что мне трудно в тылу!

В эти дни всех гуманнее
Неустанное слово «вперед!»...
Близок день: протаранит Германию
Гениальный советский народ!

эпилог

1

Современная война
Отгремела в городах
И меня толкнула на
Размышленья о годах.
Тех, которые ушли
Ото всех,
Тех, которые прошли
Без утех.

Тех, которые
Бога бред.
Я писал историю
Этих лет.

2

Счастлив, кто врага разит,
Совсем не страшась контратак.
От ВРАГ БУДЕТ РАЗБИТ
До БЫЛ РАЗБИТ ВРАГ
Легла пятилетка войны.
Ее за четыре года
Выполнили сыны
Трудового народа!
Победа как никогда близка:
Даже время не кажется длинным.
Наши доблестные войска
Встали в очередь за Берлином!

1944

Сорок экверный

1

Помню день недобрый объявления
Немцем не объявленной войны,
И висели всюду объявленья...
Закричали про войну они.

Точно так же радио играло,
Было много всяческих людей...
Танки шли весь день и утром рано.
Я сказал тогда:— Недобрый день.

2

Торчат от радуги концы,
Как пара дуг, как пара хорд,
И вот на пристани Ловцы
Остановился пароход.

Ловцы чего? А счастья нет.
Правы и те и эти;
Подобно теням на стене
Проходит все на свете.

3

Отчасти сходна жизнь моя
С плывущей по воде иголкой.
И горькуировался я:
Эвакуировался в Горький.

Но все случается над Волгой,
И вот, со злости и от зла,
Бомбили немцы город Горький
В ноябрь 4-го числа.

Как будто огненные нитки,
Шли пули красною чертой,
Зазря бабахали зенитки,
Не попадая ни во что.

Летели самолеты в дали,
И немцы, горе-мастаки,
Бомбили, но не попадали
В великолепный мост Оки.

Итак, они бомбили воду,
И бомбы падали, тоня;
Но зарево автозавода
Уже слилось с закатом дня.

Все то прошло легко и быстро,
Но не забудется оно:
Страх, горечь, злоба, любопытство
Смешались и слились в одно.

Трамваев не было в помине.
Мы шли пешком. Хотелось мне
Позаменять дома в Берлине
Развалинами из камней.

А между тем, когда темнело
И надвигалась ночь как бред,
Мы, как один, бросали дело
И уходили на обед.

Никогда не надо повторяться,
Никогда не надо возвращаться,
Никогда не надо догонять,
Никогда не надо ждать.

Однако жду и час и два я,
Хотя жданье трудней, чем труд.
Официантки — как трамваи:
Когда их ждут, то не идут.

И этот год, в который голодал,
Теперь я называю Сорок скверным,
Ну а стихи по разным городам
Я рассылал друзьям, хорошим, верным.

А письма шли, как все тогда, не скоро,
Но находили горьковский мой адрес.
Стихи полузабытого Глазкова
Читались, почитались, не печатались.

Судьба судьбы командует судьбою,
Неповиновенья не терпя.
Ты можешь пропадать — и черт с тобою,
Твоей судьбе теперь не до тебя.

Ей очень холодно. Дрожишь, дружище,
А тут еще бессмысленный обед ищи,
Но на войну поехать не решишься
И от войны не убежишь в убежище.

Зачем вся жизнь моя игра —
Я это не кумекаю.
Я видел сон: река текла,
Глубокая, но мелкая,

Тогда поплыл я по волне,
Но не пловец, а странник,
И чудный берег плыл ко мне
В каких-то белых зданьях.

Он плыл, до дна его пока
Я не достал руками,
И тут закончилась река
И началась другая.

Я стал ее переплывать,
Однако сон пришлось прервать.

Проснулся я. Была весна.
Вода как таковая;
И я отыскивал для сна
У Волги толкованье.

Одна река суть — я поэт,
Судьба моя такая,
Другой реки пока что нет,
Но будет и другая.

Погибну ль среди ее воды ли я?
Подлунный мир хоть стар, да нов.
Среди воды торчит флотилия
Полузатопленных домов...

8

Многое кажется глупым.
Очереди за булкой.
Царствие нищих духом.
Мы промышляем курнуть.

Огнеупорные губы
Курят окурок окурка,
Чтобы не верилось слухам
И разлетучилась нудь.

9

Я не боюсь души растрат,
Хоть знаю — это хлам;
Но хорошо, что Герострат
Спалил Дианий храм.

И хорошо, что солнце жжет,
А стих предельно сжат,
И хорошо, что колос желт
Накануне жатв.

И хорошо, что будет хлеб,
Когда его сберут,
И хорошо, что были нэп,
И Вавилон, и Брут.

Да славятся мои друзья,
Я ибо их поэт,
Иные знамя водрузят
Над полюсом побед.

Иные сгинут просто так,
Но вспомню и о них,
Чтоб всех их обессмертить как
Героев книг моих.

Пусть не печатают того,
Кто прозу дней затмил,
Материков и островов
Я завоюю мир.

Я сам себе корежил жизнь,
Валяя дурака;
От моря лжи до поля ржи
Дорога далека.

Но жизнь моя такое что,
В какой тупик зашла?
Она не то, не то, не то,
Чем быть должна.

Жаль дней, которые минут,
Бесследьем разозля,
И гибнут тысячи минут,
Который раз зазря.

Жду, как дурак, отрадну весть,
Которую-нибудь,
И время, лучшее, что есть,
Расходую на путь.

На небе громоздятся там
Для снега облака,
А я иду по всем местам,
Дорога далека.

Не знаю как — наверно, так
Идет путевый тракт:
Леса похожи на спектакль,
А поле на антракт.

А телеграфные столбы
Идут куда-то вдаль,
Прошедшее жалеть стал бы,
Да ничего не жаль.

Я к цели не пришел еще,
Идти надо века:
Дорога — это хорошо,
Дорога далека.

1941—1942

На взятие Поэтограда

1

Долгин! Гвардии поэт!
Мир устроен вверх ногами.
Мы с тобой хотим побед
Над заклятыми врагами.

Как желаем, так и надо.
Неприятности терпя,
Я хочу Поэтограда
Для себя и для тебя.

Пусть среда не понимала,
Хорошо нам будет очень.
Знаем много, можем мало,
Сможем мочь.

Пусть я в комнате окнатой,—
Завтра вырвусь на простор.
Я писать могу как надо:
Здорово.

Я стихи могу слагать
Про любовь и про вино.
Если вздумаю солгать,
Не удастся все равно.

На поэтовом престоле я
Пребываю весь свой век.
Пусть подумает история,
Что я был за человек.

Но биография Глазкова
Будет написана не скоро.
А когда будет написана,
Пусть восторжествует истина.

ИБО:

Хоть я гений не такой, как Пушкин
Или Омар Хайям,
Но мне надоело стрелять из пушки,
Из пушки по воробьям.

Настало время подводить
Итоги схоженных шагов,
Кандидатуры отводить
Неточно сложенных стихов.

И меня будут издавать,
Хоть это долго ждать,
Я ж убедился, что давать
Приятнее, чем брать.

Мне надо быть друзей добрей,
А я в долги залез,
И нужен миллион рублей
Почти что позарез.

В деньгах нуждаюсь больше,
Чем в отпущении грехов,
И материальной пользы
Не вижу от стихов.

Но их писать не брошу
Ни за каким трудом,
А перейду на прозу
Когда-нибудь потом.

Живу в своей квартире
Тем, что пилю дрова.
Арбат, 44,
Квартира 22.

А смысл не в этом:
Москва, Арбат.
Мой путь неведом,
А не обратн.

Приди, Победа,
Явись скорей.
Пойду по этой
Стране моей.

Смешна до слез нудь
Институтских наук.
Чтоб не замерзнуть,
Пойду на юг.

Дороги дальны.
Лес есть, река,
Постигну тайны
Тогда стиха.

Любовну лодку
Разбив о быт,
Глушу я водку,
Людьми забыт.

Но водки мало,
Почти что нет.
Жена пропала.
А я поэт.

Так ей и надо,
Моей жене.
Поэтограда
Лишь надо мне.

Там наш обычай
У всех в сердцах.
Мы станем притчей
Во языцах.

Мне много смысла
Давно дано.
Я разучился
Писать дрянно.

Мне жалко тех, кто чужою тенью
За вознаграждение быть готов,
А мне хорошо, ибо каждый день я
Открываю новых китов.

О чем писать стихов громаду?
С кем поэту бороться? Кого спасать?
Не эдак вопрос ставить надо.
Вопрос я ставлю: о чем не писать?

Я весь век свой желаю опередить,
Что не всякий сумеет сделать,
И себя попытаюсь определить,
Но так, чтобы не определить.

Я самый безответственный работник,
Люблю стихов своих многообразье.
Писать стихи — это, должно быть, подвиг.
А бросить их писать — не подвиг разве?

Век живу и век учусь,
Так поэтом и помру;
Но стихи мои не чушь,
Хоть похожи на игру.

Хорошо пойти пошляться
По дороге жизненной,
Но в пути не опошляться,
Порывая с истиной.

Кто-то говорил подобно,
Спорили о термине.
Разузнать про все подробно
Не хватает времени.

Мне некогда. Я очень занят,
Рожден бездельником я дельным.
А люди этого не знают
В своем незнание беспредельном.

Руби, топор, пили, пила,
По правилам науки,
А люди мира как Пилат —
И умывают руки.

Надену зимнее пальто,
Когда растают льды,
И скажут мне: — Это не то. —
И скажут: — Ты не ты.

Я всей планеты слышу мнения.
Хочу, конечно, чтоб оне
Как можно были обомнейнее, —
А мнения не обо мне.

И, не имея водки к ужину,
Но шествуя своим путем,
Я чувствую, как незаслуженно
Я всей планетой обойден.

Рукой судьбы могила вырыта
Для поэтических потерь,
И все то, что необщепринято, —
То не печатают теперь.

Меня рассудит кто с мерзавцами?
Найти такого где судью?
Тогда погнался я за зайцами —
Примерно сразу десятью.

Пожал совсем не то, что сеял я,
Не потому, что ум мой мал;
Но убежало зайцев семеро,
А трех я тоже не поймал.

Все же удачный выпал номер:
В рулетке счастья покружив,
Я угорел, но я не помер,
И очень рад, что очень жив.

Я знаю: радоваться рано,
Немногие взяты высоты,
Но жизнь прекрасна, несмотря на
Всевозможные невзгоды.

Позабыл и позабросил книги,
Сам не знаю, где моя звезда.
На базарах нищие владыки
Щеголяют именем Христа.

Карточки мне не хватает хлебной,
Горе мне, что не могу помочь им;
Но живем мы в век великолепный
Очень.

Об Отечественной войне
 До Отечественной войны
 Не писал. Виноват вдвойне,
 Что не чуял своей вины.

За Отечественную войну
 Об Отечественной войне
 Мои были стихи в плену,
 Рукописно бродя по стране.

Ко всему привыкая средь бурь,
 Треволнений и пустяков,
 Я в быту разделил судьбу
 Настоящих стихов.

Жить не могу, как мне надо,
 Дни моей жизни несолнечны,
 Немцы во всем виноваты,
 Сволочи.

Враг совершал такие преступления,
 Что всяк из нас мечту отмстить вынашивал.
 Мы ждали наступленья наступленья
 На всех фронтах, и непременно нашего.

Я очень ждал желанного момента,
 И вот пришла она, пора победная.
 Ну а стихи — как звонкая монета:
 Серебряная, золотая, медная.

На первый взгляд, мои стихи безделки,
 Или для смысла здорового дики.
 Мне ж все равно, ибо на эти деньги
 Я жизни всей своей купил деньки.

Стихи? Пустяк, должно быть, это сущий.
 Стихи, но можно обойтись и без...
 Я ж божьей милостью поэт.
 Стих наш насущный —
 Молю у господ я — дай нам днесь.

Осознал на пользу самому себе,
 Что люблю свой век, свой день, свой час я,
 Надо только помогать судьбе —
 И тогда возможным станет счастье.

Моих товарищей подразделения
 Победно гонят фрицкие войска;
 Но ежели не побывать в деревне,
 Нельзя сказать, зачем нужна Москва.

Что есть Москва, о том не сожалею,
 Всегда, когда в Москву приеду, рад;
 Но и Москва не Рио-де-Жанейро
 И, к сожаленью, не Поэтоград.

Поэтоград еще не взят,
 Но люди разные снуют,
 Ракеты красные висят —
 И что ни вечер, то салют.

Красноармейские части
 Борются с немцами лютыми —
 И измеряется счастье
 Как таковое салютами.

Будет мир на Земшаре,
 Войною войну истребя.
 Чтоб немцы задрожали
 9-го... сентября.

Мрак сиз,
 Пропади.
 Марксизм,
 Победы.

Кому вниз —
 Перейди,
 Коммунизм
 Впереди.

Поэтоград еще не взят,
 Но будет взят Поэтоград,

ИБО

Поступают ежечасно
 С фронта радостные вести;

Многоградусное счастье
Лет наступит через двести.

И тебя зачислят в книгу
Небывалых стихотворцев,
И меня причислят к лику
Николаев Чудотворцев.

1944

Дорога далека¹

1

В хаосе буреломном,
В хаосе переломном
Не описать пером нам,
Что было до войны.

Триумфальные арки
Вились как радуга,
Благоухали фиалки
Лучше, чем труп врага.

2

Кульчицкий приходил тогда...
Он мне ответил на
Мой вопрос — как и когда
Закончится война.

К папиросе поднеся огниво,
Закурил, подумал, дал ответ:
— Пить мы будем мюнхенское пиво...
А война продлится десять лет.

Но меня убьют в войну такую... —
Призадумался на время тут,
А потом, бессмысленно ликуя,
Радостно воскликнул: — Всех убьют!

¹ Третья поэма из книги «Сорок скверный».

Всех ли, не всех, но не меньше, чем сотня
Событий проходит, и все не к добру;
Но если я не умру сегодня,
То я никогда, никогда не умру!

На фронте дела обстояли хреново,
И стало поэтам не до стихов.
Поэзия! Сильные руки хромого!
Я вечный твой раб — сумасшедший Глазков.

Я знал, что меня ожидают невзгоды,
И был убежден, что война не к добру;
Но если меня не убьют в эти годы,
То я никогда, никогда не умру!

Себе задавал я вопрос, на который
Ответит одно окончанье войны:
Зачем я поэт, а не строю моторы
Самолетам Советской страны?

Стихами не очень поможешь пехоте,
Как ими за Родину ни воюй.
Москва отступает. Я на пароходе
По шлюзам, Оке — и на Волгу. В июль.

То значит — от Москвы отказ
Во имя самого простого,
И я шатался на откос
Смотреть на волжские просторы.

Луна на дереве висела,
Ей было весело висеть;
Она, как рыба, там блестела,
И было дерево, как сеть.

Когда простирается к хатам
Закат непомерной длины,
Встает луна над закатом,
Как будто закат от луны.

Как будто закат от закрытия
Своеобразного мира
Писателя Первой гильдии,
Поэта огромной лиры.

4

Сам не знаю, братцы,
Что с чего берется,
Надоело драться,
Драться и бороться.

А за дело браться,
Может, и охота,
Да наскучил панцирь
Нео-Дон Кихота.

И у нас в двадцатом
Не найду дворца там,
Не порежу шпагой
Бурдюков с малагой.

Не пойду мечети
Покорять мечом,
Ибо даже черти
Нынче нипочем.

Ибо надо всеми
Довлеет суета,
Ибо даже время
Нынче как вода.

Освобождение Европы
Хотелось бы увидеть всем,
А мне хотелось — немцев чтобы
На свете не было совсем.

Чтоб говорили все по-русски,
Как Маяковский и Глазков;
Но я отвлекся от погрузки
Березовых и прочих дров.

Но наконец обед, где первых два
И три вторых, а иногда одно.
Когда горят холодные дрова,
То в комнате становится тепло.

На лекциях мне было холодней,
Чем на улице во время непогоды,
И я на институт не тратил дней
В такие фантастические годы.

В столовой проводил я дни свои,
Где весь обед не стоил больше трешки,
И тратил сороковку на аи,
Не покупая килограмм картошки.

5

Писатель рукопись посеял,
Но не успел ее издать,
Она валялась средь Расеи
И начала произрастать.

Поднялся рукописи колос
Над сорняковой пустотой.
Людей громада раскололась
В признание рукописи той.

Одни кричали — это хлеб,
И надо им засеять степи,
Другие — что поэт нелеп
И ничего не смыслит в хлебе.

6

Как угодно можно считать,
А приговор эпохи — это приговор эпохи,
А сейчас я стану читать
Свои монологи...

Мои читатели, меня они не
Простят и обвинят вдвойне
За то, что я могу писать о Нине,
Когда нельзя писать не о войне.

Народ великий и воинственный
 Сражается на всех фронтах,
 А я великий и единственный,
 И хорошо, что это так.

Был снег и дождь, и снег с дождем,
 И ветер выл в трубе.
 От армии освобожден
 Я по статье 3-б.

Вздымался над закатом дым,
 И было как пожар,
 Когда я шел ко всем святым
 И не соображал.

Я предпочел игру в бои
 Всамделишным боям.
 Я сочиняю рубайи,
 Как и Омар Хайям.

От нищеты страны моей богатой,
 От нищеты идя к каким-то далям,
 Мы все шуты одной стены плакатной,
 И все жида, поскольку ожидаем.

Из-за патриотизма и азарта,
 За то, что путь России непрестан,
 Я полюбил Россию послезавтра,
 Которая всех лучше будет стран.

А хорошо хотеть и сметь,
 Переиначить статус-кво,
 Пока решат поэт и смерть
 Вопрос извечный — кто кого.

И, как славяне по порогам
 Сквозь Днепр и море шли в Царьград,
 Так я иду, чтоб стать пророком,
 И не ищу иных наград.

И не могу сменить на оды
Пути стихов от зла к добру.
Поэтом своего народа
Я сделался — и не умру.

9

И я не мог предотвратить
Своей судьбы, и не
Надоело мне твердить
Все время обо мне.

Как будто в мире нету битв.
Мир и война не вяжутся.
А если кто-нибудь убит,
То это только кажется.

Любвеграфическая поэма

1

Не верьте мне, я лгу и лгал,
Не ставя правду ни во грош,
На сотни миллионов га
Моя расположилась ложь.

Я ничего не забывал,
Постигнув самое оно.
За первой встречной на бульвар
Я пойду. Мне все равно.

Постигнув самое оно,
Я верю буквам и словам...
Вы знаете, как я люблю Вас; но
Не верьте мне: я верю Вам.

А вот по-латыни земля будет terra,
А aqua, к примеру, всего лишь вода.
Я видел латынь. Но какое мне дело.
Я более важные вещи видал.

И мне безразлично; что ветер, что витер.
И где б он ни выл, хоть в степи, хоть в степе.
Хоть мне не поверят.— Ты,— скажут,— не видел,
А просто прикован к двухсложной стопе.

А мне не поверят — и я не поверю.
К двухсложной стопе я совсем не прикован.
Пойду, про себя сочиняя поверья,
А ихним не стану молиться иконам.

Я не гегельянец,
Но я генийльянец.
Николай Чудотворец,
Император страниц.

2

Болтовня овладела массами,
Языки сорвались с цепей.
Никому ничего не рассказывай:
Сплетня движется, как репей!

Ты к согласию самому лучшему,
Сохраняя молчанье, придешь...
Верь словам этим мудрым и Тютчеву:
У него есть стихи про то ж!

3

Было очень много неудач,
Срывов, промахов, помех и сплетен...
Все же улыбайся, а не плачь,
Радуйся, что мы живем на свете!

Пусть на нас работают года
На ведущей в бесконечность трассе!..
Ты великолепно молода,
И не старься, никогда не старься!

Отряхни пыль мелочных забот,
Не тони в их повседневной сумме.
Тот, кто глуп и немощен, лишь тот
Льнет к житейскому благоразумью!

Иногда бывает тяжело нам:
Радость и любовь не в изобилье!
Мы устали от упрямых мам,
Тех, что молодость свою забыли!

Ставит много всяческих преград
Трезвое и злое поколение...
Перед ним не встанем на колени,
А достроим свой Поэтоград!

Надо выпить, чтобы было в дым,
Чтобы мне написать Про это.
Это чтоб настоящая ты
Для меня бы была, как победа.

Чтоб врагов обуяла злость,
А глупцы приходили в ярость,
Чтоб смешалось и все слилось
То, что прежде разъединялось.

Чтоб, как прежде, среди рабов
К их мечтам не искал дороги я,
Чтобы вера, вино, любовь
Составляли одну трилогию.

Чтоб любовь, сочетаясь с истиной,
Завсегда проходила вслéd нам,
Ибо жизнь без любви бессмысленна,
Потому что любовь бессмертна.

1942

Мы, египтянские рабы,
Таскали каменные глыбы,
А лучше, если б мы грибы
Сбирали и ловили рыбу.

Но там, где Нил — он был хорош,—
Светясь своим пространством водным,—
Не ставили нас ни во грош,
Молясь светилам и животным.

Чтоб надоевший фараон
Мог схорониться в пирамиде,
Нас был почти что миллион,
Граниты воздвигали мы те.

Смешались краски государств,
Все были армии разбиты...
От Древних, Средних, Новых царств
Одни остались пирамиды.

Былую мощь не утвердить...
Но знатокам архитектуры
Никак не надоест твердить:
— То памятник былой культуры...

Мы, египтянские рабы,
Не разбираемся в культуре;
Но говорим без похвальбы:
— То памятники только дури!

Мы зрители —
 Поэты и мыслители.
 Победы завоеваны не мной.
 Но нет за мною никакой
 Вины:
 Я все забыл и ничего не помню!
 Я единица, разделенная на ноль
 Волной войны,
 И нет ее огромней!

Пускай противоречье легче
 Того, когда все мысли — братья,
 А все-таки противоречье
 Не противоречит правде.

Я ничего не забывал.
 Войска ползли по карте стрелочками...
 Я б отдал войны за бульвар
 С раскрашенными девочками!

К беде ведет войны дорожка.
 Войну, как хочешь, обэкрань,
 Она — бессмысленная роскошь,
 Дорогостоящая дрянь...

Теки, вода, ты, ветер, дуй,
 Поэт — пиши стихотворенья.
 Возникла мировая дурь
 С секунды первой сотворенья.

А почему она возникла
 И губит наше поколение?
 А почему стальные иглы
 Не шьют сосновые поленья?

А почему винт гайки уже,
 А у велосипеда руль?
 А почему?.. Все потому же
 Возникла мировая дурь!

Времени массу, труда и учебы —
 Разве это не глупо? —
 Безжалостно тратить, чтобы
 Людей превращать в трупы?

К тому же это напрасный труд:
Люди и без того умрут!

А я в военном деле нуль,
И покорен строкою,
Однако мировая дурь
Мне не дает покою.

Мои пороки и достоинства
В моих стихах найдет любой.
Важнее объяснить устройство
Всеобщей дури мировой!

Есть дурь. Есть разум. Открывая,
Он сокращает много бед.
Но дурь вмешалась мировая,
И происходит все во вред.

— Взлечу, — мечтает разум, — выше
Орлов, — и самолет готов;
А вышло:
Разрушенье городов.

И так во всем, кроме стихов;
Но так устроен свет,
Что гибнет из-за пустяков
И суеты сует.

Живет не тужит
Дурь мировая!
Ей разум служит,
Ее не признавая.

А изменяясь, все течет,
Воспламеняясь, все горит,
И мудрецы на кой-то черт
Изобретают динамит.

Когда пройдет войны волна,
Другой поэт довольно мило
Расскажет, что была война,
Которая происходила!

* * *

Историк отметит те летá,
Когда на Россию нахлынули немцы.
Историк — исследователь, дилетант,
А мы — современники и туземцы.

Как будто любят по сто жен нас,
Такая вот усталость.
Душевная опустошенность,
Похожая на старость.

И надо всем довлеет рынок,
Как в древности когда-то.
Бегут слова, я раб игры их,
Они бегут, как даты.

Все начали ворочать тыщами
И в то же время стали нищими.
Нас дурь заела мировая;
Она как язва моровая!..

Когда простого черного хлеба
Не хватает населению,
То все равно, какое небо —
Оранжевое ли, сиреневое.

Впрочем, небо устало гневаться,
Солнце тоже устало жариться,
Только наши и немцы
Взаимно уничтожаются,

На радость сатаны
На фронте умирая,
А стоимость войны —
Цена земного рая!

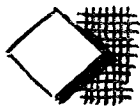
* * *

Возникло самое оно,
И сгинула война,

И глушат славное вино
На берегу Вина.

Необычайно мирава
Небесная лазурь,
И напечатаны слова,
Понятно, без цензур.

1943

Историк забудет, где, когда
Двоятся события или троются.
Историк запомнит те года,
Которые вовсе не повторяются.

Когда-нибудь стихнут все грохоты битв,
А мы соберемся во время пира
И скажем: — Тогда было трудно быть,
Но вспомнить легко обо всем, что было.

И вспомнить легко, чего вовсе не было,
И вспомнить легко, чего было мало,
А было трудно: водки и хлеба
Населению не хватало.

Какбычегоневышлисты и прочие дурни
В литературе заботились лишь об одном:
Чтоб уровень стихов не превысил уровня
Хлебных, продуктовых и прочих норм.

Опять возвращаюсь все к той же теме,
А имя ее — война.
Все переменялись и стали не те мы:
На фронте — потери, в тылу — потери,

А перед войной все только хотели,
Но плохо хотели, хотеть не умели.
Хотеть научил проручительный опыт,
И люди умеют, но только не могут...

Все стали хорошими, все стали плохими,
Должно быть, такими,
Какими
Должны быть.

Война грохочется,
Все еще ворочаясь,
Мне очень хочется,
Чтобы закончилась.

Станет тогда эдем на планете,
А не негодяев притон.
Верую больше всего на свете
В эти «тогда» и «потом».

Иногда говорят: тогда понастроим,
Будет черт знает что под окном;
А чего мы хотим, рассказал про нас кто им?
Нет! Мы прежде всего отдохнем!

Хорошо немчуру опрокинуть за Одер
И закончить военную нудь,
А потом даже тот, кто совсем не работал,
Должен прежде всего отдохнуть.

Зверства немцев взвесят на каких весах?
Не возникло таких гирь еще.
И увидит мир обидный для мира Версаль
Ради временного хорошо.

А история периодическая
Очень любит войны скелет,
Будет третья империалистическая
Через двадцать пять — двадцать семь лет.

Между датами войн спокойно
Подготовятся немцы к войне
И затеют новую бойню
С новым гитлером во главе.

Из-за вечной мировой дури
Будет третья мировая война;
Гораздо гениальней сидеть на стуле
И шандарахать что-нибудь из вина.

Бывали горечь и обида
И женщина, какую встретил.
А жажда жизни — это идол?
Нет! Так как идол — жажда смерти.

Все мысли, и чувства, и страсти
Мои пускай будут равны
Такому огромному счастью,
Которое после войны.

Огромное счастье далеко
И мне не дается оно.
Наклонная плоскость полога,
Но не пропаду все равно.

Устроим в мире мировó,
Товарищи Поэтограда,
Переименовывать его,
Переименовывать не надо.

Там жил поэт Глазков в годах
Сорок втором и сорок третьем
И о Поэтогородах
Бредил.

Конгениален был он трохи.
Но не воспел знамен кармин.
Его стихов за эти крохи
Бросать не надобно
В камин.

Он не печатался в журналах
И денег в прессе не стяжал,
И всякой всячины немало
Он о себе воображал.

А там, где огнива нива,
Люди бегут вперед
И погибают, ибо
Смерть города берет.

1943

ЯТЫЙ ПАРХОД

(Фрагменты)

* * *

А ветры годами
Качают деревья,
Шепча об Адаме
И Еве.

Китами
Плывут облака;
У них в чревах Ионы,
А где-то в Китае
Китайцев живут миллионы.

* * *

Я, впрочем, не прочь,
Да и всякий любит
Водку толочь
Или воду в ступе.

Не плюй в потолок
Нейди на уступки...
Ты много толок
Всякой водки в ступке.

А кто ты такой?
Кому ты яму роешь?
Кому, какой
Пароход строишь?

Плывет твой пароход,
Куда ему охота,
Ну а тебе доход
Какой от парохода?

Твои стихи потом
Исчезнут на две трети.
Подумав не о том,
Я сам себе ответил,

Что, мирозданье разглядя,
Я осознал вполне,
Что негодяй и разгильдяй —
Бессмысленны в войне.

Скажу себе: стихом займись
За то, что ты затмил
Перед тобою здравый смысл,
Весь объективный мир.

Задумывался в жизни каждый,
На женский пляж взирая в щель,
И я задумался однажды
Над смыслом всяческих вещей.

Что победитель торжествует,
Чтоб в мире радость была бь,
Что победитель существует
Для осмысления борьбы.

Должны существовать все беды,
Чтоб сокращать число побед,
Звонок есть у велосипеда,
Чтоб украшать велосипед.

Порядки старые — для новых,
Бродяги — чтоб бывать везде.
Трамваи — те для остановок,
Милицьонеры — чтоб свистеть.

Я вижу мир как на ладони,
А Гоцци лучше, чем Гольдони.

Если не по щучьему веленью,
То тогда веленью по чьему
Пропадает наше поколенье,
Для чего, зачем и почему?

Может быть, шатаясь по базарам,
Где толпится всяческий народ,
Я услышу новое о старом,
А пойму совсем наоборот.

Все прекрасно... Немо,
Но в подводной этой тишине,
Я услышал капитана Немо,
Как потом услышат обо мне.

Ничего такого не узнаешь.
И мораль сей басни не ясна,
Но восторжествует новизна лишь,—
Слов моих неясных новизна.

1943

Объяснение в любви

1

Взгляд на вещи бывает разный,
Я сжигаю свои корабли.
Я сторонник пусть самой грязной,
Но не чистой любви без любви.

Сила страсти — за синей далью,
Откровенно-правдивая ложь,
Повседневное пропадание,—
Разумеется, ни за грош.

Потому что они не пара,
А весь мир хуже, чем нехорош.
Всё поруганно и пропало,—
Разумеется, ни за грош.

2

Вы кому-то, наверно, снится,
Ночь раскинулась как синева,
Антитезис, тезис и синтез —
Вразумительные слова.

Мне отнюдь не присуще злословье,
Так же, как славословья обман,
Антитезис Вы, предисловье
И вступление, а не роман.

Вы меня не поймете, не царь я
И не узник, что под замком,
Отрицание отрицанья —
Есть такой мировой закон.

Так сказать, на высшем этапе,
Не приемлемом для рабов
Предрассудков,— потребность в бабе
Заключает в себе любовь.

3

Расскажу вам одну нелепость,
Вы поймете меня до дна,
Не придумал я, Вам и ей пусть
Зарифмовка посвящена.

Было так, что они не знали,
Говоря о добре и зле,
Что случится, но доказали,
Будто нет любви на земле.

Это можно сказать не каждой
И гораздо лучше скрывать.
А она их спросила: — Как же?
Нет любви, есть одна кровать?

Да, так, значит, вся жизнь — нелепость,
Где все можно купить за рубли,
Да? — И бросилась под троллейбус,
Сожалея, что нет любви.

А любовь ни смерить, ни взвесить,
И ее, как правило, нет;
Но она бывает раз в десять,
А быть может, раз в двадцать лет.

Точка зренья моя как поэта
Такова, что любовь не судьба —
В битвах жизни любовь лишь победа,
А вся жизнь не победа — борьба.

4

Не моя, не любимая Вы вот
Захотели хороших стихов,
Но не сделали правильный вывод
Из того, что отметил Глазков.

Вы еще, так сказать, не жили,
А хотите любви. Пусть так,
А любовь эту Вы заслужили,
Ту, которая не пустяк?

Или омут мещанского счастья
Означает весь рай земной?
Или Вам не дано соглашаться,
Потому что я умный, со мной?

Или Вы не стремились в дали,
Вам приятные издалека?
Или мало Вы пропадали,
Или ищете дурака?

Или Вы не моя ученица,
Или созданы не для труда,
Но в любви, как во всем,— подчиниться,—
И командовать можно тогда.

5

В твоей судьбе
Все так неладно,
Ты вещь в себе,
Созданье Канта,
И глушь и дичь
Страны дым-дыма,
Тебя постичь
Необходимо.

1948

1

Не ищу от стихов спасенья.
Так и буду писать всегда.
У меня все дни — воскресенья.
И меня не заела среда.

Сочиняю вечно стихи мои,
Хотя жажду иного счастья,
И рассказываю о Хихиморе,
Чтоб к ней больше не возвращаться.

Она смотрит куда-то глазами
И покачивается, как челн,
И ни в чувстве ее, ни в разуме
Смысл всего, а черт знает в чем.

Астрология и алхимия —
Повседневные наши труды.
Дорогая моя Хихимора,
Все зависит от ерунды!

Наши встречи зависят от случая...
Я люблю = сочиняю стихи я...
Ты из девочек самая лучшая,
Ну а все остальные плохие!..

Впрочем, впадаю в ложь и я
В процессе стихованья.
Все девочки хорошие,
Как говорила Фаня.

Девочки скажут: выбирай нас,—
Я легко поддамся внушению.
Любовь — объективная реальность,
Данная нам в ощущении!

Поэтому вечно я
Глазею на
Первую встречную:
Она или не она?

Иду и думаю,
Когда иду,
Тогда про ту мою
И эту ту.

А в ночь угрюмую,
Когда темно,
Иду и думаю:
Что мне дано?

Что дано? Причитанья причуд,
Неоткрытых открытий высоты,
Мысли, что мудрецы перечтут,
А глупцы превратят в анекдоты...

Что дано? Ничего не дано:
Не дается оно, а берется.
Надоело давным-давно,
Что за все это надо бороться.

Я тебя полюбил. Не веришь? Не верь.
Но иного спасенья нет.
Это очень просто: тушится дверь,
На крючок запирается свет.

Я, по всей вероятности, балагур...
Обязательно будь моей,—
И мы будем с тобою на берегу,
На берегу морей.

Черное море, Каспийское море —
На географической карте России.
И еще хорошо, что нас только двое,
Я сильнее тебя, ты меня красивей.

Пусть желанье мое исполнится,
И, стихами отражена,
Ты моя, если хочешь, любовница,
Если вывески любишь — жена.

Пусть желанье мое исполнится...
Через несколько лет все равно
Будет новое что-то и вспомнится,
Как меня обмануло оно!

2

Не знаю, в каком я раю очутюсь,
Каких я морей водолаз;
Но мы соберемся под знаменем чувств,
Каких не бывало до нас!

И взглянем с непризнанной высоты
На мелочность бытия.
Все очень ничтожно и мелко... А ты?
Ты тоже ничтожна. А я?

Я как-то неэдакно дни влачу;
Но не унываю теперь.
Как пьяницу тянет к поллитричу,
Так тянет меня — к тебе ль?..

Ну а почему — ты не ведаешь —
Не мне, а другим лафа?
Нужна над тобой мне победа лишь,
А все остальное слова.

Ищи постоянного, верного,
Умеющего приласкать;
Такого, как я, откровенного,
Тебе все равно не сыскать!

Ищи деловитого, дельного,
Не сбившегося с пути;
Такого, как я, неподдельного,
Тебе все равно не найти!

Люблю тебя за то, что ты пустая;
Но попусту не любят пустоту.
Ребята так, бумажный змей пуская,
Бессмысленную любят высоту.

Ты не можешь хотеть и не хочешь мочь.
Хорошо быть с тобой на «ты»...
Я тебя люблю. Перед нами ночь
Неосознанной темноты.

Непохожа ночь на нож,
Даже если нож неостр...
Мост на берег был похож,
Берег был похож на мост.

И не ехали цыгане,
Не мелькали огоньки,
Только где-то под ногами
Снегом скрытый лед Оки.

Мост над речкой коромыслил,
Ты на Третьем берегу...
Я тогда о чем-то мыслил,
Если вспомню — перелгу.

Огромный город. Затемнение.
Брожу. Гляжу туда, сюда.
Из всех моих ты всех моейнее —
И навсегда!

Как только встретимся, останемся,
Чтоб было хорошо вдвоем,
И не расстанемся, и не состаримся,
И не умрем!

1944

Дорогая и самая лучшая,
Настоящая, как Л. Ю. Б.
Наши встречи зависят от случая,
Но тебя я, конечно, люблю.

Почему? Не ведаю.
Люди в чувствах своих не вольны.
Наши встречи явились победою
В результате лишений войны.

Были трудности и лишения,
Стекла выбитые в окне,
И имели они отношение
Непосредственное ко мне...

Впрочем, разве я обыватель,
Я бродяга дорог и гор,
И военный обозреватель,
И себе самому спецкор.

Почему меня тянет к людям?
А на небе ни луны?
Быть хочу я самым мудрым
Мудрецом своей страны.

Отдаюсь борьбе течений,
Что идет в течение лет.
Гений я или не гений?
Все равно мне это? Нет!

Превзойду, что было раньше,
Сочиню всехлучший том
И стихом со всеми слажу,
Ну а дальше? А потом?

Ошарашу мир размахом
Мысли, образов и тем.
Буду крыть, как кроют матом,
Только лучше. А зачем?

Нет ответа, нет ответа, нет ответа.
Есть война.
Но и пьяный не от ветра
Шатается. От вина.

Так и я отдаюсь минутам,
Но от вечности не отвык.
Почему меня тянет к людям
И отталкивает от книг?

Книги лучше; но хуже путь их,
А всего больше смысла в играх.
В книгах то ищу, что в людях,
В людях то ищу, что в книгах.

И, слагая хороший и пьяный стих,
Всюду, ни был где б я,
Я искал для него популярности,
Но в тебе я нашел тебя.

Без тебя, до тебя нашел в вине истину я;
Но, как рыцари Средних годов,
Доказать чтоб, что ты единственная,
На турнирах сражаться готов!

Хорошо, что ты мной открыта
Среди всего, что даже не злит.
Ты — чудная чюдная Лида —
Самая лучшая из Лид.

И, как многие, слушая радио,
Может быть, ты не хочешь и знать
Про чудную чюдную Надю —
Самую лучшую из Надь.

Для того вставил Надино имя я,
Ибо псевдопоэт какой
В тех стихах, где одна любимая,
Вставит имя любимой другой?

Испугается. Не посмеет
Дошагнуть до таких вершин.
Не поймет лжепоэт, а смерит
На затасканный свой аршин.

Захочет увести ее
В мирок своих страстей,
В Бастилию или Кастилию,
И никаких гвоздей!

Что другой не придумает, выдумаю,
И меня не угробят года.
Я умею любить только Лиду мою,
Не забуду ее никогда.

Но тебе быть неверным могу я,
То же чувство к тебе дробя,
Иногда я целую другую,
Потому что люблю тебя.

Я тебя люблю и верю,
Как последний шляхтич Польшу,
И как Шерешевский Леру,
Только лучше или больше.

Я тебя люблю и верю,
А не дурака валяю.
И тебя себе теперь я
Навеки доверяю...

Но нет тебя, и ты далеко,
А я живу, стихи твоя.
Куда ведет меня дорога —
Моя дорога и твоя?

Всё, что ничтожно, уничтожу
В своих стихах, а ночь что негр,—
Хороший образ. Ну и что же?
А ничего: белеет снег.

Он освещает ночью всех:
Снежинки — светляки.
Еще походит белый снег
На белые стихи.

А на мои стихи бел снег
Нисколько не похож,
Ибо растает он в веках.
Растает. Ну и что ж?

А мой стих что спирт,
Речь — что хлеб, ржана.
Не со мною спит
Не моя жена.

Прежде я скорбел,
Проклиная быт,
Видя сей пробел:
Не со мною спит.

Но явилась ты,
И вопрос решен.
Пролетят как дым
Ласки прочих жен.

Я весь мир куплю
За свои грехи.
Я тебя люблю =
Я пишу стихи.

Роль стихов исключительно эхова.
Никогда я в стихах не робел.
Ну а ты — от меня ты уехала,
Так что в жизни моей пробел.

Чтоб трудности дорог брать,
Как говорится, с бою,
Тебя я должен трогать
И видеть пред собою.

И в папиросном дыме
Должна являться ты мне.

Ты редко являешься, я не рад,
И нынешним днем недоволен.
Стихи сочиняю про Поэтоград,
Не то пацифист, не то воин.

Может, я недоволен эрою,
Той, которая надоела,
И кричу ей: «Не надо, эра!»
Что не надо? И что я делаю?

Все, что есть, пропадает пропадом,
Остается лишь чувство любви.
Я годов занимаюсь проводом
И сжигаю свои корабли.

Все уходит куда-то,
Себе самому вторя.
Мира не агитатор,
А развлекатор я.

Я лучший после Маяковского
Поэт эпохи, а она
Глупее, чем жена Чайковского,
Не понимает ни хрена...

Она мне нравится как женщина,
Хотя я знал, что только вещь она.

Пришла пора, как ей подобные,
Она смешалась с толпой.
С собой увлек людской потоп ее,
Когда я встретился с тобой.

Все то же чувство, перелитое
Из побрякушки только в меч.
И увлечен теперь я Лидою.
Пиши стихи, противоречь.

Ступай, как говорят, навстречу
Удаче и врагу.
Согласен. Не противоречу.
Желаю и могу.

Не жди меня; но я вернусь.
Разлуки — пустяки.
Смотри: я вовсе не ленюсь
Писать тебе стихи.

Не жди меня; но я вернусь.
Разлука — ерунда.
Сказать я только не берусь,
Вернусь к тебе когда.

Человек предполагает,
А господь располагает,
Если это совпадает,
Человеку хорошо.

А мне с тобой хорошо или скверно?
Отчасти чудесно, и трудно отчасти,
И, может быть, плохо; но завтра, наверно,
И верно придет огромное счастье...

Так плохо — значит, эдак здорово,—
Так я предполагал вначале.
И так и эдак лишь две стороны
Одной и той медали.

Любовь моя, быстрее рек теки,
И мысль моя, в стихи сложились.
Так надобно для диалектики,
Которой имя наша жизнь.

Ты для меня любви название,
И смысл любви, и цель путей.
Тебя любить — мое призвание,
Как жить — призвание людей.

Исход любви — не смерть, так старость.
На время — стоит ли труда?
Я помню: мы с тобой расстались
И я побрел. Куда? Туда...

Дорогая и самая милая!
Все желания истребя,
Буду вечно хотеть в мире мира я,
Настоящих стихов и тебя.

1945

Чистая лирика

1

Зимой я замерзаю от мороза,
А на сугробах не растут цветы;
Но я курю, и дым от папиросы,
По-моему, красивее, чем ты.

А если баба явится из дыма,
То мне такая баба не нужна.
Мне холодно, безумно и пустынно,
А ты ко мне дороги не нашла.

2

У меня с тобою предисловье,
Увертюра, старт, дебют, начало,
Неблагоприятные условия
Нам мешают видеться ночами.

Чтоб за белых приняли ворон нас,
Ты не хочешь, мне же все равно.
Между нами недоговоренность,
За договоренность пью вино.

В дни, когда победу можно праздновать,
Очень глупо временить года;
Ты сказала мне: «Нельзя же сразу».
Я сказал: «Нельзя же никогда!»

Если, в своих же стихах утоня,
 Так и останусь беспутным и путающим,
 Ты останешься для меня
 Воспоминаям о будущем.

Если в делах, как в любви, повезет,
 Так, что при жизни добиться сумею
 До неосмертных признаний — высот,
 Родина станет любимой моею.

Ну а сейчас, в этот час или миг,
 В дни треволнений непреодолимых,
 Ты навсегда зачеркнула моих
 Всех предыдущих, когда-то любимых.
 Так им и надо.

4

Возле дома того водоем,
 Хорошо быть в доме твоём,
 И когда остаемся вдвоем,
 Каждый раз мы себя выдаем.

Выдаем себя каждый раз,
 Только люди не ведают нас:
 Утонувшие в омуте фраз
 Ни ушей не имеют, ни глаз.

5

Если нет света, значит, ты
 Ушла туда, где света нет,
 И пропадай мои мечты
 В твоём окне увидеть свет.

И, темнотою ослепя,
 Окно смеется надо мной.
 Мне без тебя как без себя —
 И с горя я иду домой.

Но дело не в этом, а только в том,
 Что отдых необходим
 И без тебя мне и дом не в дом,
 И «Беломор» не в дым.

(Из проклятого прошлого)

Ни одной я женщины не имел
И не ведал, когда найду.
Это было на озере Селигер
В тридцать пятом году.

Тиховодная гладь, байдарка и прочее,
Впрочем, молодость хуже, чем старость,
А была очень умная лунная ночь,
Но дураку досталась.

Эта ночь сочетала прохладу и зной,
Тишь, безлюдье, в байдарочном ложе я,
И чудесная девушка вместе со мной,
Изумительная, хорошая.

А вокруг никого, кто б меня был сильней,
Кто бы девушку мог увести,
И я знал, что очень нравился ей,
Потому что умел грести.

А грести очень я хорошо умел,
Но не ведал, что счастье так просто.
А весло ощутило песчаную мель
И необитаемый остров.

Это ночь не моя, это ночь его,
Того острова, где был привал.
А вокруг никого, а я ничего,
Даже и не поцеловал.

И такие хорошие звезды висят,
Вместе с девушкой на берегу я,
Мне хотелось облапить ее и взять,
Незабвенную, дорогую.

Мне бы лучше не видеть ночью ее,
А ходить одному по болотам,
А вокруг никого, а я ничего —
Вот каким я был идиотом.

Как-то не эдак прошел день,
 Пробило двенадцать часов.
 Ты сказала: «Жить лень»,—
 И спутала карту слов.

Иные слова сказать норовят,
 Чтоб показаться лучше,
 А я говорю, что сам виноват,
 Если тебе скучно.

Как ты до жизни такой дошла,
 И в первый ли это раз?
 Но я утверждаю, что жизнь хороша
 От ихтиозавров до нас.

8

Живи со мной и не печалься,
 На все вопросы дам ответ.
 Ты помешать не можешь счастью,
 Которого, к несчастью, нет.

9

Я веду с тобою разумную речь,
 И за это меня прости,
 Ибо я даже дом твой готов поджечь,
 Чтоб тебя от огня спасти.

У меня вообще необычный путь,
 Все такие пути святы;
 Я тебя даже в воду готов толкнуть,
 Чтобы вытащить из воды.

10

Дни твои, наверно, прогорели
 И тобой, наверно, неосознанны:
 Помнишь, в Третьяковской галерее —
 Суриков — «Боярыня Морозова»?..

Правильна какая из религий?
 И раскол уже воспринят родиной.
 Нищий там, и у него вериги,
 Он старообрядец и кродивый.

Он аскет. Ему не нужно бабы.
Он некоронованный царь улицы.
Сани прыгают через ухабы,—
Он разут, раздет, но не простудится.

У него горит святая вера.
На костре святой той веры греется
И с остервененьем изувера
Лучше всех двумя перстами крестится.

Что ему церковные реформы,
Если даже цепь вериг не режется?..
Поезда отходят от платформы —
Это ему даже не мерещится!..

На платформе мы. Над нами ночи черноть,
Прежде чем рассвет забрезжит розовый.
У тебя такая ж обреченность,
Как у той боярыни Морозовой.

Милая, хорошая, не надо!
Для чего нужны такие крайности?
Я юродивый Поэтограда,
Я заплачу для оригинальности...

У меня костер нетленной веры,
И на нем сгорают все грехи.
Я поэт ненаступившей эры,
Лучше всех пишу свои стихи.

11

Чтобы жизнь не была загадкой,
Мне поверь и не противоречь.
Слово — бог, и поэтому краткой
Быть должна повседневная речь.

Все равно, что ты мне сказала,
Все равно, это все суета...
Все равно, у какого вокзала
Мы простимся с тобой навсегда.

Мы во всем виноваты сами,
Все минует, как дым папирос,
Мы расстанемся недрузьями
Ненадолго и невсерьез.

Все равно оглушен я веками,
Как не признанный веком поэт...
Мы расстанемся не врагами,
А туземцами разных планет!

12

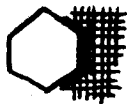
Так всегда. Я раз сто болею.
Выздоровливаю раз сто.
А по случаю юбилея
Шандарахнем «Абрау Дюрсо».

Так всегда. Не за смерть упрямую.
За любовь мою и твою.
За такую хорошую самую.
За любимую девочку пью!

Так всегда. Как прошли звероящеры,
Мы пройдем, и другие придут.
За такие стихи настоящие,
Что, как кости зверей, не умрут!

А расскажут про то, как любили мы
И какая была суета...
И смешаются с прочими былями.
Так всегда!

1945

1

В начале века поэтам лафа,
Поскольку Век молодой,
А в конце не поэт диктует слова,
А Лев Толстой с бородой.

В середине века плохо поэтам
И ничтожно число их побед,
Только я сказать хочу не об этом,
Ибо я рифмовал: поэтам — победам;
Важно, сколько поэту лет.

Мне исполнилось двадцать семь,
Но если прибавить и вычесть,
То это правильно не совсем,
Потому что годов мне не больше, чем семь,
И не меньше, чем двадцать тысяч.

А если среднюю цифру взять
И возраст века учесть,
То в сорок пятом мне сорок пять,
А в сорок шестом — сорок шесть.

2

В. Хлебникову

Земля, как в древности, лежала,
Но я не так соображал:
От Председателей Земшара
Сбежал куда-то их Земшар.

И погорельцами с пожара,
Не ожидая новых весн,
Мы очутились без Земшара,
Как паровозы без колес.

3

Я скоро возвращусь к стихам от рынка
И всякой прочей суеты сует.
Есть комната, где лампа как фламинго,
И выключатели, которым равных нет.

Я с этой комнатой традициями связан,
А расхождения, что были, ни при чем,
И недоступные широким массам,
Я все стихи той комнате прочел.

Там ибо люди, для которых надо
Писать поэмы о самом себе,
Они родились для Поэтограда;
А их судьба толкнула в ССП.

Давно наскучили им те легенды,
И надоел непризнанный Глазков,
А все-таки мы все интеллигенты
И ничего не значим без стихов.

4

До войны была стихотворная техника,
Классические и лефовские традиции,
А после войны все это для потех никак
Не годится.

Скажем, на собственный страх и риск
Какой-нибудь поэтический пьяница
От слова «ни зги» образует ни З^г,
А люди даже не удивляются.

Или к слову «мобилизация»
Он не до, а после войны
Придумает рифму МЫ БЫЛИ ЗА ЦАРЯ,—
Демобилизованным хоть бы хны.

Легко отделаться: люди — б...,
Их греховность обширней всех литгрехов,
И поэтому не для печати
Лучше всего не писать стихов.

Война все искусства в архив позапрятала,
Но стихи — они от строки до строки
Существуют помимо воли автора,
А может быть, даже и вопреки!

5

Надоели те и эти оды,
Надоели те и эти песни,
Надоели очень идиоты,
И шепчу: поэзия, воскресни!

А поэзия не воскресает
Ни в серьезном деле, ни в забавах,
А стихи Глазкова искромсают
И не напечатают вдобавок.

Если напечатают, нескоро,
Но без посторонних изменений;
Очень трудно гению Глазкову,
Потому что он всего лишь гений!

Это очень мало. Надо дело
Делать, а не порицать эпоху;
Если жизнь еще не надоела,
Благодарен не себе, а богу,

Господу, что сотворил планеты,
Дал нам объективные законы,
Но, как все пророки и поэты,
Я не верю в господу иконы.

В господу церковей и архиереев,
Где, как в армии, чины-титúлы;
Верить в церковь можно, лишь поверив
В красоту ее архитектуры.

Потому что сила жизни в вере,
Но вернемся вновь к литературе.
Говорю: Мадонна Рафаэля
Лучше алюминиевой кастрюли.

Ошибались люди. Мы простим их,
Потому что люди только люди.
Кажется, Рамсей, английский химик,
Как-то сделал золото из ртути.

Встало это золото дороже,
Чем иные платина с алмазом.
Мало было золота. Так что же?
Гениально, но не нужно массам?

Эти фразы очень мне знакомы
И придуманы всеми хитро;
Бога объективные законы
Поважнее даже, чем метро!

6

Лучше грызть черную корку,
Чем ничего не есть.
И лучше курить махорку,
Чем не курить день весь.

Лучше любить абсолютно не ту,
Чем одному спать,
Но лучше, чем писать ерунду,
Ничего не писать.

7

автопародия

Что мне все дома, трамваи,
Города,
Если я не унываю
Никогда?
Но из дома, что из трюма-
Кабака,
Очень часто я смотрю на
Облака.

Облака плывут все белые
Мною над.
Хорошо мне, сам себе я
Меценат.

А стихи мои умометр
Для ума,
Славен тот, кто их запомнит —
Все тома.

В каждом томе, словно в доме
Для стихов,
Обитателей нет, кроме
Как Глазков.

8

Как у речки берега,
Локти расположены;
В самом деле — чья рука
На стол будет положена?

Два приятеля-врага
Действуют воинственно:
В самом деле — чья рука
Верх возьмет, как истина?

Все исчезло. Их лишь двое.
Положенье таково:
Сила веры, сила воли,
Сила силы — кто кого?

1946

Краткости́я

* * *

*Краткостишье — это муравей,
Тот, кто абсолютно не силен,
А удельно будет посильней,
Чем поэма — африканский слон.*

1976

* * *

Был не от мира Велимир,
Но он открыл мне двери в мир.

* * *

В одних стихах способен я на то,
Что не вышеупомянуто.

* * *

Я искать не стану выход:
Я не вижу в этом выгод.

* * *

Освещает луна
Двадцать два валуна.

* * *

И не тот святой,
Кто ест хлеб с водой.

* * *

То было ему чуждо,
И он подумал: чушь то.

* * *

Я думал, что он товарищ,
А он презренная тварь лишь.

* * *

Ударяйте кол о кол —
Вот и будет колокол.

* * *

Тот, кто меня теперь преследует,
За мной когда-нибудь последует.

* * *

Иногда идешь по победам,
А на самом деле по бедам.

* * *

Соблюдайте собственную выгоду:
Не мешайте входу и выходу!

* * *

Я мог бы это доказать,
Но мне не дали досказать!

* * *

Все, что описательно, ...
То необязательно!

* * *

Тает снег, лежащий на крыше,
Ибо так установлено свыше.

* * *

Заговорили об уже,
А он уполз уже.

* * *

Пчела сказала, что известка
Изготавливается из воска.

* * *

Один цыпленок славу приобрел
И тотчас заявил, что он орел!

* * *

От Арктики и до Антарктики
Все проверяется на практике!

* * *

Иметь и не иметь
Равно уметь и не уметь!

* * *

По теории вероятности
Совершаются неприятности.

* * *

Но авторство —
Новаторство!

* * *

Эстет увидел Лактионова —
И стал кусать он локти его.

* * *

По таежной тропе не я
Шел к заливу Терпения.

О ФУТБОЛИСТАХ

Бегут они без друга, без жены...

* * *

Где родника журчанье,
Там и зверька урчанье.

* * *

Прост чрезвычайно творческий процесс:
Все лишнее срезает косторез!

* * *

Был разутым, босым,
Стал раздутым боссом.

* * *

О скуке говорить не будем:
Всего скучнее скучным людям!

* * *

Они вылетали
Опять из воды
В незримые дали,
Незнамо куды.

1936

* * *

Я отщепенец и изгой
И реагирую на это
Тоской
Поэта.

1936

* * *

Без моста —
Напролом:
Пустота.
Мир — ребром.

1937

* * *

Они сидят, скрипя уныло перьями,
Чиня в миру согласия и раздоры,
А я пришел, чтоб хлопнуть всеми дверьями
И обойти большие коридоры.

1937

* * *

Если я в бою погибну,
Сбитый вражеской рукой,
Никогда не верьте гимну:
«Со святыми упокой».

1937

* * *

Пребывая на распутье,
Я не ведал, кем я буду:
Робеспьером ли, Распутиным,
Руставели или Буддой?

1937

* * *

В тот день улетучилась к черту победа,
И это трагически понято мной,
Но я утверждаю, что званья поэта
Достоин, как званья иного — иной.

1937

* * *

Механически слушай сонаты,
Машинально читай сонеты,
И, решая проблему «она — ты»,
Никогда ни о чем не сетуй.

1938

* * *

Он ворвался в этот мирик,
Как в огромное фойе,—
Богатырь, бунтарь и лирик,
И еще герой поэм.

1938

* * *

Думы дым чернее галки,
Бытие чернее дум.
Но нигде не буду жалким,
Никогда не пропаду.

1938

* * *

Огоньки
Отражались о коньки,
А коньки
Отражали огоньки.

1938

* * *

И я не знаю, куда идти.
Все равно ошибаюсь дверью.
Мне каких святых почитать бытии,
Если я не в одно не верю?

1939

* * *

С мразью надо нам бороться,
Много их, а мы одни,
Но утопим их в колодце
Их дешевой маятни.

1939

* * *

От зари и до зари
В поднебесье лазая,
Всех людишек озари,
Чтоб не пели Лазаря.

1939

* * *

Мне наплевать, как ни томись мы,
На дебри воплей и оваций.
Суть подлинного оптимизма —
В любой трясине целоваться.

1939

* * *

Мне говорят, что «Окна ТАСС»
Моих стихов полезнее.
Полезен так же унитаз,
Но это не поэзия.

* * *

Парень бравый, удалой,
Не прославившийся ране.
И одно ему далось —
Необузданность желаний.

1939

* * *

Пусть заходит ум за разум
В мире неизвестности...
Но не сдамся двум заразам —
Тусклости и трезвости!

* * *

Мы, поэты и пророки,
И друзья, а не враги,
Разменялись на пороки,
Как любые дураки.

* * *

Мне мало комнаты окнатой,
Где мыслю, бодрствуя и спя.
Чтоб стать великим очень, надо
Искать все точки вне себя.

* * *

Все равно эпохе свойственно
Бесноваться, ощетинясь,
Чтоб сменить проблему СОБСТВЕННОСТЬ
На понятие ОЩУТИМОСТЬ.

* * *

Первые выкурить хотят папиросу,
Вторые — обладать миром,
А хорошей девушке хотелось просто
Спать со своим милым.

* * *

Я увидел на небосклоне
Шестнадцать красных облаков,
Они спасались от погони
И защищались от врагов.

* * *

А не хочется расставаться
С миром образов и идей.
Эх, заняться бы реставрацией
Жизней умерших людей.

* * *

За то, что Глазков
Ни на что не годен,
Кроме стихов,
Ему надо дать орден.

1944

* * *

Ежели посеешь рожь,
Будут деньги у тебя.
Ежели посеешь грош,
То не вырастить рубля.

* * *

Я лучше, чем Наполеон и Цезарь,
И эту истину признать пора:
Я никого на свете не зарезал,
Напротив, резали меня редактора!

* * *

По небосклону двигалась луна
И отражалась в энной луже,
И чувствовалась в луже глубина,—
Казалось, лужа в миллион раз глубже.

* * *

Я иду по улице,
Мир перед глазами,
И слова стихуются
Совершенно сами.

* * *

Так слагают стихи от незнания
Про пиратов, забытых давно,
Или про черноземное знамя
Анархиста бандита Махно.

* * *

Я научён внемирным опытом.
В мир, который нехорош,
Пришел и пропадаю пропадом,
И в то же время ни за грош.

* * *

Трамваи как будто по ветру идут:
Вопросительным знаком неким.
Неизвестность себя проявила и тут:
Номера засыпаны снегом.

* * *

Я стать хочу смелее всех
По беспредельности размаха;
Но самый смелый человек
Бойтся собственного страха!

1940

* * *

Иная студентка, забыв про милого,
Зубрит лингвистику неустанно:
Читая евангелие Остромирово,
Не знает Матфея и Иоанна.

* * *

Все люди жаждут хлеба и зрелищ,
Как римский пролетариат,
И если им в этом нелепо изменишь,
Они не поблагодарят!

* * *

Я чего-нибудь да добыюсь
И доберусь до крыш.
А не добыюсь — так утоплюсь
Там, где шумел камыш.

* * *

Пароход поехал по Америке,
Ветер был.
Я в тот вечер двести двадцать две реки
Переплыл.

* * *

Всю жизнь разъезжать по полярным
Странам,
Чтобы быть популярным,
Разве это не странно?

* * *

Верю в счастье человека
И надеюсь на авось.
Пропадай моя телега,
Все четыре... двадцать колес!

* * *

Вокруг трамвайной линии
Стоят деревья в инее,
Не красные, не синие,
А черт знает какие они!..

* * *

В глубоком овраге растет крапива,
В глубоком овраге течет вода,
А я иду по тропинке обрыва,
И никто не толкает меня туда.

* * *

К небу туча сплошная приколота,
И от тучи сплошная тень,
Ну а люди бегут по городу,
Продавая за деньги день.

* * *

Знаю я, что снова и снова
Будут промахи и повторенья,
А последнее слово СЛОВА —
Откровенность на уровне откровенья!

* * *

Без всяких преувеличений ложных
Равнять себя с великими привык.
Я, как Рембрандт, взыскательный художник,
Как он, несостоятельный должник.

* * *

Десять лет сочиняю стихи про всё,
Про вино и войну, про стихи и про дерево.
Чем я хуже, чем лыжник, бегун и боксер?
Почему до сих пор не имею тренера?

* * *

Все, которые на крыше
Жизнь свою пропировали,
К звездам все-таки не ближе,
Чем живущие в подвале.

* * *

Овощами богата страна;
Но овраги — они как измена,
В них не вырастет ни хрена,
Кроме, разве, пожалуй, что хрена.

* * *

Пароходам изменит их счастья звезда:
Из-за новых машин они сгинут бесследно...
Лишь одна однопарка всегда-завсегда,
Как стихи Велимира, бессмертна!

* * *

Люблю речные отмели и косы;
Люблю, когда звенят лугами косы...
Но мне милей моей любимой косы!..
Ты не смотри на эту слабость косо.

* * *

Иголка тонет в блюдечке с водой —
Поэзии здесь нету никакой.
Когда иголка по воде плывет,
Не проза, а поэзия живет!

* * *

Если бы это касалось меня,
А не мессии миссии,
Мне бы плевать на судьбу ремня
Жизненной всей трансмиссии.

* * *

Холодно на планете,
Из пустоты не убрать ее.
Ненастоящие дети
Что-то твердят по радио.

* * *

Жил на свете мыльный пузырь,
Он сверкал и скакал галопом,
В козырные метил тузы,
И прослыл знатоком, и... лопнул!

* * *

Подобно великану,
Шатер стихов раскину.
А после в эре кану,
Но все равно не сгину.

* * *

Состоя из строчек разных,
Для меня стихи не праздник,
А всего скорее будни;
Я не путаник, а путник.

* * *

Дело не в печатанье, не в литере,—
Не умру, так проживу и без:
На творителей и вторителей
Мир разделен весь.

* * *

Встретит черта обыватель,
Он узнает первым делом:
Сколько стоит обувь в аде
И почему хлеб черный с белым.

* * *

Жил-был святой,
Он был слепой,
Ел хлеб с водой
И спал с любой.

* * *

Старушка, та пряталась в тряпки из ваты,
Да изредка нюхала бром.
А внук ее шел в социал-демократы
И ставил вопросы ребром.

* * *

Я хотел писать, но даже почерк
Пошатнулся, а огонь погас.
Что-то характерное для ночи
Надвигалось на усталость глаз.

* * *

Одеянья оборванца
Ярче, чем мозаика.
Жизнь не будет обрываться,
Словно стих прозаика.

* * *

Моя страна все прочие затмила,
Но не поэты первенствуют в ней...
Пусть даже я поэт Огромной Лиры,—
Не в этом счастье Родины моей.

* * *

Мир нормальный, нормирóванный,
По порядкам нумерованный,
Совершает в ногу шествие,—
Я ж стою за сумасшествие.

* * *

Зима проходит как угроза
По древним улицам столицы,
Но не боюсь ее мороза —
Пускай мороз меня боится!

* * *

Моложавый Мишенька
Завелся у Нинки:
У него на лысинке
Ни одной морщинки!

* * *

Запоеет петух. Благодаря
Петуху взойдет у нас заря.
— Нет! — воскликнули наивняки: —
Не благодаря, а вопреки!

* * *

Друзья иногда зазнаются,
Однако всегда и везде
Друзьями друзья остаются,
Когда познаются в беде.

* * *

Нам часто
Не везет.
А счастье —
Горизонт:
Край неба,
А не рай.
Нелеп он,
Этот край!

* * *

Растения под снегом спали,
Но с них покровы снега спали,
Им птичьи стаи песни спели,
Чтоб их плоды от зноя спели.

* * *

Один вождь другому не равен,
А каждый по-своему мудр и велик.
И оба правы: и Петр, и Булавин,
И я за обоих, и я за двоих.

* * *

Поглядеть велит сам бог нам
На сирень перед окном,
Потому что передохнем,
Если не передохнём!

* * *

Исканья
Из камня.
Изделия
Из дерева.

* * *

Не все сложное —
Ложное.
Не все простое —
Пустое.

* * *

Один поэт:
— Учусь
У чувств.—
Другой поэт:
— Учись
У числ!

* * *

— Молчи, семья,—
Сказала стая:
— В тебе семь Я,
Во мне до ста Я!
— До ста, да,
Да стадо!

* * *

Недостаток —
То, что плохо?
Нет! Остаток
Хорошего былого.

* * *

Искусство бывает бесчувственным,
Когда остается искусственным,
А может стать сильным и действенным:
Искусство должно быть естественным!

* * *

Что такое стихи хорошие?
Те, которые непохожие.
Что такое стихи плохие?
Те, которые никакие.

* * *

Средь камней, растеньями увитых,
Змеи попадались нам не раз.
Мы бы змей боялись ядовитых,
Если б змеи не боялись нас!

* * *

Землю рыл искатель клада,
Занят был ненужным делом.
А вскопай он землю сада,
Уж давно разбогател он!

* * *

Дом, который много стоил,
Походил на Парфенон,
Но отнюдь не красотою,
А количеством колонн.

* * *

Родник журчал, что он велик,
Про то же пел его двойник,
Но если бы не родники,
Великой не было б реки!

* * *

Троллейбус, голубой такой, как глобус,
Куда приятней, чем любой автобус.
Совсем не потому, что голубой,
Но в нем я познакомился с тобой!

* * *

Если б ты стал футболистом,
А не в поэты пошел,
Самый широкий читатель
Знал бы тебя хорошо!

* * *

Млечный Путь невероятно близок,
Так же как неистово далек.
Я лежу на печке, словно призрак,
И плюю зачем-то в потолок.

* * *

Она любовь не продала
Ни за чины, ни за рубли.
И больше раза в полтора
Ее любовь любой любви.

* * *

А минувшее все непонятнее ребусов,
И его не понять, не читая томов.
Но чем больше в Москве двухэтажных троллейбусов,
Тем меньше в Москве двухэтажных домов.

* * *

У людей — у них нос, уши,
А у моря в бороде
Лодки сушатся на суше,
Лодки водятся в воде.

* * *

Не забывайте обо мне
И о других поэтах
Ни на земле, ни на луне,
Ни на других планетах.

* * *

Сам себе заехать в рожу
Я могу, а плюнуть — нет!
И стихов писать не брошу,
Потому что я поэт!

* * *

Посмотри на искусство просто,
Отодвинься от подражания,
Нет единства, но есть однойство
Формы и содержания.

* * *

Я не могу остановиться,
Когда начну стихи слагать:
Беседует со мной страница,
Которой не могу солгать.

* * *

Хочется поля в лесу,
Так же как в поле леса.
Такова человеків суть,
Что туда, где их нет, лезут.

* * *

В какое хочешь болото скатись,
Тебя все равно пойму.
Пустыня с названием «аскетизм»
Не понятна мне потому.

* * *

Воскресенье кончается в понедельник,
Люди бегут добывать рубли;
Им всегда не хватает денег,
Ибо им не хватает любви!

* * *

В этом мире книг и жен законных
Я поэт, а может быть, пророк.
Каждый из моих друзей или знакомых
Представляет мой какой-нибудь порок.

* * *

На пир в ауле
Отцы нам дали
Напареули
И цинандали!

* * *

Плывет луна за мной, как карась,
Не плыви, луна, отвяжись.
Разве знаешь ты, сколько раз
Начинал я новую жизнь?

* * *

Всеми фибрами своих колес
Мчался в век прогресса паровоз,
Но, как ретроград и мракобес,
В век прогресса паровоз исчез!

* * *

И у нас в семье не без уroda,
И у нас изъяны велики,
И у нас умны враги народа;
Но друзья умнее, чем враги.

* * *

Бывают в нашей жизни величины
Сложней привычных степеней, корней:
Так женщина умнее, чем мужчина,
Ну а мужчина женщины умней!

* * *

Написал то же я,
Быть может, что и прочие,
Но самое хорошее
В том, что покороче.

* * *

Сказал агроном: — Что такое поля?
Пол-Я!
Сады, огороды, луга к их наделам
Прибавьте — и стану я целым!

* * *

В пустыне мрачной Каракум
Сказал невзрачный каракурт:
— Коллега мой, тарантул,
Не наделен талантом!

* * *

Будут гонки, либо ралли
Все за те же грóши —
Мы маршрут не выбирали
И машину тоже!

* * *

Ра́ды лугá
До слез росы,
Что над ними радуга
Раскинула мосты.

1940

* * *

Снегом обсыпаны елки зимою.
Так полагают все.
А по-моему,
Обсыпан елками снег.

1940

* * *

Она права,
А я упряма,
Она ушла направо;
А мой путь прям.

1940

* * *

Метель
Ревет в ожесточенье,
Мячь ель —
Ее прямое назначенье.

1940

* * *

Первое апреля, а не сентября,
Не от листьев пестро, а от снега бело,
Но кого мне обманывать? Если даже себя
Обманывать надоело...

1940

* * *

Державин
По гроб
Держал вин
Погреб.

1940

* * *

Хороших мыслей провода,
Хороших мыслей невода,
Хороших мыслей города
Воздвиг поэт стране стихов.

1940

* * *

Я ненавижу эти правила,
Они попрали все права.
Пускай судьба меня облаяла,
Но — сам себе я голова.

1940

* * *

Нам будущность великая дана,
Что — лучшее из всех земных даров...
Построим сумасшедшие дома
Для критиков и для редакторов!

1940

* * *

Мне не везло в любви,
И были дней огарки,
Как будто корабли,
Разбитые на палки.

1940

* * *

Он ворвался в ресторан,
Того самого нашел —
И нанес ему сто ран
Сногшибательным ножом.

1940

* * *

Путь азбучных истин неведом,
Но он начинается с «Я»,
И, может быть, именно в этом
Сермяжная правда вся.

1940

* * *

И к цели он пришел почти,
И не погиб, а это здорово,
Когда он шел, то кирпичи
Ему не падали на голову.

1940

* * *

Если любимая девушка
Шаблонную песню поет,
Люби любимую девушку,
А песню — наоборот.

1940

* * *

Или лампу найдешь Аладдина,
Или сгинешь беднягою города,
А в стране золотой середины
Все равно не отыщешь золота.

1940

* * *

За рекою, близ реки
Или у реки
Проходили призраки
Или дураки.

1940

* * *

Очень ты мелко плавал,
Шел по плохим путям,
И разбазарил дьявол
Душу твою б.....

1940

* * *

Стихи читая или слушая,
Ты думал: «Это пустяки»;
Но оказалось, что оружие
Непобедимое стихи.

* * *

Богатырь Святогор,
В книгу судьбы страницы вписывая,
Знал: «Врага возлюби своего»
Означает: «Борьбу возлюби свою».

* * *

С фашистскою гидрой повсюду
Идет справедливая битва.
А Гитлер похож на посуду,
Которая будет разбита.

* * *

Немцы сами убили таких, как Либкнехт,
И на всех нас обрушилась фашизма стена;
Но если мир от фашизма погибнет,
То грош ему вся цена.

* * *

Я мог бы прочитать Расина
И ознакомиться с Европой,
Да не хватает керосина,
А в темноте... пойдя попробуй.

* * *

У меня
Девиз такой:
Если нет в стихах огня,
То бросай стихи в огонь.

1942

* * *

Одни повинуются слепо судьбе,
Другие бунтуют, бездействуют третьи,
А сильная строчка сама по себе
Пройдет метеором по небу столетий!..

1942

* * *

Я против был в стихах своих
Любых ограничений темы,
И был антиаршинен стих
Моей метрической системы.

1942

* * *

Произойдут утраты утр
И вечеринок вечи,
Но ты, поэт, останься мудр,
Неповторим и вечен.

1942

* * *

А если пыль дорожная,
А путь ведет в Сибирь,
То все равно, как должное
Приемлю эту пыль.

1942

* * *

Мне очередь за кипяткой
Состав напомнила товарный...
А женщины народ какой?
А женщины народ коварный!

* * *

Тикают очень громко часы,
Ибо минуты тихи.
Если захочешь, затылок чеши,
Хочешь — пиши стихи.

1942

* * *

Он бы рад вперед,
Да его страх берет.
Он бы рад назад,
Да у него страх в глазах.

1942

* * *

Очень дорого стоила
Укреплений система вся.
Тем, кто ее построил, и
Тем, кто ее взял.

1942

* * *

Не ночь, так день
Сойдет в дома.
Где свет — там тень.
Где тьма — там тьма.

1942

* * *

Был вечер в ту минуту, а не утро,
Не пели пастухи и петухи.
Не знаю почему, но почему-то
Вдруг стало страшно мне писать стихи.

1942

* * *

Не раздавным-давно
Все это происходило.
Недавно: но не дано
Помнить всего, что было.

1943

* * *

Немцы шли в атаку. Цепи
Надвигались слева, справа.
Было утро, были степи,
Были ветры, были травы.

1943

* * *

Пройдут годов сотни и тыщи
Прежде, чем настанет тот день,
Когда какой-нибудь гений отыщет
Периодическую систему идей.

1943

* * *

Не удались завоевания,
Которые не по плечу,
Так не помогут завывания:
«Захочу —
Захвачу».

* * *

Уговаривал не идт́и нас ты,
Не хотел с нами прыгать вниз ты,
В тихий омут, где черти, — т́инистый
И от водорослей тенистый.

1943

* * *

Реализм типичное самое берет
И всех лучше умеет вести к цели нас.
А натурализм — уход от
Действительности в действительность.

1943

* * *

Не надо совершать над поэтом суда.
Рассказать его жизни повесть вам?
Недостаток большого поэта иногда
Является его достоинством.

1943

* * *

Я победы своей не отдам,
Если мне суждено дожить.
Разве есть такой чемодан,
Чтобы я не мог дотащить.

* * *

Милиционер!
В торговый ряд ринься.
Мы ли о цене
Не договоримся?

1943

* * *

В виде бесплатного приложения
К себе он требовал уважения.
Это требованье нелепое.
Я, например, уваженья не требую.

1943

* * *

Гоняясь за необыкновенным,
Ты убедишься вскоре,
Что стоит стать до конца откровенным,
Чтоб быть непобедимым в споре.

1943

* * *

У берега моря был лес,
Вид леса был морю несносен.
И волны зеленые бились
О корни соленые сосен.

1943

* * *

У меня был брат. Его звали Кора.
И он не был похож на витязя.
И захочет господь, мы увидимся скоро,
Не захочет господь,— никогда не увидимся.

1944

* * *

В безумный век войны эпоховой
Живу и не стригу бород.
Для дураков я шут гороховый,
Для мудрецов — наоборот.

1944

* * *

Твоя душа позаросла крапивой,
Она — пустырь!..
А я — я человек трудолюбивый
И богатырь!

1945

* * *

Он был в стране отцом любимым
И мудрецом из мудрецов.
Однако счел необходимым
Детей оставить без отцов...

* * *

Питая склонность к скатертям,
Тевтоны их забрали много,
Зато для них ко всем чертям
Открылась скатертью дорога.

* * *

Он хочет порох держать сухим,
Его намерения самые чистые,
Но он этот порох вставляет в стихи,
А стихи у него водянистые!

* * *

А вы бы могли бы
Постичь изречение:
Лишь дохлые рыбы
Плывут по течению!

1953

* * *

Я, проходимец или оборванец,
До пошлости житейской не дорос.
Меня всю жизнь хотели оболванить,
Но, к сожаленью, им не удалось.

* * *

Так молотом плющат железину,
Так гибель встречают колоссы,
Так женщина смотрит на женщину,
Так палки вставляют в колеса!

* * *

Лень, говорят,— мать всех пороков.
Понятна мне ее гордыня:
Детей-пороков очень много,
И лень давно мать-героиня!

* * *

Оружьем станут пусть стихи,
Они подобны подвигу,
А мы рифмуем пустяки,
Что подвернутся под руку.

* * *

Из рюмочек хрустальных и стеклянных
Я коньяки и вина часто пью,
Но не люблю, не уважаю пьяных,
А трезвенников — тоже не люблю!

* * *

Возможно, будет речь моя резка,
Но, полагаю я, не все едино:
Так, осетрина — это не треска,
Треска — не осетрина!

* * *

Над ним невзгода не нависла,
Везло ему и до, и после:
Он счастлив был, когда женился,
И счастлив был, когда развелся.

* * *

Увидя телеграфные столбы,
Один балбес решил, что это лес,
И начал возле них искать грибы.
То был цивилизованный балбес.

* * *

Лев одолел могучего жирафа.
Лев — царь зверей, ему почет и слава!..
Но царь напрасно так самодоволен:
Поверженный жираф был тяжко болен!

* * *

Жил да был один кувшин,
Он хотел достичь вершин,
Но не смог достичь вершин,
Потому что он кувшин.

* * *

Свинья однажды продала пушнину,
Купила иностранную машину
И стала ею сокрушать тайгу.
Такой свиньи одобрить не могу!

1964

* * *

Сапожное полезно ремесло,
Как сбор плодов и производство стали;
Но человечеству б не повезло,
Если бы все сапожниками стали!

* * *

Вы восхваляли и прилежно хаяли
Сумбурное течение наших лет.
Эпоха... Превосходная, плохая ли,—
Но у меня другой эпохи нет!

1965

* * *

Золотистый маленький кусок
Море выбросило на песок.
Оказалось: не янтарь — стекло.
Даже море обмануть могло!

* * *

Он помнит чудное мгновенье
Не пьянства, а опохмеленья
Лишь потому, что очень часто
Не помнит он мгновенье пьянства.

* * *

Проснулся критик утром рано,
Прочел немало разных строк,
Но гения от графомана
Он отличить никак не мог!

* * *

Когда температура падает
И увядает первый лист,
То этот факт меня не радует,
Хотя я в общем оптимист.

1966

* * *

Его трагедия не в этом,
Что он родился не поэтом;
Моя трагедия не в том,
Что я прославлюсь, но потом!

* * *

Сужу по людям, по поступкам:
У каждого свой потолок,
А он взобрался по уступкам
И воду в ступе потолок.

* * *

Про него ничего такого
Не хочу говорить плохого,
А хорошего — не солгу —
Про него сказать не смогу!

* * *

В осенний день и в летний день
От Магадана и до Юрмалы
Встречал я множество людей,
Совсем лишенных чувства юмора!

* * *

И неприятности любви
В лесу забавны и милы:
Ее кусали муравьи,
Меня кусали комары.

* * *

Из тысячи досок
Построишь и дом и шалаш;
Из тысячи кошек
И льва одного не создашь!

* * *

Шебуршит колючий снег.
В стужу и во мраке
Мерзнет бедный человек —
Лучший друг собаки.

* * *

Крыловская лиса вошла в один
Уральский ювелирный магазин.
Взглянув на цены, повздыхала тут
И заявила: — Зелен изумруд!

* * *

Я поэт. Уже издал пять книг.
Над стихами колдовал подолгу.
А у бога только ученик,
Получивший первую пятерку.

1966

* * *

Зачем нужны стихи? Кому какая польза
От ритма, рифм и прочих пустяков?
А вы попробуйте запомнить столько прозы,
Сколько на память знаете стихов!

* * *

Пускай всегда на глаз или на слух
Нам больше нравится один из двух;
Но оттого, что соловей хорош,
Отнюдь не следует, что плох петух!

* * *

Паровоз от спячки будит
Телеграфные столбы;
По платформам бродят люди,
Не избранники судьбы.

* * *

Одописец исхвалял правленье
И царя хвалил хвалами всеми;
Но хвалебной оды появленье
Оборотно аттестует время.

* * *

В ресторане сидят карапузики,
Пропадают во цвете лет:
Много мух, еще больше музыки,
А горчицы и пива нет.

* * *

Он ничего не знает лучше,
Чем внешнее благополучье:
Хоть у разбитого корыта,
Лишь было бы все шито-крыто.

* * *

Сказал идущий очень быстро с выси
Взбирающемуся на высоту:
— Ты, братец, с черепашьим ходом свыкся,
Взгляни, взгляни, как быстро я иду!

* * *

В результате житейских бурь —
Сам себе могилу копай...
Не хочу!.. А хочу — буль-буль,
И — дым-дым, а потом — бай-бай!

* * *

Нам не надо изуверья —
Для людей страны должны
Стать старинные деревья
Памятниками старины!

* * *

Хотя новы дома,
Но предрассудки стары,
И горе от ума
Есть смерть Вазир Мухтара.

* * *

Мне сказку сказывал главред,
Что у него бумаги нет.
Вношу поправку как поэт:
Бумага есть, отваги нет!

* * *

Одолела дьявольская нудь;
Но когда порвется эта нить,
Многое придется зачеркнуть,
Многое придется сочинить!

* * *

Посмотри во все бинокли ты —
И увидишь: все неверно.
Из всего того, что проклято,
Семь восьмых благословенно!

* * *

Давным-давно
Темным-темно;
Но все равно
Смотрю в окно.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЭЗИИ

Это — есть путь всех труднее и легче,
Это — искание рифм незнакомых,
Это есть высшая форма речи,
Это не свод надоевших законов.

* * *

Человек живет, спеша
Ощутить и то, и это,
А умрет — его душа
Обретает скорость света.

* * *

Годы отходят в сторону,
Нет остановок и пристаней,
Все гениально устроено,
Если всмотреться пристальней.

* * *

Скажу неискренно —
Пройдет бесследно,
А смерть — бессмысленна,
А мысль — бессмертна!

СОДЕРЖАНИЕ

Евг. Евтушенко. Скоморох и богатырь 3

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Прошедшее прошло и миновало...»	12
«Рекламы города цветут...»	13
«Есть много в миру баллад...»	14
«Как из чернильницы вино...»	15
«Пьяный ушел от зимнего холода...»	16
Пират	17
«Люди бегут на лыжах...»	18
Ворон	19
Бюрократы	20
«Жизнь — путевка в Сибирь...»	21
«Книги в сонме лет летевших...»	22
Мой любимый писатель	23
Антисонет	24
Стансы	25
«Ночь легла в безжизненных и черных...»	26
«Я чувствую грохоты нашей планеты...»	27
«Осторожно. Окрашено...»	28
«Арабы, арбы, рабы...»	29
«Река текла в ожесточенье...»	30
Подражание древним	31
«Покуда карты не раскрыты...»	32
Баллада	33
«В созвездья линзами двоякими...»	34
«Эх, раскинулось да Запорожье...»	35
«А школа мало мне дала...»	36
«Поэта день как день царя...»	37
«Надо плакать или смеяться...»	38
«Проходя по знойному Арбату...»	39
«Из цикла «Схема смеха»	40
«По пароходу дождь идет...»	41

«Загружая гулкие года...»	42
«Все мы, проработавшие Пушкина...»	43
«Не сразу смазал карту будня...»	44
«Умирая под ураганным огнем...»	45
Себе	46
В Переделкине у Пастернака	47
«Как рыбы, золотые купола...»	48
«Писатель Андрей Белый...»	49
«Ко мне отношение невежд...»	50
«Все очень просто, хоть и сложно...»	51
Лапоть	52
«Существует четыре пути...»	54
«Двигутся телеги и калеки...»	55
Про войну	56
«Век двадцатый войной исковеркан...»	57
«Немец пытается окружить...»	58
«Обстреливаются на Неве́ дома...»	59
Пародия на Михаила Кульчицкого	60
«Сообщи́ло радио, что Германия...»	61
«Без поражений нет побед...»	62
Поэтoдень	63
Всемирная история в самом сжатом виде	65
«Хочу одного, хотя я изгой...»	66
«Я не знаю, что я буду...»	67
«За неведомым бредущие...»	68
«Кто за меня, кто за него...»	69
«Я знаю это из...»	70
Поэт и дьявол	71
«Вначале, когда помышлял лишь о деле...»	72
Другу	73
«Поэт, ты не можешь добиться издания...»	74
«Прежде я пребывал как в раю...»	75
«Все происходит по ступеням...»	76
Одной из двух умнейших	77
«Звезд на небе мириады...»	78
«Над томами домов...»	79
Про гвардейцев	80
«Пришла пора осенняя...»	81
«Что-то рыбкается и ползается...»	82
«Пошел тропой, сошел с тропы...»	83
Про белую ворону	84
«Все изменяется под небом...»	85
Г. У.	86
Заявление в Литфонд	87
«Все на свете очень сложно...»	88

«Соберутся пять парнишек...»	89
«Москва послевоенная...»	90
«Вечная слава героям...»	91
«Идет война, неся события...»	92
Руки	93
«Быт заел или сам устал...»	94
Подсобный рабочий	95
«Могу от женщины одуреть я...»	96
«Так работают: утро, день, вечер...»	97
В. Хлебникову	98
I. «Своих стихов не издавая...»	99
II. «Но если путь к иным победам...»	99
Эпитафия на самого себя	100
«Ветер, поле, я да Русь...»	101
«И в этой самой жизни нашей...»	102
«Мы поедем за Мытищи...»	103
«Один мечтал о жизни царской...»	104
«Мы подрубим сучки...»	105
«А она не добрая, не злая ведь...»	106
Юрка-граф	107
Баллада о Доносове	109
На смерть Владимира Николаевича Яхонтова	111
«Мы любим жизнь со всеми трын-травами...»	114
«Слово лучше компаса в пути...»	115
«Жизнь во многом была дрянна...»	116
Рынок	117
Саше Межирову	118
«Смейся надо мною или плачь...»	119
«Зал рукоплескал...»	121
«Куда спешим? Чего мы ищем?...»	123
9-е Мая	124
С. Н.	125
«Я утверждаю, что мы не те...»	126
«Надоело Робинзоном...»	127
«На Тишинском океане...»	128
«Иные люди очень любят пиво...»	129
«Где они, на каких планетах...»	130
«Выискивая разное...»	131
«Это нас учили в институтах...»	132
«От ерунды зависит многое...»	133
«Пусть с вашей точки зрения...»	134
«Я не люблю, когда слова цветисты...»	135
«Это так устроено всевышним...»	136
«Могу ли отделаться легким испугом...»	138
Саше Межирову	139

«Молодость прошла. Угомонись...»	140
«Жизнь моя для стихов исток...»	141
Белинский	142
Дождь 16-го августа	143
«Для меня каждый день последний...»	145
Вступление в поэму	146
Волшебник	148
Письмо знакомке	149
Любимая игра	151
«На земле исчезнут расы...»	152
«Чтоб улыбалось счастье...»	153
«Иногда я шут...»	154
«Ибо наши стихи никогда не умрут...»	155
С чего начинается поэзия	156
«Светает. Наступает день. Я...»	157
«— Есть на этом свете счастье?...»	158
«Сапер ошибается только раз...»	159
«Как следует писать стихи?...»	160
Церера	161
«Все зависит от ерунды...»	163
«Где минус и где плюс?...»	164
«Тот молодец, кто понимает...»	165
Про корову	166
«Оптимистический мой стих...»	167
«Не только мы бывали дураками...»	168
За чистоту языка	
1. Авоська	169
2. Кулич	169
Неправда и неправда	170
«Чингисхан, Батый, Аттила...»	171
«Все лучшее из всех земных даров...»	172
«В моей башке какой-то рой вопросовый...»	173
Памяти Миши Кульчицкого	174
«Не упомнишь всего, что было...»	175
«И плотнику, и штукатуру...»	176
Инвалид	177
Большевик	178
«Из ста шаманов лишь один шаман...»	179
«Знает кто про город Бендер-Шах?...»	180
«Есть преданье: Иуда повесился...»	181
«Жизнь моя — непрерывный путь...»	182
«Я, бедняга, — как лев...»	183
Небывализм меня	
Манифест четвертый	184

Манифесты	
1. «Я забыть постараюсь те сны...»	184
2. «Если гений мой бьет впустую...»	185
3. «Их глаза отливают закатами...»	186
«Холуи и подхалимы...»	187
Про череп	188
«Не признан я бездарными такими...»	189
«Я потерпел под небом крах...»	190
«В отряд наш явилась девушка N...»	191
Ю-88	192
«Корабли ушли на базы...»	193
«В мелких и грязных делах здорово руки умыть...»	194
1612—1812—2012?	195
«Диалектический контакт...»	196
Небывализм меня	197
«Самиздат» — придумал это слово...»	198
«Она не хотела сказать мне: «Ты скиф»...»	199
Четыре времени года	200
«Акмеист Николай Гумилев...»	202
«Не уйдет Глазков из плена...»	204
«Я очень много понимаю...»	205
«Очень трудно верить в рай и ад страстей...»	206
«Ни на кого не похож...»	207
«Азбука теней...»	208
«Жил да был искатель клада...»	209
«Обнаружили воровку...»	210
«Один взлетел превыше облак...»	211
Про водяного	212
Почему наступает весна?	213
«Чья душа настолько измельчала...»	214
«У меня, должно быть, в душе нищета...»	215
«Не ведая брода...»	216
«Должны мы все свой пай нести...»	217
«Он всю жизнь бессмертьем бредил...»	218
«Пусть будет эта повесть...»	219
«Голосистый петух...»	221
Поэт и рояль	222
Моя жена	223
Послание Мише Луконину	224
Примитив	226
Утомление	228
В защиту мира	229
«Что ни год, идет вперед...»	230
«Я сбиваюсь с пути...»	231
«Царь-пушка — милая игрушка...»	232

«Оглушенный грохотами всеми...»	233
«Я знаю, жизнь чудесно хороша...»	234
«Ты, как в окно, в грядущее глядишь...»	235
Правда	236
Про чертей	237
«Скажи, сказать какие я еще...»	238
«Говорят, что под старость...»	239
Дождь	240
За новое счастье!	241
За мою гениальность!..	242
«Идет весна, сияет солнце...»	244
«Пусть другой, беспутный и распутный...»	245
Королеве утренних лучей	246
По поводу зависти	247
Тапочки	248
Про обезьян	250
Паук и орел	251
Пятнадцать лет спустя	252
«Раннее утро. Москва тиха...»	253
Про пожары	254
Мраморная доска	255
Разговор с чертом	256
Зимнее утро	258
«Не знаю сам, к чему все клонится...»	259
«Пройдут не скоро горе и болезнь...»	260
«Земля просторна, и на ней не тесно...»	261
Сила стиха	262
В защиту кваса	263
«Люблю тебя, когда весна...»	264
«Я очень одинок, а ты ушла...»	265
«Писать про дружбу и вражду...»	266
«Поехать надо нам на лоно...»	267
«На ветках крохотных берез...»	268
О литературных влияниях	269
Юбилейное	270
«Был Лермонтов поэт великий...»	271
«Что такое моя биография?..»	272
Нюргусун	273
Новгородская грамота	274
«Что творили, не ведали сами...»	275
«Рассчитывая на успех...»	276
Суд времени	277
Будетляне	278
Гибель Черского	280
Гимн клоуну	281

«Поэт пути не выбирает...»	282
Курортный город	283
Свадебный тост	284
Почему я отказался от самолета	285
Последний зимний	286
«В искусстве скучновато без течений...»	287
«Сумасшедшие гении...»	288
Футуристы	289
Флористы	290
Долгожители	291
«В ручейке не купаюсь — балуюсь...»	292
Гололедица	293
Здравый смысл	294
Умометр	295
Водопад Кивач	296
Священные деревья	297
Ландыши	298
Олёкминская уха	299
Песня трубача (Из кинофильма «Романс о влюбленных»)	300
Песня разлуки (Из кинофильма «Романс о влюбленных»)	302
Доброта	303
Хохлома	304
«У нас так любят переименовывать...»	305
«Пушкин, как никто, умел смеяться...»	306
Роман-Кош	307
Компьютер	308
«Коснусь серьезного вопроса...»	310
«Все беды причиняют вред...»	311
«Колосья подкосило колесо...»	312
«— Кем больше быть хочу, — спросили...»	313
«Жить и жить прелестней и полезней...»	314
«О счастье не могло быть речи...»	315
Фильм «Александр Невский»	316
«Желаю стать таким опять...»	318
Тутанхамона видел я в гробу	319
Емеля (Из детских воспоминаний)	320
Амулет	322
«Шаги батальона от боя до боя...»	323
Кольца зим	324
Ювелиру	325
Чеховский домик	327
Турецкая сабля	328
Иван Голиков	329
«Геологи брели пустынной тундрой...»	330
«Не очень трудно обмануть...»	331

«Жил критик. Он смеялся, плакал...»	332
«У меня такое мнение...»	333
Ироническая лирика	334
«Не надо глупости бояться...»	335
«Да здравствуют мои читатели...»	336
«Стихи — не ноги футболиста...»	337
«Быть снисходительным решил я...»	338

ПОЭМЫ

Стихазия

Поэтоград	340
Фантастические годы	354
Сорок скверный	363
На взятие Поэтограда	369
Дорога далека	377
Любвеграфическая поэма	383
Мировая дурь	386
Пароход четвертый	391
Пятый пароход	394
Объяснение в любви	397
Хихимора	400
Лида	404
Чистая лирика	410
1946 год	416

КРАТКОСТИШЬЯ

«Краткостишье — это муравей...»	422
«Был не от мира Велимир...»	423
«В одних стихах способен я на то...»	423
«Я искать не стану выход...»	423
«Освещает луна...»	423
«И не тот святой...»	424
«То было ему чуждо...»	424
«Я думал, что он товарищ...»	424
«Ударяйте кол о кол...»	425
«Тот, кто меня теперь преследует...»	425
«Иногда идешь по победам...»	425
«Соблюдайте собственную выгоду...»	426
«Я мог бы это доказать...»	426
«Все, что описательно...»	426

«Тает снег, лежащий на крыше...»	427
«Заговорили об уже...»	427
«Пчела сказала, что известка...»	427
«Один цыпленок славу приобрел...»	428
«От Арктики и до Антарктики...»	428
«Иметь и не иметь...»	428
«По теории вероятности...»	428
«Но авторство...»	429
«Эстет увидел Лактионова...»	429
«По таежной тропе не я...»	429
О футболистах	429
«Где родника журчанье...»	430
«Прост чрезвычайно творческий процесс...»	430
«Был разутым, босым...»	430
«О скуке говорить не будем...»	430
«Они вылетали...»	431
«Я отщепенец и изгой...»	431
«Без моста...»	432
«Они сидят, скрипя уныло перьями...»	432
«Если я в бою погибну...»	433
«Пребывая на распутье...»	433
«В тот день улетучилась к черту победа...»	434
«Механически слушай сонаты...»	434
«Он ворвался в этот мирик...»	435
«Думы дым чернее галки...»	435
«Огоньки...»	436
«И я не знаю, куда идти...»	436
«С мразью надо нам бороться...»	437
«От зари и до зари...»	437
«Мне наплевать, как ни томись мы...»	438
«Мне говорят, что «Окна ТАСС»...»	438
«Парень бравый, удалой...»	439
«Пусть заходит ум за разум...»	439
«Мы, поэты и пророки...»	440
«Мне мало комнаты окнатой...»	440
«Все равно эпохе свойственно...»	441
«Первые выкурить хотят папиросу...»	441
«Я увидал на небосклоне...»	442
«А не хочется расставаться...»	442
«За то, что Глазков...»	443
«Ежели посеешь рожь...»	443
«Я лучше, чем Наполеон и Цезарь...»	444
«По небосклону двигалась луна...»	444
«Я иду по улице...»	445
«Так слагают стихи от незнания...»	445

«Я научён внемирным опытом...»	446
«Трамван как будто по ветру идут...»	446
«Я стать хочу смелее всех...»	447
«Иная студентка, забыв про милого...»	447
«Все люди жаждут хлеба и зрелищ...»	448
«Я чего-нибудь да добьюсь...»	448
«Пароход поехал по Америке...»	449
«Всю жизнь разъезжать по полярным...»	449
«Верю в счастье человека...»	450
«Вокруг трамвайной линии...»	450
«В глубоком овраге растет крапива...»	451
«К небу туча сплошная приколота...»	451
«Знаю я, что снова и снова...»	452
«Без всяких преувеличений ложных...»	452
«Десять лет сочиняю стихи про всё...»	453
«Все, которые на крыше...»	453
«Овощами богата страна...»	454
«Пароходам изменит их счастья звезда...»	454
«Люблю речные отмели и косы...»	455
«Иголка тонет в блюдечке с водой...»	455
«Если бы это касалось меня...».	456
«Холодно на планете...»	456
«Жил на свете мыльный пузырь...»	457
«Подобно великану...»	457
«Состоя из строчек разных...»	458
«Дело не в печатанье, не в литературе...»	458
«Встретит черта обыватель...»	459
«Жил-был святой...»	459
«Старушка, та пряталась в тряпки из ваты...»	460
«Я хотел писать, но даже почерк...»	460
«Одеянья оборванцев...»	461
«Моя страна все прочие затмила...»	461
«Мир нормальный, нормированный...»	462
«Зима проходит как угроза...»	462
«Моложавый Мишенька...»	463
«Запоеет петух. Благодаря...»	463
«Друзья иногда зазнаются...»	464
«Нам часто...»	464
«Растения под снегом спали...»	465
«Один вождь другому не равен...»	465
«Поглядеть велит сам бог нам...»	466
«Исканья...»	466
«Не все сложное...»	467
«Один поэт...»	467
«— Молчи, семья...»	468

«Недостаток...»	468
«Искусство бывает бесчувственным...»	469
«Что такое стихи хорошие?»	469
«Средь камней, растениями увитых...»	470
«Землю рыл искатель клада...»	470
«Дом, который много стоил...»	471
«Родник журчал, что он велик...»	471
«Троллейбус, голубой такой, как глобус...»	472
«Если б ты стал футболистом...»	472
«Млечный Путь неимоверно близок...»	473
«Она любовь не продала...»	473
«А минувшее все непонятнее ребусов...»	474
«У людей — у них нос, уши...»	474
«Не забывайте обо мне...»	475
«Сам себе заехать в рожу...»	475
«Посмотри на искусство просто...»	476
«Я не могу остановиться...»	476
«Хочется поля в лесу...»	477
«В какое хочешь болото скатись...»	477
«Воскресенье кончается в понедельник...»	478
«В этом мире книг и жен законных...»	478
«На пир в ауле...»	479
«Плывет луна за мной, как карась...»	479
«Всеми фибрами своих колес...»	480
«И у нас в семье не без урода...»	480
«Бывают в нашей жизни величины...»	481
«Написал то же я...»	481
«Сказал агроном: — Что такое поля?...»	482
«В пустыне мрачной Каракум...»	482
«Будут гонки, либо ралли...»	483
«Рады луга...»	483
«Снегом обсыпаны елки зимою...»	484
«Она права...»	484
«Метель ревет в ожесточенье...»	485
«Первое апреля, а не сентября...»	485
«Державин по гроб...»	486
«Хороших мыслей проводя...»	486
«Я ненавижу эти правила...»	487
«Нам будущность великая дана...»	487
«Мне не везло в любви...»	488
«Он ворвался в ресторан...»	488
«Путь азбучных истин неведом...»	489
«И к цели он пришел почти...»	489
«Если любимая девушка...»	490
«Или лампу найдешь Аладдина...»	490

«За рекою, близ реки...»	491
«Очень ты мелко плавал...»	491
«Стихи читая или слушаю...»	492
«Богатырь Святогор...»	492
«С фашистскою гидрой повсюду...»	493
«Немцы сами убили таких, как Либкнехт...»	493
«Я мог бы прочитать Расина...»	494
«У меня девиз такой...»	494
«Одни повинуются слепо судьбе...»	495
«Я против был в стихах своих...»	495
«Произойдут утраты утр...»	496
«А если пыль дорожная...»	496
«Мне очередь за кипятком...»	496
«Тикают очень громко часы...»	497
«Он бы рад вперед...»	497
«Очень дорого стоила...»	498
«Не ночь, так день...»	498
«Был вечер в ту минуту, а не утро...»	499
«Не раздавным-давно...»	499
«Немцы шли в атаку. Цепи...»	500
«Пройдут годов сотни и тыщи...»	500
«Не удались завоевания, которые не по плечу...»	501
«Уговаривал не идти нас ты...»	501
«Реализм типичное самое берет...»	502
«Не надо совершать над поэтом суда...»	502
«Я победы своей не отдам...»	503
«Милиционер!..»	503
«В виде бесплатного приложения...»	504
«Гоняясь за необыкновенным...»	504
«У берега моря был лес...»	505
«У меня был брат. Его звали Кора...»	505
«В безумный век войны эпоховой...»	506
«Твоя душа позаросла крапивой...»	506
«Он был в стране отцом любимым...»	507
«Питая склонность к скатертям...»	507
«Он хочет порох держать сухим...»	508
«А вы бы могли бы...»	508
«Я, проходимец или оборванец...»	508
«Так молотом плющат железину...»	509
«Лень, говорят,— мать всех пороков...»	509
«Оружьем станут пусть стихи...»	509
«Из рюмочек хрустальных и стеклянных...»	510
«Возможно, будет речь моя резка...»	510
«Над ним невзгода не нависла...»	511
«Увидя телеграфные столбы...»	511

«Лев одолел могучего жирафа...»	512
«Жил да был один кувшин...»	512
«Свинья однажды продала пушнину...»	513
«Сапожное полезно ремесло...»	513
«Вы восхваляли и прилежно хаяли...»	514
«Золотистый маленький кусок...»	514
«Он помнит чудное мгновенье...»	515
«Проснулся критик утром рано...»	515
«Когда температура падает...»	516
«Его трагедия не в этом...»	516
«Сужу по людям, по поступкам...»	517
«Про него ничего такого...»	517
«В осенний день и в летний день...»	518
«И неприятности любви...»	518
«Из тысячи досок...»	519
«Шебуршит колючий снег...»	519
«Крыловская лиса вошла в один...»	520
«Я поэт. Уже издал пять книг...»	520
«Зачем нужны стихи? Кому какая польза...»	521
«Пускай всегда на глаз или на слух...»	521
«Паровоз от спячки будит...»	522
«Одописец исхвалял правление...»	522
«В ресторане сидят карапузики...»	522
«Он ничего не знает лучше...»	523
«Сказал идущий очень быстро с выси...»	523
«В результате житейских бурь...»	523
«Нам не дано изуверья...»	524
«Хотя новы дома...»	524
«Мне сказку сказывал главред...»	525
«Одолела дьявольская нудь...»	525
«Посмотри во все бинокли ты...»	526
«Давным-давно...»	526
Определение поэзии	527
«Человек живет, спеша...»	527
«Годы отходят в сторону...»	528
«Скажу неискренно...»	528

Глазков Н. И.

Г52 Избранное/Сост. и науч. подгот. текста Н. Старшинова и Евг. Евтушенко; Вступ. статья Евг. Евтушенко.— М.: Худож. лит., 1989.— 541 с.

ISBN 5—280—00550—9

В том «Избранного» Николая Глазкова (1919—1979) вошли лучшие из стихотворений и поэм, написанных им в 1934—1979 годы.

Николай Глазков — один из самобытнейших поэтов XX века, продолжатель хлебниковского направления литературы, твердо верующий в то, что «поэзия идет от прозы, но возвышается над ней».

Г $\frac{4702010202-140}{028(01)-89}$ 44—89

ББК 84Р7

**Николай Иванович
Глазков**

ИЗБРАННОЕ

Редакторы

Т. Шеханова, Е. Плотникова

Художественный редактор

Е. Ененко

Технический редактор

Е. Полонская

Корректоры

Л. Лобанова, Н. Яковлева

ИБ № 5456

Сдано в набор 27.06.88. Подписано в печать А09857 от 29.03.89. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип № 1. Гарнитура «Тип Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 28,56 + 1 вкл. = 28,61. Усл. кр.-отт. 29,45. Уч.-изд. л. 15,1 + 1 вкл. = 15,14. Изд. № III-3156. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1096. Цена 2 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ВЫШЛИ В СВЕТ
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

М. БУЛГАКОВ. Ханский огонь. *Повести и рассказы*

К. ВОРОБЬЕВ. Убиты под Москвой. Это мы, господи! *Повести*

А. ПЛАТОНОВ. Котлован. Ювенильное море. *Повести*

В. ТЕНДРЯКОВ. Покушение на миражи. *Роман.* Чистые воды Китежа. *Повесть*

М. БУЛГАКОВ. Записки на манжетах. *Ранняя автобиографическая проза*

В. НАБОКОВ. Другие берега. Защита Лужина. Приглашение на казнь. *Романы*

И. ОДОЕВЦЕВА. На берегах Невы. *Мемуары*

